

3

2012

РОССИЯ XXI

3. 2012 май-июнь

Теория и практика политических игр

Сергей Кургинян

Модели глобальной гегемонии и их влияние на мироустройство _____ **6**

Геоглобалистика

Олег Александров

Российско-прибалтийские отношения:
возможна ли перезагрузка? _____ **22**

Страницы истории

Андрей Савин

Этнизация сталинизма? «Национальные»
и «кулацкая» операции НКВД:
сравнительный аспект _____ **40**

Михаил Мягков

Эхо Московской битвы: стратегическое
положение и планы сторон весной 1942 г. _____ **62**

Пути духовных исканий

Наталья Потапова

Тема «памяти» в культуре
модернизма _____ 86

Россия в мире

Михаил Ковалев

Между политикой и идеологией:
метаморфозы исторической
памяти русской эмиграции
1920–1940 годов _____ 120

Актуальный архив

Нина Хайлова

Люди из примечаний. «В кадетской
партии я была своего рода enfant
terrible» _____ 150

Николай Митрофанов

300 лет номенклатурной
переклички _____ 168

Contents in English look at the page 188

РОССИЯ ХХІ

Редакционный совет

Председатель – Дегоев В.В., доктор исторических наук, руководитель Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, профессор МГИМО-Университета МИД России;

Белова О.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН;

Гриневский О.А., доктор исторических наук, чрезвычайный и полномочный посол в отставке, руководитель Центра Европа–США, институт Европы РАН, профессор РГГУ и МГИМО;

Журавлев В.В., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории России МГОУ, руководитель Центра по разработке и реализации программ документальных публикаций федеральных госархивов РГАСПИ, лауреат Государственной премии РФ;

Княнская О.И., доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики РГГУ;

Либих Андре, профессор истории, школа международных исследований, Женева, Швейцария;

Мальков В.Л., доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, руководитель научного Центра историко-теоретических исследований Института всеобщей истории РАН;

Милюков В.В., доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН;

Панин В.Н., доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой Международных отношений, связей с общественностью и журналистики Пятигорского Государственного Лингвистического Университета;

Розенберг Уильям, профессор истории, Мичиганский университет, США;

Розенталь И.С., доктор исторических наук, профессор, главный специалист РГАСПИ;

Фридман Л.А., доктор экономических наук, профессор, руководитель Лаборатории по комплексному изучению Центральной Азии и Кавказа Института стран Азии и Африки при МГУ;

Юрганов А.Л., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Средневековья и раннего Нового времени РГГУ

Журнал «Россия XXI» включен
в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Редколлегия

Главный редактор – Кургинян С.Е.;
Бялый Ю.В. (заместитель гл. редактора);
Мамиконян Е.Р. (заместитель гл. редактора);
Каравашкин А.В.;
Куриленкова А.А.;
Петрова И.Н.

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, геополитики, отечественной и зарубежной истории, социологии, экономики, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России. Редколлегия оставляет за собой право отбора рукописей для публикации. Рукописи рецензируются Экспертным советом. Плата с аспирантов за публикацию статей не взимается.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, место работы и должность, телефон и адрес электронной почты для контактов).

Название статьи.

Аннотацию (500–900 знаков с пробелами).

Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова.

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Справочный аппарат, оформленный в соответствии с требованиями ГОСТ.

Объем статьи, включая справочный аппарат, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в двух–трех номерах журнала.

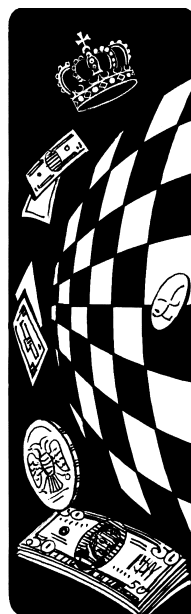
Статья представляется в редакцию на электронном (MS Word) и бумажном (1 экз., подписанный автором) носителях.

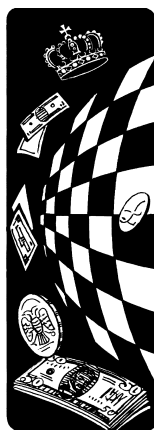
Если детерминизм носит социальный характер, если он – результат пересечения частичных запутанных необходимостей, то индивид понимает, что поле его возможностей ограничено, но не упразднено и открыто его инициативе.

Наука обязывает политика анализировать свою собственную волю, историк же вытаскивает на свет божий идеалы, смутно пережитые исчезнувшими людьми. Наука анализирует поступки людей и их реальные последствия,

заостряя внимание на раскрытии противоречий между намерениями и результатом. Человек политики пытается предвидеть последствия своих действий и использовать детерминизм, чтобы добиться преследуемых целей.

Реймон Арон

Сергей Кургинян

МОДЕЛИ ГЛОБАЛЬНОЙ ГЕГЕМОНИИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА МИРОУСТРОЙСТВО¹

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИГР

УДК
327

The author deals with the problems of the world organization and potential perspectives of the economically leading countries' development. One of the world organization model, project Modern, has approached the point of no return. This project is exhausted and depleted. It is quitting to be a perspective one precisely where it did emerged. The USA already is unable to develop within this project's limits and this fact is confirmed by many economic data. China and India develop within confines of the Modern project but precisely for this reason both countries present a threat to the US hegemony. The big game is just commenced. Russia and India have to pay a greater attention to this game, to examine its thin structure, its logic be all means avoiding the temptation to 'demonize' any participant of the game. The world and the humankind are to find positive exits from the dead end that seems to be ultimate.

Ключевые слова: мировое мироустройство; исчерпание проекта Модерн для США; развитие Китая и Индии.

Key words: problems of world organization; the USA is unable to develop within project Modern; development of China and India.

E-mail: ecc@ecc.ru

¹ Журнальный вариант доклада на совместной конференции МОФ-ЭТЦ и индийского исследовательского фонда Observer Research Foundation.

Анализируя возможные модели мироустройства – как те, которые предполагают чью-то гегемонию, так и более гармоничные, – мы, прежде всего, должны дать себе прямой ответ на серию элементарных и одновременно фундаментальных вопросов.

Первый из них – причем самый простой и одновременно самый больной – таков: «А зачем нужны какие-то новые модели, как основанные на чьей-то гегемонии, так и иные?»

И в самом деле. Разве мир не может развиваться в рамках той существующей модели, которая обеспечила развитие человечества на протяжении последних веков? Разве эта модель начинает давать сбои, перестает отвечать на новые вызовы и угрозы? Ведь, казалось бы, только в этом случае необходимо изменить существующую модель?

Признаюсь честно, что у меня нет окончательного ответа на подобный вопрос. С одной стороны, ни одна новая модель (говоря о модели, я имею в виду то, что называют «парадигмой» или «новым большим нарративом») человечеством не сформирована.

Существовавшая альтернативная парадигма, которая называлась «коммунистической» (или, в мягком варианте, «социалистической»), существенно скомпрометирована не столько собственными неудачами, сколько самим фактом распада СССР. И необходимо какое-то время, вкупе с невероятными усилиями как интеллектуального, так и политического характера, для того, чтобы мы, ответственные за крушение СССР, могли и осознать глубокий смысл случившегося, и выработать что-то новое на основе этого осознания.

Вряд ли можно назвать новой альтернативной парадигмой фашизм, в каких бы то ни было его обновленных модификациях. Этого нельзя сделать, потому что на пути такого признания стоит непреодолимая моральная, экзистенциальная и даже метафизическая преграда. Нельзя называть новой альтернативной парадигмой то, что имеет прямое отношение к Абсолютному Злу.

Но и этим все не исчерпывается. Ибо фашизм в его сокровенной сути, освобожденной от лицемерных масок, не апеллирует к новому в историческом смысле этого слова. Фашизм ненавидит историю и презирает новизну. Конечно, он с удовольствием скажет вам, что он, став неофашизмом или неонеофашизмом, является той новой парадигмой, которую вы должны принять, ибо старая исчерпана. Но это будет всего лишь очередной его ложью, не первой и не последней.

Итак, на самом деле не фашизм в его новых обликах является пусть и гнусной, но новой парадигмой, сформированной на обломках того мира, который сформировала окончательно, конечно же, Великая Фран-

цузская революция 1789 года. Хотя началось формирование этого мира еще тремя столетиями ранее. Нет, не фашизм заменит эту великую парадигму, именуемую проектом «Модерн» или «эпохой модернити» и основанную на идеях прогресса и гуманизма. На великом лозунге «Свобода, равенство, братство».

Фашизм может лишь противопоставить проекту «Модерн» фундаментальный Контрмодерн в виде стратегической альтернативы. Но нельзя считать Контрмодерн, стремление повернуть колесо истории вспять, вернуться в домодернистскую, допросветительскую эпоху, в эпоху нового Средневековья или чего-то еще более архаичного, новым словом, новой парадигмой, новым историческим предложением для человечества.

Но если не фашизм является этим новым словом, приходящим на смену тому, что провозгласил Модерн, то что же тогда может быть рассмотрено в виде такового?

Может быть, эту роль надо делегировать так называемому Постмодерну, активно пропагандируемому определенными западными элитами? Но Постмодерн тоже не является не только новой парадигмой, но и новым большим нарративом (при том, что разговор о больших нарративах начат именно постмодернистами).

Почему не является? По очень многим причинам.

И потому, что постмодернисты (я имею в виду не деятелей культуры, а политиков и философов с данной ориентацией) отрицают проекты как таковые. Все, целиком, включая то, что они называют «проектом Человек».

И потому, что эти философы и эти политики заняты не построением нового большого нарратива, а критикой всех больших нарративов как таковых.

И потому, что задача постмодернизма никоим образом не состоит в том, чтобы строить новое здание любого мироустройства, призванное заменить собою здание мироустройства рухнувшего. Постмодернисты не хотят строить новое здание. Они заняты разработкой совсем другого подхода. Подхода, основанного на том, как надо обустроиться на обломках рухнувшего здания, отказавшись раз и навсегда от построения чего бы то ни было.

Думается, что человечество на подобный сценарий все же не согласится. И, в любом случае, этот сценарий не имеет отношения к тому, что мы обсуждаем, то есть к любому из возможных новых мироустройств. Скорее этот сценарий можно назвать фундаментальным сценарием «неустройства», отказа от устройства как такового.

Но все сразу от жизнеустройства не откажутся. А значит, те, кто не откажется, что-нибудь продиктуют остальным. Что же?

И почему нельзя, при таком дефиците новых мироустроительных моделей, длить жизнь существующей модели, каковой является тот самый проект «Модерн», судьба которого, как я считаю, и впрямь сегодня висит не только на тонком, но и на постоянно утончающемся волоске?

Я мог бы здесь начать обсуждать много важных причин, требующих пусть не мгновенного, но очень быстрого перехода от Модерна к чему-то новому. Но я назову только одну из них. Простую и, к глубокому моему сожалению, весьма неполиткорректную.

Причина эта состоит в том, что и тот мир, который мы называем «Запад», и нынешний лидер этого мира (им, конечно же, остаются Соединенные Штаты Америки) не могут сохранять статус гегемона, играя по правилам, предложенным проектом «Модерн». При том, что сам же Запад и выдвинул эти правила, навязал их остальному человечеству, назвал «безусловными» и «священными». И возложил на себя миссию реализации правил Модерна, пресловутое «бремя белых», о котором говорил великий поэт и писатель XIX века, певец британского империализма Редьярд Киплинг.

На протяжении двух (а на самом деле если добавить к Модерну Премодерн, то четырех) веков Запад мог управлять миром, основываясь на выдвинутых им правилах, записанных на скрижалях проекта «Модерн». А теперь он этого делать не может.

Выяснилось, например, что для того, чтобы быстро двигаться по пути Модерна, нужно постоянно кидать в топку Модерна определенное «топливо», оно же немодернизированный человеческий материал. А такой человеческий материал можно черпать только в толщах традиционного общества.

Этим и занимаются наиболее успешно модернизирующиеся крупные азиатские страны – Индия и Китай. Там есть топливо для Модерна, там понятно, откуда брать искомый человеческий материал. А на Западе такого материала нет, как нет его и в России. Без него Модерн на Западе начинает пробуксовывать.

Это только одна из причин, по которой он начинает пробуксовывать на Западе. Но давайте попытаемся разобрать хотя бы эту причину, а также то, что из нее следует.

Что же следует из того, что Модерн на Западе пробуксовывает? Из этого следует, что Китай и Индия начинают развиваться быстрее, чем США и Европа. Оставим в стороне Европу, которой очень долго при-

дется разбираться со своими многочисленными проблемами и которая пока еще не может быть названа сформировавшимся супергосударством нового типа. И рассмотрим то, что вытекает из пробуксовывания Модерна для реальной западной супердержавы, каковой, конечно, являются США. Рассмотрим это без всякой предвзятости, безэмоционально и объективно.

Свершившийся мировой экономический кризис наглядно показал, что США не могут выдержать мировой гонки, коль скоро эта гонка будет вестись по правилам Модерна. В доказательство можно привести массу цифр, но достаточно и тех немногих общеизвестных, которые я сейчас приведу.

По разным оценкам, Соединенные Штаты производят от 18 до 24% мирового ВВП, а потребляют от 28 до 36% мирового ВВП. Даже если взять самый минимальный разрыв между тем, что США потребляют и производят, то это разрыв в 4%.

Что такое 4% мирового ВВП? Это наращивание долга США больше, чем на 2 триллиона долларов в год. А если взять предельную цифру и считать, что США производят 18%, а потребляют 36% мирового ВВП, о чем многие говорят? Тогда эта цифра достигает 10 триллионов долларов в год. Речь идет о наращивании явного и неявного долга.

Но, даже при минимальном наращивании долга в 4% мирового ВВП в год (еще раз подчеркну, что это самая комплиментарная из всех возможных оценок), США в течение следующего десятилетия должны, накопив еще 20 (а на самом деле больше) триллионов долларов долга, признать себя банкротом.

Замечу, что еще в конце апреля 2010 года глава Федеральной резервной системы США Бен Бернанке публично заявил, что наращивать далее госдолг США недопустимо, поскольку его станет невозможно обслуживать. Понимаете? Не только отдавать, но и обслуживать. А МВФ в июне 2011 года сообщил, что уже через пять лет КНР обгонит США по размерам ВВП, исчисленного по паритету покупательной способности юаня...

Итак, коль скоро речь идет об игре по правилам проекта «Модерн», то США (и не только США) должны признать, что, долгое время выигрывая по этим правилам, они начинают по ним проигрывать.

Казалось бы, что в этом необычного и плохого? В конце концов, на разных этапах у человечества были разные лидеры. И в рамках проекта «Модерн» лидерство тоже менялось. Например, передавалось от Британской империи к тем же США, причем далеко не безболезненно. Почему бы США теперь не передать кому-то еще эстафету мирового ли-

дерства? А миру не продолжать жить все по той же модели Модерна, но с другим лидером? Который когда-нибудь тоже устанет и сойдет с исторической дистанции?

Но, во-первых, в отличие от спортивного состязания, эстафета мирового лидерства очень редко безболезненно передавалась от одной страны к другой. Если бы она передавалась безболезненно, то на каком-то этапе, возможно, лидером стала бы Германия, а не Великобритания. Но для того, чтобы этого избежать, была развязана, как минимум, одна – Первая – мировая война. И это основной практикующийся способ передачи эстафеты в мире Модерна.

Гильфердинг, а за ним Ленин назвали этот способ «законом неравномерности развития при империализме». На современном этапе передача эстафеты по принципу, вытекающему из данного закона неравномерности развития, означала бы третью мировую войну между США и Китаем. При этом США играли бы роль старой империалистической страны (аналогичную той, которую в 1914 году играла Великобритания), а Китай – роль новой империалистической страны, аналогичную той, которую в 1914 году играла Германия.

Подчеркиваю, что в этом случае третья мировая война развернулась бы по схеме, аналогичной Первой, а не Второй мировой войне. Ибо Вторая мировая война разворачивалась по сильно идеологизированной схеме. А тут речь пойдет не о конфликте идеологий, а о конфликте интересов, пресловутом «месте под солнцем».

Есть много достаточно авторитетных экспертов, как американских, так и европейских, утверждающих, что время такой третьей мировой войны не за горами. И что предельный срок для США, когда они еще могут надеяться на выигрыш в такой войне, – 2017 год. Долгое время часть подобных оценок, например, оценки Пола Вулфовица и его закрытой группы В-2, не обсуждалась в открытой печати. Теперь они понемногу начинают обсуждаться, выводиться, так сказать, из категории «топ сикрет»².

² См., например, интервью депутата Европарламента Джульетто Кьеза интернет-порталу *rosbalt.ru* 21 февраля 2011 г. на международном медиа-клубе «Формат А3». В этом интервью Кьеза ссылается на опубликованный еще в 1998 году в США документ – «Project for the new American century», где утверждается, что в 2017 году Китай станет самой большой опасностью для безопасности США. (<http://www.rosbalt.ru/ukraina/2011/02/21/821655.html>).

Но предположим, что никто не хочет третьей мировой войны, понимая, что это будет ядерная война. И что все хотят какого-то иного разрешения вопроса. Какого?

США могут согласиться проиграть по правилам Модерна? Однако давайте посмотрим, какова будет цена проигрыша!

Если бы США немедленно после того, как начали наращивать разрыв между производством и потреблением, осознали угрозу проигрыша и сделали разумные выводы, то все было бы нормально. США тогда могли бы перейти с крайне выгодного первого места на просто выгодное второе место, перегруппировать силы, изменить экономическую политику и сделать экономический рывок.

Однако для того, чтобы не осуществить этого, подчеркну еще раз, не столь болезненного для США перехода на второе место (после чего США опять могли вернуться на первое), была начата игра с долларом. Сначала Ямайские валютные соглашения о превращении валют в рыночный товар... Затем «раскачка» валютной игры... Затем попытка перекрыть риски подобной игры созданием новых финансовых инструментов, именуемых деривативами...

К чему мы постепенно пришли? К тому, что при годовом валовом мировом продукте, ненамного превышающем 50 триллионов долларов, совокупный объем выпущенных деривативов, согласно данным Банка международных расчетов в Базеле (иногда его еще называют «Банком банков»), составил почти 4 тысячи триллионов долларов, или 4 квадриллиона долларов. Объем виртуальных финансов тем самым превысил объем реальных финансов почти в 80 раз.

Это обернулось мировым кризисом. Мировой кризис с трудом залили напечатанными пустыми бумажками – массивной денежной эмиссией. Реальный продукт не стал больше. А вот «пузырь», лопнувший в 2008 году, стал надуваться вновь, грозя новым кризисом.

И ничего другого быть просто не может до тех пор, пока не произойдет одно из двух. Либо начнут соблюдаться опять правила Модерна, согласно которым США должны проиграть. Либо будут изменены правила. Что можно сделать только заменив существующий миропорядок Модерна каким-то новым большим нарративом. Новым порядком или же беспорядком.

Согласиться сейчас на то, чтобы правила, задаваемые проектом «Модерн», заработали, США не могут. Потому что если эти правила заработают, то США перейдут – время для рывка упущено – уже не с первого на второе место, а с первого на четвертое или пятое. Это катастрофически скажется на американском процветании, дестабилизирует

политическую и социальную жизнь США и будет иметь непредсказуемые последствия как для США, так и для мира.

Длитель существующий порядок, подменяя соблюдение правил игрой, основанной на их вопиющем несоблюдении, долго нельзя. Не потому, что кто-то с этим не согласен. А потому, что рано или поздно правила полностью рухнут. И, что хуже всего, никто не знает, когда именно они рухнут. Они могут рухнуть в любую минуту, а могут продержаться еще несколько лет.

Как говорил мне один высокостатусный и высококомпетентный европеец, «дело не в том, что нам не нравится ехать в американском автомобиле, а в том, что мы не знаем, сколько еще времени в нем можно ехать – когда у него начнут вываливаться колеса и взрываться бензобак. Нам хотелось бы выпрыгнуть из автомобиля до того, как это случится, но мы не знаем, как это сделать. Мы и боимся об этом думать, и одновременно только об этом и думаем».

Так что же могут сделать США, если они не могут и не хотят отдавать пальму первенства и одновременно не могут и не хотят выигрывать мировую игру по правилам Модерна? Они должны отменить правила Модерна и создать новые правила, по которым они снова начнут выигрывать. Или же... отменить на какое-то время правила вообще.

По этой причине столь актуальной сегодня становится проблема управляемого хаоса, она же проблема нового мирового беспорядка – подчеркиваю, не порядка, а беспорядка.

В связи с этим нам всем надо честно ответить себе на вопрос о том, кому и зачем нужны в современном мире беспорядок, хаос, нестабильность et cetera. Подчеркиваю, нужен честный ответ на этот вопрос. А до сих пор ответы на этот вопрос столь уклончивы и благостны, что их никак нельзя назвать честными.

Считаю необходимым сделать одну существенную оговорку. Когда официальный политический деятель на официальном мероприятии говорит о том, что ему нужна стабильность там-то и там-то, то это не идиотизм и не преступление, а совершенно необходимое и допустимое высказывание, обладающее нулевой содержательностью. Именно про такие высказывания Галейран когда-то сказал, что язык дан человеку для того, чтобы скрывать свои мысли. Под человеком этот великий дипломат, конечно же, имел в виду дипломата. Пусть дипломаты используют на официальных мероприятиях язык для сокрытия своих мыслей. Это, повторяю, нормально.

Недопустимо другое. Когда за рамками официальности люди, которые взяли на себя тяжкий труд открытия истины, используют язык для

ее сокрытия. Когда я говорю, что это недопустимо, я имею в виду, что это недопустимо для меня лично. Причем недопустимо и морально, и гносеологически, и, если хотите, экзистенциально.

Констатация этой позиции особо необходима сегодня постольку, поскольку настало время собирать всех, для кого это тоже недопустимо. Если мы упустим время, то может случиться непоправимое. И мы никогда не простим себе того, что в нужный момент не сделали всего, что могли бы сделать.

Так кому же на самом деле нужна нестабильность?

Начну с простейшего примера. Допустим, есть вы и ваш враг. Вы ведете с врагом войну. В этом случае вы очевидным образом не заинтересованы в стабильности на территории врага. И заинтересованы в обратном.

Давайте теперь чуть-чуть усложним пример. Есть вы и ваш конкурент. Вы ведете с конкурентом не войну, а конкурентную борьбу. Всегда ли вы заинтересованы в стабильности конкурента? Скажем честно, что вы почти никогда не заинтересованы в его стабильности.

Значит ли это, что вы всегда и всеми средствами будете подрывать стабильность своего конкурента? Конечно же, нет. Если вы законопослушный бизнесмен, то вы не будете применять незаконные средства для подрыва стабильности компании, с которой вы конкурируете. Но если вы сможете сделать это, используя законные средства, и если это будет отвечать вашим интересам, то вы, конечно же, это сделаете. В противном случае, вы не законопослушный бизнесмен, а добрый самаритянин.

Но так ли много в современном мире законопослушных бизнесменов, особенно если речь идет о бизнесе особо крупном и особо рискованном? Разумеется, законопослушные бизнесмены еще остались, но их не так много. Остальные, как показал анализ мирового кризиса, вполне готовы действовать за рамками закона. Иногда минимизируя для себя риск его нарушения. А иногда и идя на риск.

Подобный, набирающий все большую силу тип бизнеса следует рассмотреть отдельно.

Есть вы и ваш конкурент. Вы ведете с конкурентом особую конкурентную борьбу, которую описали крупные ученые и практики и которая называется экономической войной. Джордж Сорос давно и подробно описал, что такое финансовая война³. Известный ученый Дэниэл Ергин, обладающий безупречной научной репутацией, давно и подроб-

³ Джордж Сорос. *Алхимия финансов*. М.: Инфра-М, 2001.

но описал, что такое энергетические войны⁴ – нефтяные, газовые и так далее. Список экономических войн можно расширить.

Нужно ли тем, кто ведет подобные войны, обеспечивать стабильность противника? Совершенно очевидно, что им нужно, наоборот, всеми возможными средствами обеспечивать его нестабильность. И данные структуры, как мы знаем, используют широкий ассортимент средств.

Этим-то и отличается экономическая война от экономической конкуренции. Нефтяная конкуренция предполагает борьбу за снижение своих издержек и повышение своей рентабельности. Нефтяная война предполагает диверсии на нефтепроводах противника или организацию племенных войн на территории, по которой проходят эти нефтепроводы.

Как именно ведутся нефтяные, газовые и иные войны, мы все знаем – это подробно описано. Из этих описаний неопровержимо следует, что нестабильность очень нужна. И что очень многие не чураются самых грязных и кровавых средств для обеспечения этой нестабильности. Эти «очень многие» далеко не всегда принадлежат к так называемой «оси зла». Их влечет не зло, их влечет всего лишь прибыль. Как говорится в таких случаях, «только бизнес, и ничего личного».

Пока что я обсуждал только уважаемый бизнес, использующий в особой конкурентной борьбе нерезультирующие средства.

Крайне важно оговорить, что помимо уважаемого бизнеса, ведущего с помощью нерезультирующих средств экономические войны, есть еще и совсем нерезультирующий, но очень крупный и влиятельный бизнес. Я имею в виду крупный наркобизнес. По разным экспертным оценкам, доходы от наркобизнеса составляют от 600 млрд. до 1 трлн. долларов в год.

До ввода войск международной коалиции под руководством США на территорию Афганистана в 2001 году производство наркотиков в Афганистане составляло 185 тонн в год. Доход от продаж – около 3 млрд. долларов в год.

После ввода войск производство наркотиков увеличилось более чем в 40 раз. Я привожу официальные данные Управления ООН по наркотикам и организованной преступности. Соответственно, доход от продажи наркотиков, произведенных в Афганистане, повысился до 100–110 млрд. долларов. Специалисты прекрасно понимают, что речь идет о

⁴ Дэниел Ергин. Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. М.: ДеНо-во, 1999.

доходах достаточно высокоцентрализованной наркокорпорации, а не о доходах массы ничем между собой не связанных мелких наркодельцов.

Между тем афганская наркокорпорация является хотя и одной из крупнейших, но отнюдь не единственной. Доходы совокупного мирового наркокартеля, контролирующего и Афганистан, и Колумбию, и Бирму, и другие наркорегиионы составляют от 600 до 1000 млрд. долларов в год.

Конечно же, этот меганаркокартель не пирамида, управляемая из одного центра, а сетевая система. Но данная сетевая система имеет достаточно высокий уровень неявной централизации. Нужна ли этой системе стабильность? Разумеется, нет. Ей нужна нестабильность. Это очевидным образом вытекает из сути наркоторговли.

Но вытекает не только это. Специалисты знают, что крупный наркобизнес ведется в существенной степени на основе бартера «оружие за наркотики». Оружейные бароны посещают неблагополучные регионы, в которых воюющим племенам, группам, кланам необходимо оружие. Они обменивают это оружие на наркотики. Чем выше градус конфликта в неблагополучном регионе, тем нужнее оружие и тем больше наркотиков можно получить в обмен на оружие. Соответственно, оружейные бароны заинтересованы в том, чтобы градус конфликта был максимально высок. И используют для управления конфликтами разного рода террористические группы.

Итак, помимо прямого интереса наркобаронов в наращивании нестабильности и неблагополучия (чем выше нестабильность и неблагополучие, тем больше производится и потребляется наркотиков), есть еще и нарко-оружейно-террористический запрос на нестабильность. Мы прекрасно понимаем, что субъектами такого запроса являются нарко-оружейно-террористические консорциумы, которые в существенной степени связаны с теми или иными элитными спецслужбистскими кланами. Не национальные интересы здесь начинают играть решающую роль, а интересы подобных кланов, которые по самой природе своей все более тяготеют к транснационализации.

Как мы видим, спрос на нестабильность огромен. Ибо рассмотренные нарко-оружейно-террористические консорциумы не только получают огромные доходы, но и вкладывают полученные деньги в различные сферы деятельности. В том числе в такие виды деятельности, которые прямо или косвенно связаны с политикой. Ряд экспертов считает, что криминальные деньги подобных структур очень сильно пригодились в ситуации случившегося мирового кризиса. Обсуждается даже

вопрос о том, в какой степени этот кризис связан с легализацией огромных криминальных средств указанных консорциумов.

И, наконец, есть самый масштабный, хотя и неявный, запрос на нестабильность. Тот самый, с которого я начал свой анализ и к которому теперь возвращаюсь.

Вопрос о новом мировом порядке (или, точнее, новых мировых порядках) на основе гегемонии отдельных стран или на «концерте ведущих мировых держав» – на том же G2 (иначе называемом «Кимерика») или на чем-то другом – обсуждается экспертами давно. Кого-то пугает возможность формирования тех или иных новых мировых порядков. Кто-то, напротив, считает, что только на этой основе можно избежать грядущих мировых катастроф.

А вот новый мировой беспорядок, он же «управляемый хаос», начал обсуждаться достаточно недавно, но очень активно. Причем явно в связи с провалом попыток создать определенный мировой порядок.

Идея «управляемого хаоса» очень проста. Если ты не можешь управлять порядком, но хочешь управлять, то можно управлять беспорядком.

В самом деле, ты управляешь другими до тех пор, пока являешься лучшим – наиболее привлекательным, наиболее успешным. Если другие начинают развиваться быстрее, то у тебя есть две возможности.

Первая – самому развиваться быстрее. Тогда ты сохраняешь наибольшую привлекательность. И несмотря на то, что другие развиваются, продолжаешь ими управлять. Но это если ты можешь развиваться быстрее.

А если ты не можешь развиваться быстрее? Более того, начинаешь развиваться медленнее? Тогда единственная возможность продолжать управлять другими состоит в том, чтобы прекратить развитие этих других и даже обеспечить их деградацию. Только так, на фоне быстрого ухудшения ситуации у других и медленного ухудшения ситуации у тебя, ты можешь продолжать управлять другими.

В этой ситуации у тебя возникает естественный и супермощный запрос на нестабильность. И на силы, обеспечивающие нестабильность.

Предположим, что такую нестабильность обеспечивает враждебный тебе радикальный ислам. Если тебе очень сильно нужна нестабильность, то, хотя он и враждебен тебе, ты постараешься с ним дружить и им управлять. Ибо главное для тебя в подобной ситуации – дестабилизировать быстро развивающиеся крупные страны, задержать их развитие или обратить его вспять. А радикальный ислам тебя не пугает, поскольку в нем нет вообще воли к развитию. Его идеал вовсе не развитие, а новое Средневековье.

Дружить с радикальным исламом в 2010 году после того, как ты с ним воевал, начиная с 2001-го, можно только подарив радикальному исламу новые возможности в каких-то регионах. Например, на Ближнем Востоке, в Северной Африке, Центральной Азии...

Подарить такие возможности можно только кого-то сдав. И, в общем-то, понятно, кого. Прежде всего, ранее союзные властные элиты тех стран, которые решились (с разной скоростью и разными издержками) идти по пути Модерна. Тенденции развернувшегося в 2011 году процесса, почему-то названного «Арабской весной», иллюстрируют такую «сдачу» более чем убедительно.

Поэтому в той мере, в какой Россия готова обсуждать те или иные сценарии нового мирового порядка, она не готова обсуждать сценарий управляемого хаоса. Ибо она обеспокоена тем, что этот управляемый хаос будет создан, в том числе, и на ее территории.

Завершая, могу указать на несколько классов субъектов, формирующих спрос на глобальную и региональную нестабильность.

Первый класс субъектов – субъекты, стремящиеся к военной или политической дестабилизации противника.

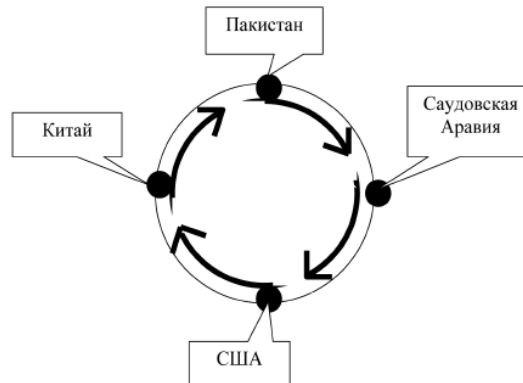
Второй класс субъектов – конвенциональные бизнес-структуры, занятые неконвенциональной конкуренцией (экономической войной).

Третий класс субъектов – неконвенциональные бизнес-структуры (нарко-оружейно-террористические и иные).

Четвертый класс субъектов – силы, делающие ставку на мироустроительный управляемый хаос.

Все эти четыре класса субъектов связаны между собой, а не существуют как «вещи в себе». Тем самым имеет место огромный спрос на глобальную и региональную нестабильность. Эта нестабильность является не следствием одних лишь ошибок, совершаемых благонамеренными субъектами, жаждущими стабильности. Эта нестабильность не является также и результатом происков отдельных, относительно слабых «сил зла».

Она является следствием реализации масштабного запроса весьма серьезных и разнообразных сил. Только учтя этот запрос, мы можем обсуждать и перспективы G2, и перспективы однополярной американской гегемонии, и перспективы построения мира на основе парадоксального альянса между США и радикальным исламом, и перспективы мира, основанные на еще более сложных конфигурациях, вытекающих, например, из особой роли союзов между Пакистаном и Саудовской Аравией, Саудовской Аравией и США, США и Китаем, Китаем и Пакистаном. Круг, как видим, замыкается.

Мне кажется, что пристальное и неподвзятое рассмотрение подобных конфигураций, совмещенное с анализом перспектив направления, именуемого «управляемый хаос», и с кризисом миропроектных оснований, может дать больше для нашей практической политики, чем анализ компромиссов и конфликтов между США и Китаем, которые разворачиваются на наших глазах. В конце концов, не зря в поддержку G2 выступил не только Генри Киссинджер, которого давно называют «главным китайским лоббистом», но и его непримиримый конкурент Збигнев Бжезинский, всегда отстраивавший союз США и радикального исламизма.

Большая игра только начата. России и Индии надо внимательнее рассматривать и ее тонкую структуру, и ее логику. Никким образом не поддаваясь при этом соблазну демонизации кого бы то ни было. У мира, у человечества должны найтись позитивные выходы из сложившегося тупика.

Но такие выходы не обнаруживаются сами собой. Для того чтобы их найти, надо бесстрашно посмотреть на все сразу. И на то, какова может быть политическая философия рассмотренного выше негативного развития глобальных процессов. И на то, какие силы, группы, интересы могут стать опорой для реализации такой политической философии.

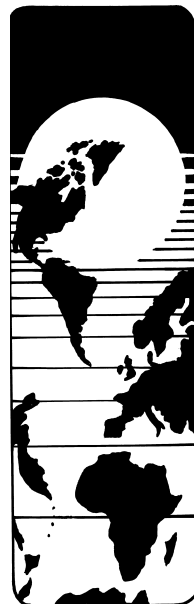
Тогда и только тогда совместными чрезвычайными усилиями мы сумеем противостоять наиболее опасным – или даже катастрофическим – тенденциям, которые уже проявляются в рамках идущего «мироустроительного слома». В противном случае наши народы и наши страны окажутся жертвами тех глобальных процессов, которые мы не распознали своевременно и в нужном объеме.

Простота – образ истинного. Упрощение – это насилие, заступающее место утерянной простоты. Упрощение – это нить, которая движет нас, как марионеток; оно не допускает развития, оно пусто и неподвижно. Наше время – время упрощений.

Все несчастья возлагаются на некий фантом, название которого находят либо среди исторических образований, открывшихся когда-то теоретическому познанию, либо среди неспособных оказать сопротивление представителей отдельных групп. Все то, что играет

**известную роль в нерасторжимом
сплетении вины в смысле
причинности или ответственности,
некритически нивелируется
в качестве вины некоего
определенного другого, которым
мы не являемся.**

Карл Ясперс

Олег Александров

**РОССИЙСКО-
ПРИБАЛТИЙСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ:
ВОЗМОЖНА ЛИ
ПЕРЕЗАГРУЗКА?**

ГЕОГЛОБАЛИСТИКА

УДК
327.82

The present article is devoted to a current state of relations between Russia and the Baltic States. The author considers various aspects of these relations – political, economic, strategic and humanitarian. The goal of the author is to analyze the basic ‘problem knots’ of these relations, to make recommendations concerning the need of a ‘reset’ of these relations. The main problem of the Russian-Baltic relations, according to the author, lays in different perceptions of the common history, as well as in attempts of the Baltic political elite to shape their Russian policy according to a certain ideological schema. Only having destroyed this ideological approach, it is possible to open a new page in the bilateral relations.

Ключевые слова: референдум; оккупация; права русскоязычного меньшинства; идеологическая конфронтация.

Key words: referendum, occupation, Russian-speaking minorities rights, ideological confrontation.

E-mail: Aleksandrov-oleg@yandex.ru

Прошедший в феврале 2012 года в Латвии референдум о придании русскому языку статуса государственного вновь привлек внимание к проблеме «неграждан» в этой стране, а в более широком контексте – к застою в отношениях между Россией и странами Балтии. Символичным стало то, что референдум в Латвии совпал с 20-летием распада СССР. Подобная дата – хороший повод для того, чтобы оценить пройденный путь и попытаться понять, что же завело российско-прибалтийские отношения в тупик, и попытаться найти из него выход.

Результаты референдума показали, что в Латвии и 20 лет спустя после развала СССР общество занимает полярные позиции по вопросу о роли русского языка. По официальным данным, за придание русскому языку статуса государственного проголосовали 25% граждан, против – 75% при общей явке избирателей в 70%. При этом около 300 тысяч «неграждан» Латвийской Республики были лишены возможности выразить свое мнение по данному вопросу¹.

Участники референдума по-разному интерпретировали его итоги. Для «русской партии» успехом стало большое число (273 тысячи) голосов, поданных за придание русскому языку официального статуса. Несмотря на отрицательный общий итог референдума, сторонники русского языка получили возможность продолжить борьбу за статус русского языка как языка регионального значения. В случае положительного исхода это позволит легализовать его употребление в местах компактного проживания русскоязычного меньшинства, а также узаконить его изучение в школе. Противники же такой точки зрения убеждены, что референдум снял все вопросы на эту тему.

Более того, латвийские националисты готовят референдум о полном запрете русского языка и русских школ и переводе образования в Латвии на латышский язык в 2012–2013 годах. Официальная политика Риги явно направлена на реализацию последнего сценария: из 10 закрытых осенью 2009 года школ 9 оказались с русским языком обучения. В 2010 году русская община потеряла еще 3 школы, а 1 августа 2012 года прекратит существование старейшее учебное заведение Риги, где преподавание велось на русском, – основанная в 1868 году школа имени М.В.Ломоносова².

¹ *Результаты референдума в Латвии: русский язык не будет государственным.* URL: <http://ru.baltic-review.com/2012/02/rezul-taty-referenduma-v-latvii-russkij-yazy-k-ne-budet-gosudarstvenny-m>

² *Информационный портал русской общины Латвии.*

А БЫЛА ЛИ ОККУПАЦИЯ?

Высокая степень напряженности в диалоге России и Латвии не является чем-то новым и необычным и для двух других бывших советских прибалтийских стран. Подобная атмосфера

характерна для российско-прибалтийских отношений в целом, которые за прошедшие с момента крушения СССР 20 лет не только не продвинулись вперед, но обросли новыми проблемами. Одной из таких проблем стало выставление России как государству-продолжателю СССР счетов за «оккупацию». «Если бы не советская оккупация, жизнь в Эстонии сейчас была бы такой, как в Финляндии», – заявил по этому поводу бывший президент страны Арнольд Рюйтель. В 2000 году власти Литовской Республики приняли закон, по которому правительству поручалось вычислить «убытки» от пребывания Литвы в составе СССР и затребовать соответствующую компенсацию.

В Латвии также была создана комиссия по вопросу о «возмещении ущерба», которая работала на основании декларации латвийского Сейма от 12 мая 2005 года «Об осуждении осуществлявшейся в Латвии политики тоталитарно-коммунистического оккупационного режима СССР». Задачей комиссии являлось обобщение сведений о депортациях, создание единой базы данных о политически репрессированных, расчет размера «ущерба», причиненного экономике, социальной сфере, окружающей среде, культуре и науке Латвии.

Итоги подсчетов показали, что финансовые аппетиты стран Балтии в отношении России весьма серьезные. Если счет Литвы за советскую «оккупацию» достигает 20 млрд. долларов, то претензии Латвии составляют 200 млрд. долларов. Промежуточное положение заняла Эстония, которая затребовала 4 млрд. долларов в фонд государства и по 250 тыс. долларов каждому пострадавшему от советской власти. С российской стороны встречные претензии выдвинула Счетная палата РФ. По ее данным, на долю прибалтийских республик приходится около 3 млрд. долларов внешнего долга СССР, который был погашен из российского бюджета.

Вопрос о «компенсациях» так или иначе упирается в известный тезис об «оккупации» прибалтийских государств в ходе Второй мировой войны. Однако Россия не желает выступать адресатом подобных претензий, равно как и жалоб по поводу жесткости послевоенной сталин-

ской политики в отношении этих государств. По словам председателя комиссии при президенте России по реабилитации жертв политических репрессий Михаила Митюкова, претензии прибалтийских стран «незаконны и необоснованны», поскольку «сама Россия была жертвой тоталитарного режима и понесла не меньшие потери, чем другие республики СССР». Россия, по его словам, «не может нести ответственность за политику преследований, которую проводило руководство СССР, за исключением обязательства полностью обнародовать информацию о преступлениях»³. Остается добавить, что Россия с не меньшими основаниями могла бы предъявить иск Латвии и потребовать компенсаций за то, что при вооруженной помощи латышских стрелков ленинское правительство большевиков захватило власть в России.

Тезис об «оккупации» был положен в основу государственной идеологии всех трех прибалтийских стран, и он же является краеугольным камнем их внешней политики в отношении России. На нем базируется концепция «восстановленной независимости», которая утверждает, что независимость стран Балтии была искусственно прервана в ходе пресловутой «оккупации». В информационный оборот запущена нехитрая формула: «плохие русские» «оккупировали» независимые прибалтийские государства в 1940 году, в 1941 году им на смену пришли «хорошие немцы», однако в 1944 году «плохие русские» вновь «оккупировали» Прибалтику, лишив ее свободы и независимости на долгие годы.

Подобная абсурдная и антиисторическая интерпретация реалий межвоенного периода и событий Второй мировой войны в который уже раз свидетельствует о том, что история все чаще становится разменной монетой в мировой политике, обслуживает идеологические запросы как отдельных политиков, так и целых государств. Вызывает недоумение отсутствие публичной российской позиции по данному вопросу. Если молчание российской дипломатии в 1990-е годы можно было объяснить проамериканским креном российской политики, а также стремлением свести внешнюю политику России к обслуживанию экономических интересов страны, то молчание на протяжении 2000-х годов свидетельствует о трагической недооценке идеологического измерения международных отношений.

³ Эстония не требует от РФ компенсации за советскую оккупацию. URL: <http://rus.delfi.lv/news/daily/abroad/estoniya-ne-trebuuet-ot-rf-kompensacii-za-sovetskuyu-okkupaciyu.d?id=41263977>

Между тем концепция «восстановленной независимости» прибалтийских государств как юридически, так и политически далеко не безупречна. Однако по умолчанию разделяя данный подход Риги, Таллина и Вильнюса, Москва в 1990-е годы проявила историческую близорукость, дала козыри своим внешнеполитическим оппонентам и резко снизила возможность защищать своих соотечественников, оказавшихся жертвами распада СССР. По всей видимости, в российских политических кругах на протяжении 1990-х годов и частично в 2000-е был распространен миф о царской России как о «тюрьме народов», а ее распад в 1917 году трактовался как объективный процесс. И напротив, обретение независимости государствами Балтии в 1918–1920 годах воспринималось как закономерный исторический процесс.

В духе современной политкорректности российской дипломатии стало неудобно вспоминать о том, что в далеком 1721 году по Ништадтскому мирному договору со Швецией Россия не только получала прибалтийские земли в вечное владение, но и уплачивала в шведскую казну немалую по тем временам сумму в 70 тысяч ефимков. Подобная «забывчивость» странным образом сопровождала и другие исторические события, которые свидетельствовали о тесной культурной и экономической связи прибалтийских территорий с российским государством, о том, что русское население проживало на этих территориях с древних времен, а вовсе не было завезено сталинским режимом в ходе послевоенной «оккупации». Историки (и не только они) знают о том, что Таллин вплоть до начала XVIII века именовался Кольванью, что город Юрьев (впоследствии Тарту) был основан Ярославом Мудрым и без малого шесть веков хранил свое древнее имя, что Юрьевский (впоследствии Тартуский) университет был основан по указу Александра I в 1802 году, и т.п.

Однако современные политические реалии все чаще напоминают России, что подобная историческая «забывчивость» приводит к тяжелым внешнеполитическим последствиям. Желаем ли мы того или нет, но долгие годы постоянным камнем преткновения в двусторонних отношениях России с Латвией, Литвой и Эстонией является пресловутый вопрос об «оккупации» этих стран во время Второй мировой войны. Не сформулировав собственное понимание этого вопроса, его юридической, политической и гуманитарной составляющей, российская дипломатия вряд ли сможет рассчитывать на успехи на балтийском направлении.

Нельзя не согласиться с Н.А.Нарочницкой в том, что в Прибалтике российская дипломатия лишена адекватного инструментария отстаива-

ния интересов России и помощи своим соотечественникам⁴. Не имея собственного подхода к известным историческим событиям, а зачастую и разделяя точку зрения прибалтийских государств, Россия в отстаивании прав соотечественников выступает с позиций слабого. В частности, Москва фактически разделяет ложный тезис о том, что положение русских в странах Балтии якобы является следствием «преступного» пакта Молотова–Риббентропа, в результате которого прибалтийские государства потеряли в 1940 году свою независимость. Тем самым позиция Москвы косвенным образом смыкается с точкой зрения Евросоюза по данному вопросу. Как известно, для ЕС нарушения прав человека в странах Балтии являются несущественными именно потому, что Брюссель, демонстрируя солидарность с этнократическими режимами стран Балтии, отказывается признавать тот факт, что русское население этих республик является коренным.

Между тем непредвзятый анализ международно-правовой ситуации в странах Балтии в межвоенный и военный период не позволяет применять термин «оккупация» к событиям того времени⁵. Если руководствоваться нормами Гаагской конвенции (1907) о законах и обычаях сухопутной войны⁶, то она предусматривала лишь три вида оккупации – имперскую, военную и гарантийную.

- Под имперской оккупацией понималась ситуация, когда оккупируемая территория входит в состав государства-оккупанта, полностью теряя при этом свой суверенитет. Граждане оккупированной территории не получают гражданство метрополии, а присоединенная территория живет по законам государства-оккупанта.
- При военной оккупации территория поглощаемого государства не присоединяется к территории государства-оккупанта, но на ней прекращается деятельность местных органов власти и местного законодательства, при этом местное население не пользуется теми же правами, что и граждане страны-оккупанта. Взамен местного законодательства вводится военный оккупационный режим.
- Третья предусмотренная модель оккупации именуется гарантийной. При ней государство-оккупант вводит войска на территорию

⁴ Нарочницкая Н. Прибалтика. Итоги безволия и нигилизма. URL: http://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/pribaltikaitogi_bezvoliya_i_nigilizma.htm

⁵ Александров О.Б. Северный вектор внешней политики России: внешняя политика на Балтике, в регионе Северной Европы и в Арктике. М.: Спутник+, 2012.

⁶ Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны. URL: <http://www.cneat.ru/konv.html>

оккупированного государства для выполнения ранее заключенного между ними договора. Однако при этом оккупированное государство не лишается суверенитета. Происходит лишь его ограничение вплоть до выполнения условий межгосударственного договора. Не происходит и включения оккупированной территории в состав государства-оккупанта.

Таким образом, положения Гаагской конвенции не позволяют называть оккупацией включение прибалтийских государств в состав СССР. В связи с этим показательно, что президент США Ф.Д.Рузвельт трактовал включение прибалтийских государств в состав СССР не как оккупацию, а как инкорпорацию.

В свете нового прочтения истории и появления новых документов, проливающих свет на события 1917–1920 годов в России, далеко не столь очевидными выглядят Рижский и Тартуский мирные договоры, подписанные в ситуации неоконченной гражданской войны. Следовательно, обретение независимости государствами Балтии происходило в атмосфере правового и политического хаоса⁷. А ведь именно с тех исторических дат ведут отсчет своей государственности страны Балтии. И то, что с их позиций представляется закономерным следствием распада империи, то с «российской колокольни» произошедшее в 1940-х годах может быть с не меньшим основанием истолковано как исторически оправданные действия Сталина по восстановлению территориальной целостности России, разрушенной в ходе гражданской войны⁸.

По результатам переговоров президентов России и Латвии в декабре 2010 года было принято решение о создании совместной комиссии историков, которой поручили выработать общий взгляд на проблемы прошлого и сблизить позиции сторон. Однако создание комиссии было воспринято в Риге как триумф латвийской дипломатии. Достаточно упомянуть, что в ее состав вошли известные латвийские историки, которые ранее выполняли «госзаказ» по обоснованию концепции «оккупации» и выставлению финансовых претензий к России⁹. По словам председателя этой комиссии при президенте Латвии И.Фелдманиса,

⁷ Самсонов А. Эстонии пора принести официальные извинения России за Тартуский мир. URL: <http://topwar.ru/10746-estonii-pora-prinesti-oficialnye-izviniya-rossii-za-tartuskiy-mir.html>

⁸ Лафлэнд Д. Оккупация Прибалтики – это ложь в интересах США // *The Brussels Journal*. URL: <http://www.russkie.org/index.php?module=fullitem&id=17159>

⁹ *Российская Федерация сегодня*. 2012. 14 марта.

«большая часть жителей Латвии должна смириться с тем, что они являются потомками оккупантов... Оккупация является красной линией нашей истории... Российская сторона знает, что мы от своих основных принципов по вопросам истории Латвии не отступим ни на сантиметр. Кроме того, очень многие российские историки признали факт оккупации. Признали и многие российские высокопоставленные политики. Признание факта оккупации – всего лишь вопрос времени, и я думаю, что наша комиссия будет способствовать этому процессу, возможно, даже ускорит процесс». Чуть позже латвийский историк высказался еще более резко: «Что тут еще мусолить? Факт оккупации неоспорим! Почему деятельность СССР надо оценивать иначе, чем деятельность нацистской Германии?»¹⁰

При этом прибалтийские должностные лица не скрывают, что финансовые претензии к России можно предъявить лишь после того, как она сама признает факт «оккупации». Обнадеживает их в этом признании Д.А.Медведевым ответственности России за расстрел польских офицеров в Катыни. Пока что понятно одно: созданная в рамках российско-латвийского диалога совместная комиссия историков явно не справляется с задачей сблизить подходы Москвы и Риги к оценке далекого и недавнего прошлого. Представляется, что в интересах России не углубление исторических споров со своими соседями, а выработка единой государственной позиции по данному вопросу. И в этом России есть чему поучиться у своих прибалтийских соседей. Лишь подобный подход дает шанс закрыть тему для исторических спекуляций, отрезать те политические круги Латвии, Литвы и Эстонии, которые все еще одержимы идеей исторического реванша, и открыть новую страницу российско-прибалтийского диалога.

ТРУДНОСТИ ДИАЛОГА

Какие же уроки должна извлечь Россия из своей балтийской политики? Очевидно, что ожидать скорых прорывов на этом направлении не стоит. Курс на противостояние с

Россией уже свыше 20 лет лежит в основе внешней политики стран Балтии. Если в начале 1990-х годов российские политики тешили себя иллюзиями, что антироссийские настроения в прибалтийских государствах являются издержками переходного периода, то последующие

¹⁰ Там же.

события не оправдали этих ожиданий. И в самом деле, многие из проблем, которые омрачали атмосферу отношений России и стран Балтии, были в одностороннем порядке преодолены самой Россией за счет односторонних уступок. Однако встречного движения со стороны прибалтийских республик не последовало.

К примеру, как должное в прибалтийских столицах был воспринят поспешный и неподготовленный вывод российских войск из этих стран, включая отказ от использования советской военной инфраструктуры – баз для подводных лодок, аэродромов, радиолокационных станций и т.п. Ответом на это стало вступление прибалтийских стран в североатлантический альянс, в ходе которого Латвия, Эстония и Литва отказались взять на себя соответствующие обязательства в рамках ДОВСЕ. В результате «особого статуса» прибалтийских государств на их территории возникла серая зона безопасности, не подпадающая под действующие международные ограничения, которые касаются как обычного, так и ядерного оружия.

Понимают ли политики прибалтийских стран, что, несмотря на различное отношение к страницам общего прошлого, Россия так и останется их ближайшим соседом? И если понимают, то сознательно ли проводят политику, которая втягивает балтийские государства в военное противостояние с Россией?

Нерешенной осталась и главная проблема российско-прибалтийских отношений – ущемление прав и этническая дискриминация русскоязычного населения в этих странах. Россия традиционно выражала возмущение и несогласие с практикой отказа в гражданстве на основании этнической принадлежности, поскольку это не только противоречит международным правовым нормам, но и двусторонним договорам, заключенным между Российской Федерацией и правительствами прибалтийских республик в 1991 году. Вместе с тем и сама Россия наравне со странами Балтии должна признать свою долю вины за то, что данные договоры изначально откладывали решение столь важных вопросов, как гражданство и границы, на неопределенное будущее¹¹.

Практически по всем вопросам двусторонних отношений прибалтийские страны демонстрировали поразительную неуступчивость, которая стала фирменным стилем внешней политики этих новых независимых государств. В частности, очень сложно решалась проблема подписания договоров о границах. Первой отношения с Россией по этому

¹¹ Александров О.Б. Указ. соч.

вопросу урегулировала Литва. Российско-литовский договор о границе был подписан в 1997 году и вступил в силу в 2003 году. В его основу была положена прежняя граница между РСФСР и Литовской ССР, дополненная обменом территориями в спорных приграничных зонах.

На этом фоне заключение договоров о границе с Латвией и Эстонией превратилось в длительную эпопею. Договор России и Латвии о госгранице был подписан лишь в марте 2007 года и ратифицирован в том же году. Попытки подписать этот договор еще в середине 1990-х годов были торпедированы принятием латвийским Сеймом декларации «Об оккупации». В свой черед, между Россией и Эстонией договор о границе был подписан еще в 2005 году, но до сих пор не ратифицирован Россией. Препятствием стала попытка эстонской стороны в одностороннем порядке внести в него положения об «оккупации» и ссылки на Тартуский мирный договор 1920 года, по которому Эстонии принадлежали территории, ныне входящие в состав России¹². В результате эстонского демарша Россия отозвала свою подпись под договором.

Не произошло прорыва и на других направлениях российско-прибалтийского диалога. Большие надежды, которые стороны возлагали на субрегиональное сотрудничество в Балтийском регионе, пока оправдались лишь частично. Здесь в копилку российско-прибалтийских отношений можно положить лишь возросший товарооборот между Калининградской областью и соседней Литовской Республикой (который сопровождался ростом инвестиций литовского капитала в российский регион) да создание еврорегионов при участии Калининградской и Псковской областей. Некоторое время наблюдалась позитивная динамика гуманитарного взаимодействия, развивалась и совершенствовалась договорно-правовая база взаимных отношений. Однако и то, и другое направления в очередной раз стали жертвой антироссийской риторики и появления новых «узлов противоречий» в Балтийском регионе. В качестве последних фигурировали обвинения России в проведении «энергетического шантажа», размещение инфраструктуры НАТО на границе с Россией, регулярные весенние парады латышских формирований легио-

¹² Речь идет о Печорском районе Псковской области, почти половина населения которого обзавелась эстонскими паспортами. Эстонские паспорта охотно берут молодые люди, предпочитающие более легкую службу в эстонской армии, а также те, кто заинтересован в свободном перемещении по Европе. В целом Эстонии удалось серьезно расширить свое политическое, экономическое и информационное влияние в соседних российских районах.

неров СС, снос памятника советским солдатам-освободителям в Таллине, судебные процессы над участниками антифашистского движения (дело Кононова), дальнейшие репрессии в адрес русского языка и многое другое.

В частности, тема «энергетического шантажа», в полной мере заявленная в 2000-е годы, является ярким примером русофобии прибалтийских государств. Не кто иной, как сами же прибалтийские государства на протяжении 1990-х годов препятствовали проникновению российских энергетических компаний на свой рынок. Между тем это могло бы заложить более прочные основы для двустороннего сотрудничества и воссоздать на новом технологическом уровне прежние экономические цепочки, созданные еще во времена СССР¹³. Лишь только после решительного отказа в вопросах приватизации прибалтийских нефтегазовых активов Москва приступила к наращиванию собственных транзитных возможностей на территории Ленинградской области.

По мере переориентации транзита российской нефти с балтийских (Вентспилс, Бутинга, Мууга) на российские (Приморск) терминалы тема энергозависимости балтийских стран от российского сырья необъяснимым образом эволюционировала в тему российского «энергетического шантажа» и в таком виде стала тиражироваться как в балтийских масс-медиа, так и в западных СМИ. Впервые тема противодействия «энергетическому шантажу» со стороны России прошла обкатку на Рижском (что само по себе примечательно!) саммите НАТО 2006 года, когда американский сенатор Р. Лугар предложил внести поправки в статью 5 Устава НАТО, согласно которой вооруженное нападение на одну или несколько стран трактуется как нападение на весь альянс. По предложенной им трактовке, которая, однако, не нашла закрепления в официальных документах Рижского саммита, ограничение или прекращение поставок энергоресурсов в страны НАТО будет приравнено к агрессии против альянса. Примерно в эти же сроки вице-президент США Ричард Чейни выступил в Вильнюсе с аналогичными призывами. Синхронность выступлений американских высокопоставленных лиц напомнила еще об одной особенности российско-прибалтийских отношений: они странным образом в точности соответствуют текущему состоянию российско-американских отношений.

Свое дальнейшее развитие тема «энергетического шантажа» нашла в решении создать в 2013 году в Литве Центр энергетической безопасно-

¹³ *Особенно остро стоял вопрос о покупке акций Вентспилского порта.*

сти НАТО¹⁴. Среди всех прибалтийских государств Литва является наиболее последовательным критиком России по данному вопросу, приписывая ей ни много, ни мало ведение энергетической войны против Запада. Впервые эта идея появилась на свет и довольно активно пропагандировалась во времена президентства Вальдаса Адамкуса, гражданина США, который занимал этот пост с 1998 по 2009 год. Вильнюс постоянно обвиняет Москву в том, что та будто бы пытается оказать политическое влияние на республику с помощью цен на энергоносители. У Литвы множество планов освобождения от энергетической зависимости от России, начиная со строительства собственной атомной электростанции и заканчивая созданием терминала для сжиженного газа на балтийском побережье. О необходимости перейти на естественные источники энергии – ветер, солнце, биотопливо – заявила президент Литвы Даля Грибаускайте. Однако пока республика почти на 100 процентов зависит от поставок российских энергоресурсов, а остановка по требованию Еврокомиссии 31 декабря 2009 г. надежной Игналинской АЭС советской постройки еще более усилила зависимость Литвы от российского газа. Тем не менее политика Литвы в отношении России по-прежнему укладывается в формулу, высказанную однажды Витаутасом Ландсбергисом, – «чем слабее Россия, тем лучше для Литвы».

**«БОЛЬШИЕ МАНЕВРЫ»
ВМЕСТО «ПЕРЕЗАГРУЗКИ»?**

Военно-стратегическая ситуация в Балтийском регионе также не внушает России особого оптимизма. Проблема размещения военной инфраструктуры североатлантического альянса в странах Балтии, равно как и проведение там регулярных военных учений стали серьезным вызовом безопасности России, на который Москва пока не нашла адекватного ответа. Речь идет об аэродроме в Лиелварде (Латвия), располагающем взлетно-посадочными полосами и центром управления военно-воздушными силами, а также об аналогичных аэродромах в Литве и Эстонии. По словам латвийских военных экспертов, все эти аэродромы находятся сравнительно недалеко от границы с Россией и «предназначены точно не для обороны»¹⁵. Кроме них, Латвия предоставила в распоряжение НАТО Болдерайскую военно-морскую базу, которая играла стратеги-

¹⁴ *Российская Федерация сегодня*. 2012. 14 марта.

¹⁵ *Может ли Балтика стать ареной мировой войны? // Янтарный мост*. 2012. №1.

ческую роль еще во времена СССР, а ныне может принимать атомные подводные лодки. Важную стратегическую роль играет и локатор раннего предупреждения в Аудрини, зона действия которого простирается до Урала. При этом само по себе размещение военных объектов НАТО на территории новых стран-членов альянса является нарушением положений основополагающего Акта о взаимных отношениях России и НАТО 1997 года, однако сейчас в альянсе не принято вспоминать старые обязательства.

За прошедшие 20 лет со времени завершения «холодной войны» Балтийский регион имел хорошие шансы превратиться в регион мира и доверия, однако пока медленно, но верно превращается в регион повышенной военно-политической активности североатлантического альянса.

В конце марта текущего года в воздушном пространстве прибалтийских стран прошла очередная, одиннадцатая по счету, комплексная тренировка Объединенных военно-воздушных сил НАТО (*Baltic region training event*). В ходе этих учений отрабатывалось взаимодействие авиации стран-членов альянса в рамках миссии по охране воздушного пространства стран Балтии¹⁶. Аналогичные учения проводились и в предыдущие годы. По мнению военных экспертов (в переводе с дипломатического на военный язык), речь можно вести об отработке элементов стратегической воздушно-космической операции НАТО против России. Одновременно на территории Норвегии с 12 по 21 марта были проведены масштабные военные учения *Cold response 2012*. Учения носили многонациональный характер: в них принимали участие более 16 тысяч военнослужащих из 15 стран, в том числе из Великобритании, Германии, Франции, Канады и США.¹⁷ На середину мая в Эстонии было запланировано проведение ежегодных бригадных учений *Kevadtorm 2012 (Весенний шторм 2012)*. В июне 2012 года Балтийский регион снова станет местом проведения военных учений НАТО. На этот раз в рамках учений альянса *Baltops 2012*, которые пройдут на территории Литвы и в акватории Балтийского моря, будут отрабатываться элементы воздушно-морской десантной операции. Участие в учениях примут подразделения стран-членов североатлантического альянса и стран-участниц программы «Партнерство ради мира» общей численностью 8

¹⁶ URL: <http://www.amberbridge.org/newstext?id=2227&tid=1&year=2010&month=11>

¹⁷ URL: <http://www.arcticuniverse.com/ru/news/20120312/02202.html>

тысяч военнослужащих¹⁸. В эти же сроки на территории Финляндии будут проводиться очередные бригадные учения альянса *Afex 2012*¹⁹.

На этом список запланированных на 2012 год учений не заканчивается. На июнь 2012 года в Латвии и Эстонии намечено проведение учений *Sabre Strike*, в которых примет участие европейский контингент ВВС США. Учения необходимы для тренировки стратегической перегруппировки войск из США в страны Прибалтики²⁰. И, наконец, с 26 июня по 2 июля текущего года на территории трех прибалтийских государств будет проведено крупномасштабное командно-штабное учение *Baltic Host*. Как и в прошлые годы, основной целью маневров станет отработка переброски войск НАТО в кризисные районы стран Балтии. В ходе учений предполагается отработать действия воздушного и морского десанта по разгрому вероятного противника²¹. Однако если некоторые российские политики и дипломаты, по всей видимости, склонны думать, что речь идет об иранских и северокорейских «коммандос», то российские военные уверены²², что речь идет о Балтийском флоте и Калининграде.

А что же Россия? Со своей стороны, Москва, начиная с 1990-х годов, проводила в регионе довольно осторожную и сдержанную политику. Ее лейтмотивом было желание начать отношения с новыми независимыми государствами Балтии «с чистого листа», оставив в прошлом взаимные исторические обиды. Именно Россия проделала значительный путь к сближению позиций и созданию атмосферы доверия в регионе. Достигнуто это было за счет масштабного сокращения вооружений, размещенных на северо-западе страны. В одном лишь Калининградском регионе произошло более чем десятикратное сокращение вооруженных сил и вооружений²³. Однако, учитывая повышенную военную активность североатлантического альянса в непосредственной близости от российских границ, стоит ли удивляться тому, что некоторые ответные меры России все-таки последовали. Так, в бригаде воздушно-космической

¹⁸ URL: <http://www.mod.mil.by/news4>

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² *Европейская безопасность: освоение балтийского плацдарма продолжается*. URL: <http://www.belvro.com/8490.html>

²³ Александров О.Б. *Регионы во внешней политике России. Роль Северо-Запада*. М.: МГИМО-Университет, 2005.

обороны Балтийского флота под Калининградом развернут дивизион стратегических противоракетных систем ЗРК С-400 «Триумф», целью которых является борьба со средствами воздушного нападения всех видов и прикрытие западных рубежей России²⁴.

Несколько лучше выглядит ситуация с гуманитарным измерением российско-прибалтийских отношений. Однако и оно является заложником курса на идеологическую конфронтацию, которая чаще всего проявляет себя в информационной сфере. Так, за последние годы российская сторона неоднократно выходила с предложением подписать российско-латвийское межправительственное соглашение о деятельности информационно-культурных центров, однако власти Риги под надуманными предлогами отказывали в решении этого вопроса²⁵. Российско-прибалтийские связи в области науки и образования также носят ограниченный характер, а студенческий обмен крайне незначителен.

К примеру, характер гуманитарного взаимодействия России и Эстонии прекрасно иллюстрируется историей с Тартуским университетом, который в 2012 году «забыл» о 210-летнем юбилее со дня его основания российским императором Александром I в 1802 году. Указанная дата просто не упоминается в перечне важных событий в жизни университета. Зато университет в текущем году собирается отметить ... 380-летие «Тартуского университета», под которым в Эстонии понимается основанная шведским королем Густавом Адольфом Вторым шведская школа богословия «Академия Густавиана», которая впоследствии переехала в Ревель (Таллин) и была закрыта еще в XVII веке²⁶.

Несмотря на то, что на официальном сайте университета в качестве даты основания обозначен 1632 год²⁷, подлинный Тартуский (Дерптский, а с 1893 по 1920 год Юрьевский) университет был основан в 1802 году для образовательных нужд русских подданных – остзейских немцев. Интересно, что преподавание в вузе вплоть до 1895 года велось исключительно на немецком языке, позже – на русском языке. Вуз вплоть до 1917 года носил официальное название – Императорский

²⁴ Балтийский флот вооружили комплексом С-400 «Триумф». URL: <http://www.izvestia.ru/news/520320>

²⁵ Янтарный мост. 2012. №1.

²⁶ Тартуский университет не хочет вести свою родословную от «варварской России»? URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1511878.html>

²⁷ URL: <http://www.ut.ee/en/university>

Юрьевский университет (Императорский Дерптский университет), а расходы на его содержание целиком несло правительство Российской империи.

УРОКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Учитывая вышеназванные проблемы в отношениях между Россией и странами Балтии, вправе ли мы рассчитывать на их успешную «перезагрузку»? Если принять во внимание,

что отношения между Россией, с одной стороны, и Латвией, Эстонией и Литвой, – с другой, в значительной степени являются производными от отношений Москвы и Вашингтона, то наиболее благоприятное время для «перезагрузки» уже упущено. Однако ставить финальную точку в этих отношениях еще рано, равно как и относить их к разряду бесперспективных. При наличии доброй воли и политического мужества любые, самые безнадежные отношения можно сдвинуть с мертвой точки.

Но российская дипломатия должна сделать работу над ошибками, которых на балтийском направлении набралось немало. Здесь и невнятная работа «Россотрудничества» по защите соотечественников и продвижению русских культурных центров в странах Балтии, и отсутствие целостного подхода, который включал бы в себя военно-политическое, экономическое и гуманитарное измерения, и необъяснимые односторонние обязательства. Примером последних могут служить обязательства Москвы по защите прав финно-угорского народа²⁸, которые Россия взяла по настоянию правительств Финляндии и Эстонии²⁹ на третьем (2000 г.), четвертом (2004 г.) и пятом (2008 г.) Всемирных конгрессах финно-угорских народов, и многое другое.

В целом, можно сделать вывод о том, что любой компромисс достигается на основе желания обеих сторон двигаться навстречу друг другу. За прошедшие двадцать лет с момента крушения СССР это желание было в основном односторонним – российским. Что же требуется сделать, чтобы «перезагрузка» российско-прибалтийских отношений стала реальностью? Как представляется, главное – это умение смотреть в будущее, не забывая о прошлом.

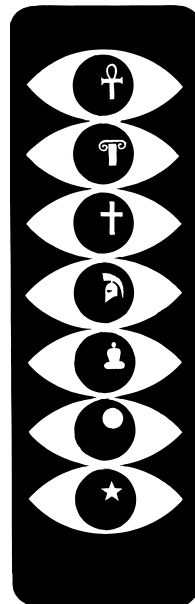
²⁸ В то время как Таллин не брал на себя аналогичных обязательств в отношении русскоязычного населения.

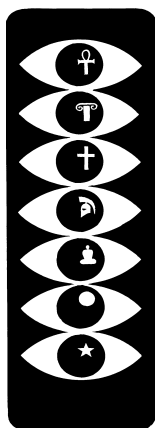
²⁹ Александров О.Б. Северный вектор внешней политики России...

История народа становится достойной изучения, представляет уже не отрывочный ряд биографий, занимательных для воображения людей... но дает связное и стройное представление народной жизни, питающее мысль зрелого человека, который углубляется в историю как науку народного самопознания.

**Бывает в народе готовность к войне
внешняя, материальная и бывает
внутренняя, нравственная: первая
без второй ничего не значит, вторая
может восполнить первую, создать
ее в короткое время.**

С.М. Соловьев

Андрей Савин

ЭТНИЗАЦИЯ СТАЛИНИЗМА?

**«НАЦИОНАЛЬНЫЕ» И «КУЛАЦКАЯ»
ОПЕРАЦИИ НКВД:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК
93/94

According to the thesis of 'Ethnicization' of Stalinism, the regime considered 'enemy' ethnic groups as its main enemies in the 1930–1940s. The study of 'German operation' 1937–1938 in Western Siberia allows to put the certainty of this interpretation to doubt. The comparison of 'ethnic' cleansings and NKVD campaign under the order № 00447 ('kulak operation') gives the key to understanding the peculiarities of the former. The criteria of the social past life was determinative in choosing a person as a victim of 'ethnic' cleansing.

Ключевые слова: сталинизм; этносы; немцы; национальные операции НКВД; этнические чистки; приказ № 00447; Сибирь.

Key words: stalinism; ethnos; Germans; NKVD national operations; ethnic cleansing; order № 00447; Siberia.

E-mail: a_savin_2004@mail.ru

ВВЕДЕНИЕ В ТЕМУ

В последние годы в историографии, особенно западной, все большую популярность завоевывает тезис об этнизации сталинизма. Его сторонники полагают, что в то время как в годы революции, гражданской войны и НЭПа большевики считали своими главными врагами представителей чуждых «эксплуататорских» классов и групп, то в 1930-е, и особенно в 1940-е годы, главными жертвами сталинского режима стали национальные меньшинства и «враждебные» этнические группы. Таким образом, биологический, расовый аспект якобы получил в сталинской политике приоритет сравнительно с социальным¹.

В качестве определенной квинтэссенции позиции сторонников тезиса этнизации сталинизма можно расценивать соответствующую аргументацию Йорга Баберовского. Известный немецкий историк утверждает, что сталинское руководство идентифицировало население не только по социальному, но и по этническому признаку – иначе говоря, для него существовали не только классы, но и нации с неизменными признаками. Чем более отсталой была нация до революции, тем более пролетарской и передовой она воспринималась, и наоборот. Таким образом, «восточные» национальности считались наиболее революционными, а «западные» (немцы, поляки, евреи) – наиболее контрреволюционными. «Нет ничего более удаленного от действительности, чем представление о том, что национальная принадлежность ничего не значила для большевиков», – отмечает Й.Баберовский. Следуя своему представлению о нации как о культурной общности, связанной единой судьбой, большевики полагали, что как у «бывших» не было возможности изменить свое социальное прошлое и стать настоящими пролетариями, так и у представителей «контрреволюционных» наций не было возможности сменить нацию на «революционную»².

¹ Подробный анализ вопроса и соответствующей исследовательской литературы проделан Кристофом Миком (См.: Mick C. *Die Ethnisierung des Stalinismus. Zur Wirksamkeit ethnischer Kategorien bei der Sowjetisierung der Westukraine 1944–1948 // Moderne Zeiten? Krieg, Revolution und Gewalt im 20. Jahrhundert. Hrsg. von Jörg Baberowski. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2006. S.145–147.*

² См.: Baberowski J. *Der rote Terror. Die Geschichte des Stalinismus. München: Deutsche Verlags-Anstalt, 2003. S.195–196.*

Еще одним ярким представителем концепции этнизации сталинизма выступает американский историк Тимоти Снайдер, чья монография, посвященная преступлениям режимов Гитлера и Сталина на территории Восточной и Центральной Европы, вызвала большой международный резонанс, будучи переведенной за короткое время на 20 иностранных языков³. При описании массовых операций НКВД 1937–1938 годов в центре внимания Снайдера находится «польская» операция, которую он характеризует как «этническое убийство» и подчеркивает несомненный «этнический характер» этой широкомасштабной акции НКВД. Как отмечает в своей острой критической рецензии Юрген Заруски, «этнизация сталинской репрессивной политики является главной чертой книги Снайдера»⁴.

Кульминационными результатами и главными доказательствами такого идеологического дрейфа сталинского режима от классовой парадигмы к парадигме этнической расцениваются «национальные» операции НКВД времен «Большого террора», а также этнические чистки и депортации, главным образом, военного времени. В настоящей работе⁵ предпринята попытка верификации тезиса об этнизации сталинизма на основании конкретно-исторического изучения так называемых «национальных» операций НКВД. Мы рассмотрим в первую очередь «немецкую» операцию на примере ее осуществления в Сибири и сравним ее с самой массовой операцией Большого террора, широко известной как «кулацкая»⁶. Только такой эмпирический подход «снизу» в состоянии

³ См.: Snyder T. *Bloodlands. Europe between Hitler und Stalin*. New York, 2010.

⁴ См.: Zarusky J. Timothy Snyder's "Bloodlands". *Kritische Anmerkungen zur Konstruktion einer Geschichtslandschaft // Vierteljahrshefte fuer Zeitgeschichte*. Januar 2012. Heft 1. S.13.

⁵ Настоящая статья была представлена автором в виде доклада на международной научной конференции «Западные и северные меньшинства в период Большого террора 1937–1938 гг. Новые перспективы изучения», состоявшейся в университете Умео, Швеция, 25–28 января 2011 г.

⁶ Оперативный приказ НКВД СССР № 00447 от 30 июля 1937 г. «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» был подготовлен во исполнение постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 2 июля 1937 «Об антисоветских элементах», в котором перед НКВД СССР ставилась задача произвести в течение короткого времени полную очистку страны от «контрреволюционных, кулацких и уголовных элементов» посредством особых, более упрощенных, способов и процедур осуществления репрессий. Приказ устанавливал несколько категорий лиц, подлежащих репрессиям: «кулаки», отбывшие срок ссылки или бежавшие из нее, бывшие члены «анти-

ЭТНИЗАЦИЯ СТАЛИНИЗМА?

подтвердить или опровергнуть теоретическую конструкцию этнизации сталинизма.

В 1937–1938 годах в отношении ряда национальных меньшинств⁷ были осуществлены массовые репрессивные акции, жертвами которых, по последним оценкам, стали 340–350 тыс. человек, в том числе порядка 140 тысяч репрессированных в ходе «польской» операции и около 55 тысяч – в ходе «немецкой»⁸. Согласно общепринятой точке зрения, именно в ходе «национальных» операций наиболее ярко проявились

советских партий), бывшие белогвардейцы и царские чиновники, сектанты, «террористы», «шпионы», политические заключенные и уголовники. Все репрессуемые, согласно приказу, разбивались на две категории: первая – подлежащие немедленному аресту и расстрелу, вторая – подлежащие заключению в лагерь или в тюрьму на срок от 8 до 10 лет. Следствие вели органы НКВД, приговоры выносили особые внесудебные органы, так называемые «тройки». Для каждой области, края и республики были определены «лимиты» по обеим категориям репрессуемых. Общая первоначальная цифра репрессуемых в соответствии с приказом составляла 268950 чел., из них 75950 чел. подлежали расстрелу, 193000 – направлению в лагерь. Учитывая запросы, поступающие с мест, Политбюро ЦК неоднократно в 1937–1938 гг. увеличивало «лимиты».

⁷ В первую очередь поляков, немцев, латышей, эстонцев, финнов, болгар, македонцев, греков, румын, иранцев, афганцев, китайцев и корейцев.

⁸ См. например: Savin A. *Nationale Operationen des NKVD der UdSSR 1937/1938 // Lexikon der Vertreibungen. Deportation, Zwangsaussiedlung und ethnische Säuberung im Europa des 20. Jahrhunderts.* Hrsg. von D.Brandes, H.Sundhaussen, S.Troebst. Wien; Köln; Weimar, 2010. S.462–465. – «Карательная» статистика традиционно, по многим причинам, выступает одним из спорных мест исследований сталинских репрессий, и здесь по-прежнему возможны некоторые разночтения. Печально, когда неясность в эту область вносят признанные специалисты. Так, украинские и польские составители объемного сборника документов в аналитическом предисловии к 1-й части утверждают, что жертвами «немецкой» операции в СССР стали 31 753 чел., а в целом в ходе «национальных» операций было репрессировано 227 986 чел. (См.: *Великий террор: польска операція 1937–1938.* В 2-х ч. Варшава; Киев, 2010. Ч.1. С.72–73). Эти данные существенно отличаются в меньшую сторону от приведенных нами. При более тщательном рассмотрении выясняется, что эти цифры были позаимствованы составителями из известной книги (Мазохин О. *Право на репрессии...* М., 2006. С.185–186). Правда, при этом они не обратили внимания на то, что это статистика по состоянию на 10 сентября 1938 г. и, само собой разумеется, не включает в себя данные о деятельности Особых троек, созданных приказом НКВД СССР №00606 от 17 сентября 1938 г., которые в массовом порядке ещё в течение двух месяцев осуждали жертв «национальных» операций.

абсурдность, произвол и слепота «Большого террора», когда приоритетным моментом в выборе жертв выступал не мотив индивидуальной вины осужденных, и даже не социальное происхождение, а только принадлежность к этнической группе, в отношении которой центром было принято репрессивное решение.

**АРГУМЕНТЫ В ПОДДЕРЖКУ
ТЕЗИСА «ЭТНИЗАЦИИ
СТАЛИНИЗМА»**

В пользу этой точки зрения действительно имеются многочисленные, весьма весомые аргументы, самые главные из которых можно ранжировать следующим образом.

1. Представления о враждебности и «контрреволюционности» определенных национальных меньшинств действительно сложились у сталинского руководства и политической полиции уже в 1920-е годы. В 1930-е годы они послужили прочным идеологическим обоснованием этнических чисток.

Так, задолго до прихода национал-социалистов к власти и возникновения проблемы военной опасности высшее руководство Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) СССР уже сформулировало концепцию немецкой диаспоры как шпионской и диверсионной базы. 9 июля 1924 г. заместитель председателя ОГПУ СССР Г.Г.Ягода и начальник Контрразведывательного отдела (КРО) ОГПУ А.Х.Артузов подписали циркулярное письмо ОГПУ №7/37 «По Германской разведке и борьбе с ней». Спустя еще год, 14 июля 1925 г., А.Х.Артузов в ответ на запрос Ф.Э.Дзержинского (от 6 июля 1925 г.) отправил шефу ОГПУ комплект документов «о деятельности немцев в СССР», состоящий из сопроводительного письма и пяти аналитических записок. Очевидно, что основным автором документов являлись «крокисты» – сотрудники КРО ОГПУ, поэтому этот плод коллективного творчества можно условно называть «записками Артузова».

Логика авторов июльского (1924) циркуляра №7/37 и аналитической записки КРО ОГПУ «Германская контрреволюционная работа в СССР» (июль 1925 г.)⁹ сводится к следующему. Под прикрытием соглашения в Рапалло немецкая разведка при содействии националистических органи-

⁹ Оба документа опубликованы (См.: Savin A., Hedeler W. Die Deutschen in der UdSSR – eine «fünfte Kolonne?» // Die sowjetisch-deutschen Beziehungen Mitte der 1920er Jahre aus der Sicht der OGPU // Internationale Wissenschaftliche Korrespondenz zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung (IWK) 42 (2006). Berlin. Heft 2–3. S.305–324).

заций Германии стала безнаказанно вести шпионаж и подрывную работу на территории СССР. Роль «прикрытия» для немецкой разведки играют дипломатические представительства, гуманитарные организации и концессии, «почвой для германской разведки в России является многомиллионное население немецкого происхождения... каковое является главным источником получения и собирания германской разведкой сведений, на что со стороны немцев обращается особое внимание». Немецкие колонии, по мнению чекистов, «могут быть рассмотрены как монархические ячейки внутри СССР, на которых строится в значительной степени антисоветская политика (взрыв изнутри) германских национальных кругов». Документы рисуют «естественную» базу немецкого шпионажа в виде многочисленного националистического и профашистски настроенного немецкого населения СССР, выступающего единым фронтом – в первую очередь, немцев приволжских, украинских и сибирских колоний.

Интересно, что ни о какой существенной социальной дифференциации среди немецкого населения в чекистской записке не упоминается. Артузов утверждал: «Германские колонии в России и по своей многочисленности, и по своему социальному составу (кулацкий), и политическим стремлениям (фашистско-национальный) представляют крупнейшую опасность как враждебные и коммунизму, и СССР слои населения, с одной стороны, а с другой, как группы, стремящиеся укрепить национальные интересы Германии среди нац[иональных] меньшинств». Приводя данные о социальном составе немецких колонистов Украины, Артузов полагал, что «40–50% из них – крупные кулаки и бывшие помещики, и сельская интеллигенция. Остальные – крепкие середняки и 5–6% бедняки, но они тоже находятся под абсолютным влиянием кулачества».

Таким образом, по мнению руководства КРО ОГПУ, для ведения шпионажа советскими немцами существовали все благоприятные условия: надежная связь колоний с границей, «с германскими консульствами, получение литературы, систематическая посылка информационной корреспонденции за границу, работа негласных представителей германских консульств в колонистских районах, систематическая антисоветская агитация, открытые контрреволюционные выступления и т.д.». Особую опасность в случае войны приобретал, с точки зрения Артузова, фактор компактного проживания немцев в пограничных зонах, крупных промышленных областях и «благотворных» земледельческих районах. Общий вывод Артузова звучал пессимистически: «Несомненно, что немецкие националисты ведут в России громадную работу во всех направлениях и значительно опередили наше влияние на немец-

кие колонии в СССР. Это последнее (наше влияние), видимо, до чрезвычайности слабо»¹⁰.

Концепция немецкой «пятой колонны», выработанная ОГПУ уже в середине 1920-х годов, непосредственно «работает» на тезис об этнизации сталинизма. Попытка советизации немецкой деревни, предпринятая в 1920-е годы с помощью национальных «приводных ремней масс» и окончившаяся неудачей, должна была только укрепить убеждение сталинского руководства в контрреволюционности «советских» немцев. Наиболее наглядно неудачу концепции «коренизации» в отношении «советских» немцев продемонстрировало солидарное сопротивление коллективизации со стороны всех социальных слоев немецкой деревни в виде попытки массовой эмиграции 1929–1930 гг.¹¹

Попытка реставрировать взгляды одного из главных действующих лиц «Большого террора» – наркома внутренних дел Н.И.Ежова – на «советских» немцев как на «пятую колонну» наталкивается на скудность доступных исследователям материалов. Выступая 3 декабря 1936 г. на совещании руководящего состава НКВД, Н.И.Ежов, в частности, коснулся вопроса о возможном реформировании районных аппаратов Управления государственной безопасности (УГБ). Подвергнув критике работу местных отделов, Ежов предложил подчиненным свое видение проблемы. По его мнению, районные отделы УГБ были нужны только в трех группах районов – пограничных (приграничных), промышленных и национальных. Именно в «национальных и крупнейших промышленных районах» предполагалось создать «сильные аппараты УГБ <...> с тем, чтобы мы могли знать, что эти аппараты являются нашей опорой»¹². Такое внимание к местам компактного проживания диаспор в преддверии массовых операций, конечно же, симптоматично. На совещании руководства НКВД 16 июля 1937 г., на котором начальники управлений были проинформированы о предстоящих массовых репрессиях, Ежов также говорил о предстоящих арестах «харбинцев», поляков и немцев. Это свидетельствует о том, что национальные операции планировались одновременно с исполнением приказа №00447¹³. 24 января 1938, подводя итоги массовых операций за 1937 г. в своем вы-

¹⁰ Там же.

¹¹ Подробнее см.: Деннигхаус В. В тени «Большого Брата». Западные национальные меньшинства в СССР в 1917–1938 гг. М., 2011. С.434–501.

¹² Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец» – Николай Ежов. М, 2006. С.279.

¹³ Тепляков А.Г. Машина террора. ОГПУ – НКВД Сибири в 1929–1941 гг. М., 2008. С.366.

ступлении перед народными комиссарами внутренних дел союзных и автономных республик, начальниками краевых (областных) управлений и отделов НКВД СССР, Ежов был более конкретен. Обсуждая возможную реформу КРО НКВД, он высказал идею создания отдельного Немецкого отдела, который «должен включать в себя обслуживание посольства, всей немецкой колонии и обслуживание всего немецкого населения Союза, т.е. базы контрразведки, которая имеется в Союзе (курсив мой. – А.С.), т.е. нужно дать чисто немецкую линию сверху донизу. У них должен быть и учет немцев, и учет колоний, и учет посольств и соответствующих организаций. Этот отдел, конечно, должен будет иметь выход за границу, обязательно»¹⁴. По этому же образцу Ежов планировал также создать Польский и ряд других «национальных» отделов. Таким образом можно предположить, что Ежов совершенно однозначно, в духе «записок Артузова», расценивал немецкое население СССР как шпионажную и диверсионную базу и не сомневался в повышенной контрреволюционности «советских» немцев.

2. Помимо концепции «пятой колонны», к 1937 году также уже сформировалась устойчивая традиция применения репрессий в отношении ряда «враждебных» национальных групп.

Что касается «советских» немцев, то практически сразу же после завершения массовой кампании по репрессированию участников эмиграционного движения 1929–1930 гг., органы НКВД начали борьбу с так называемыми получателями «гитлеровской помощи». На экономическом положении немецких хозяйств в СССР тяжело сказался ряд неурожайных лет начала 1930-х годов, ставших, в совокупности с государственными хлебозаготовками, причиной голода в немецких деревнях. Организованная в Германии кампания под названием «Братья в нужде», имевшая своей целью оказание помощи немцам в СССР, пострадавшим от голода, стала причиной очередной антинемецкой акции карательных органов НКВД. Ее жертвами оказались получатели продовольственных посылок и денежных переводов из-за рубежа, в вину им ставилась передача за границу сведений о тяжелом положении и голоде среди немцев.

В июле 1932 г. был издан циркуляр ОГПУ СССР «О борьбе с разведывательной и вредительско-диверсионной работой немецких фашистов против СССР», который нацеливал местные органы ОГПУ на усиление «оперативного обслуживания» советских немцев. В частности, от них требовалось устанавливать лиц немецкой национальности, находящихся

¹⁴ Петров Н., Янсен М. Указ. соч. С.316–317.

в переписке с родственниками в Германии и других странах, усилить наблюдение за немцами-специалистами, работающими в оборонных отраслях промышленности, а также военнослужащими Красной Армии. В качестве основного направления антисоветской деятельности советских немцев называлось ведение ими открытой фашистской пропаганды, заключающейся, в том числе, в сравнении условий жизни в Германии и СССР, распространении «фашистской» литературы¹⁵.

Телеграмма ЦК ВКП (б) от 5 ноября 1934 г.¹⁶, потребовавшая от местных парторганизаций и органов НКВД принять карательные меры в отношении «контрреволюционно и антисоветски настроенных элементов» немецких районов, знаменовала собой новый этап государственных репрессий в отношении «советских» немцев. Она же, без сомнения, внесла существенный вклад в формирование концепции немецкой «пятой» колонны. Непосредственной причиной появления телеграммы стало получение голодающим немецким населением СССР гуманитарной помощи из-за границы.

В январе 1935 года Г.Г.Ягода доложил И.В.Сталину о результатах борьбы органов НКВД с «фашистскими контрреволюционными организациями» во исполнение директивных указаний ЦК ВКП (б). По информации Ягоды, была пресечена деятельность организаций «Братья в нужде» и «Союз зарубежных немцев», активисты которых передали советским немцам, проживавшим на Украине, в Северо-Кавказском крае и автономной республике немцев Поволжья (АССР НП), более 600 тыс. марок и 14,5 тыс. долларов. Всего в рамках репрессивной кампании за 1934 год были арестованы около 4 тыс. советских немцев¹⁷. В течение 1934–1936 гг. органы Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР провели масштабную разработку «Коричневая паутина», в ходе которой на учет были взяты все лица, имевшие какие-либо отношения с

¹⁵ Текст циркуляра в изложении см.: Хаустов В. Репрессии против советских немцев до начала массовой операции 1937 г. // Репрессии против российских немцев. Наказанный народ. М., 1999. С.75–76.

¹⁶ Текст телеграммы впервые опубликован В.И.Шишкиным (См.: Советские немцы: у истоков трагедии // Наука в Сибири. 1992. №28). См. также одноименную публикацию (Советские немцы: у истоков трагедии // Возвращение памяти: Историко-публицистический альманах. Новосибирск, 1994. С.102–103).

¹⁷ Хаустов В. Репрессии против советских немцев... С.7; Его же. Иностранцы и советские граждане иностранного происхождения – потенциальные «агенты буржуазных разведок» // Исторические чтения на Лубянке. 1997–2007. М., 2008. С.223.

германскими дипломатическими представительствами. В поле зрения госбезопасности попали сотни советских граждан немецкой национальности, но «вскрыть» мифический «нелегальный центр германской фашистской партии» Особому отделу ГУГБ не удалось¹⁸. Тем не менее 1935–1936 годы знаменовались рядом крупных «шпионских» дел, раскрытых органами НКВД, основными фигурантами которых проходили советские немцы. В 1935 году НКВД СССР «разоблачил» 24 немецкие «группировки» в Азово-Черноморском крае, АССР НП, Куйбышевском крае и на Украине¹⁹. В АССР НП в четвертом квартале 1935 г. было арестовано 218 человек, проходивших по делам пяти «фашистских немецких организаций» и 17 групп²⁰. В мае 1935 года на места был отправлен циркуляр Секретно-политического отдела (СПО) НКВД «О немецкой фашистской организации в СССР», ориентировавший сотрудников НКВД на вскрытие шпионских антисоветских организаций среди немецкой интеллигенции и в очередной раз подчеркивавший роль населения немецких колоний в качестве потенциальной диверсионно-повстанческой базы. В июне 1936 г. руководство НКВД приняло решение ликвидировать все связи германских дипломатических представительств в СССР с «советскими» немцами. Как отмечает В.Н.Хаустов, в «отличие от предыдущих лет в конце 1936 г. при разработке окружения германских представительств ставилась задача почти полной изоляции их сотрудников от советских граждан»²¹. В литературе имеется также упоминание о директивах ГУГБ НКВД СССР²², тексты которых никогда не публиковались, но есть основания считать, что в них «советские» немцы вновь рассматривались в качестве потенциальной повстанческой и вербовочной шпионажной базы немецкой разведки. Так, в отношении первого упомянутого циркуляра глухо упоминается, что «намечались меры, ущемляющие права иностранцев, являвшихся советскими гражданами»²³.

¹⁸ Там же. С.224.

¹⁹ Ченцов В.В. *Трагические судьбы. Политические репрессии против немецкого населения Украины в 1920–1930-е годы*. М., 1998. С.71.

²⁰ Хаустов В. *Репрессии против советских немцев...* С.81.

²¹ Хаустов В.Н. *Иностранцы и советские граждане...* С.224.

²² «О мероприятиях по борьбе с разрушительной деятельностью германской разведки в народном хозяйстве» от 14 октября 1936 г. и «О возрастающей активности германских разведывательных органов и специальных учреждений фашистской партии на территории СССР» от 2 апреля 1937 г.

²³ Хаустов В.Н. *Иностранцы и советские граждане...* С.221.

Традиция репрессий в отношении «советских» немцев²⁴ была к 1937 году уже настолько сложившейся, что для проведения «немецкой операции» в 1937–1938 годах не потребовалось даже издания специального приказа руководства НКВД СССР²⁵. В отчетах областных управлений НКВД Украины, содержащих сведения о проведении всех массовых операций, в том числе и по национальным линиям, указывается, что репрессии в рамках «немецкой» операции проводились «в порядке приказа №00485» (т.е. приказа о проведении репрессий в отношении поляков), но отнюдь не в порядке приказа №00439²⁶.

В результате то, что объектом репрессий оказывалось едва ли не все немецкое население СССР, уже не вызывало вопросов у сотрудников НКВД, в отличие, например, от «польской» операции, для обоснования проведения которой потребовался отдельный приказ НКВД СССР №00485 и подробные сопроводительные инструкции. «Товарищ Сталин, – писал, обращаясь к вождю в марте 1939 г. Т.У.Баранов²⁷, – перед концом своего заявления я хочу сказать только одно, что, помня Ваши слова о капиталистическом окружении, я и другие исходили при аресте контрреволюционного элемента именно только вокруг этого – т.е. изъять не только активный вражеский контингент, но и базу для него, которой у нас являются немцы, поляки, харбинцы и прочая сволочь, еще притаившаяся, но готовая в любую минуту взять оружие в руки и выступить против страны социализма»²⁸.

²⁴ *Предыстория репрессий в отношении поляков частично освещена (См.: Хаустов В.Н. Из предыстории массовых репрессий против поляков. Середина 1930-х годов // Репрессии против поляков и польских граждан. М, 1997. С.3–21).*

²⁵ *Приказ №00439 от 25 июля 1937 г., который иногда ошибочно считают таковым, не был непосредственным образом связан с последующей массовой немецкой операцией и был направлен на очистку советских оборонных заводов от немецких подданных (Подробнее см.: Охотин Н., Рогинский А. Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против российских немцев. С.35–75).*

²⁶ *См.: «Через трупы врага на благо народа». «Кулацкая операция» в Украинской ССР 1937–1941 гг. В 2-х томах / Сост. М.Юнге, Р.Биннер, С.А.Кокин и др. Москва: РОССПЭН, 2010.*

²⁷ *Сотрудник УНКВД по Алтайскому краю сержант ГБ, исключенный из ВКП (б) за «перегибы» во время осуществления «немецкой» операции.*

²⁸ *См.: Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1930-е годы: эмиграция и репрессии. Документы и материалы / Сост. А.И.Савин. Новосибирск, 2009. С.675.*

3. Многочисленные свидетельства выживших жертв, сотрудников НКВД и материалов прокурорских проверок о массовых огульных арестах членов национальных диаспор без наличия каких-либо компрометирующих материалов.

Начальник отделения КРО УНКВД по Новосибирской области В.Д. Качуровский писал в 1939 г. секретарю Новосибирского обкома ВКП (б) Г.А. Боркову: «Я слышал, как и многие другие, что замнаркома [М.П.] Фриновский дал установку перед началом второй операции (весна 1938 г.), что "если где-либо произойдет случай диверсии и в р[айо]не этого случая окажется линейник²⁹, т.е. поляк, латыш и т.д., то раб[отни]к, обслуживающий объект, будет нести уголовную ответственность вместе с диверсантом". Прямым следствием этой установки было значительное ухудшение состава³⁰ арестованных и качества следствия». По оценке Качуровского, «вопрос стоял о стопроцентной ликвидации этих категорий лиц»³¹. Свидетельство Качуровского является весьма ярким примером, но каждый желающий, потратив минимальные усилия, может собрать, основываясь только на опубликованных документах, целую коллекцию аналогичных заявлений, содержащихся в показаниях сотрудников НКВД, осужденных за «нарушения социалистической законности» в ходе массовых репрессивных кампаний³².

Следует отметить, что чекисты, защищая свои действия и методы, применявшиеся в ходе операции №00447 против «бывших», охотно признавали, что именно в отношении «националов» они «наломали дров».

²⁹ «Линейными», или операциями по определенным «линиям», на чекистском жаргоне назывались массовые репрессивные акции в отношении определенных национальных меньшинств.

³⁰ Под «ухудшением» состава арестованных сотрудник НКВД подразумевает здесь, что у органов НКВД не было компрометирующих материалов на этих арестованных, они не состояли на оперативных «учетах».

³¹ См.: Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора. История операции по приказу №00447. М.: Новый хронограф. 2008. С.460.

³² См., к примеру: 1937–1938 гг. Операции НКВД. Из хроники «большого террора» на томской земле. Сборник документов и материалов. Томск; М., 2006; Польща та Україна у тридцятих – сорокових роках ХХ століття. Невідомі документи з архівів спеціальних служб. Варшава; Киев, 2010. Т.8. Великий терор: польська операція 1937–1938. Ч.2. С.1626–1861 (В этом разделе сборника документов помещены показания сотрудников УНКВД Украины о проведении национальных операций в республике, в первую очередь – «польской» и «немецкой»).

Так, в своем заявлении на имя И.В.Сталина осужденный бывший высокопоставленный сотрудник УНКВД по Западно-Сибирскому краю П.А.Егоров писал 20 декабря 1938 г.: «Примерно до конца сентября или начала октября месяца 1937 г. операция носила исключительно характер разгрома всех контрреволюционных кадров и не касалась широких слоев населения. С сентября месяца в массовом порядке стали поступать категорические требования – усиление операции. Шифротелеграммами приказывалось подвергнуть массовым арестам всех перебежчиков, поляков, латышей, иранцев, лиц, прибывших с КВЖД ("харбинцев") и др.»³³.

Если у Егорова инициатором репрессий в отношении «националов» выступает некая безликая сила, то из показаний бывшего помощника начальника 11-го отдела УНКВД по Красноярскому краю В.Ф.Пазина следует, что директивы поступали с самого верха: «На оперативных совещаниях у нач[альника] УНКВД секретарь крайкома Соболев давал установку арестовывать всех поляков, латышей, немцев и т. д.». При этом С.М.Соболев заявлял, что передает чекистам указания И.В.Сталина: «Довольно играть в интернационализм, надо бить всех этих поляков, корейцев, латышей, немцев и т. д., всё это продажные нации, подлежащие истреблению... Всех националов надо ловить, ставить на колени и истреблять как бешеных собак»³⁴.

4. Специфика проведения «национальных» операций, минимизированная контроль за действиями органов НКВД.

Существенная специфика проведения «национальных» операций в отличие от операции по приказу №00447 заключалась, во-первых, в отсутствии так называемых «лимитов» и, во-вторых, в отказе от единообразия в порядке осуждения жертв. Как может считаться сегодня установленным, пресловутые «лимиты» лиц, подлежащих расстрелу или заключению в лагерь, являвшиеся результатом циничного торга между московским руководством и местами, выступали одновременно своеобразным механизмом контроля центра за масштабом и направлением репрессий в рамках приказа №00447³⁵. Отказ от утвержденных Полит-

³³ История сталинского ГУЛАГА. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 томах. М., 2004. Т.1. Массовые репрессии в СССР. С.313–325. – С подробными комментариями документ опубликован (Массовые репрессии в Алтайском крае. 1937–1938 гг. Приказ №00447. М.: РОССПЭН, 2010. С.468–487).

³⁴ Тепляков А.Г. Указ. соч. С.366–367.

³⁵ См.: Сталинизм в советской провинции: 1937–1938. Массовая операция на основе приказа №00447 / Сост. М.Юнге, Б.Бонвеч, Р.Биннер. М.: РОССПЭН, 2009.

бюро «лимитов» в ходе «национальных» операций предполагает отсутствие каких-либо количественных ограничителей в репрессивной деятельности органов в отношении диаспор.

Если приговоры жертвам операции по приказу №00447 выносили специально созданные тройки, то жертвы «линейных» операций осуждались также Особым совещанием при НКВД СССР, Военной коллегией Верховного суда СССР, военными трибуналами и особыми тройками (с 17 сентября 1938 г.). Принято считать, что большинство «националов» было осуждено Комиссией НКВД и прокурора СССР в так называемом «альбомном» порядке. Впервые введенный в практику НКВД, «альбомный» порядок предусматривал составление на местах по окончании следствия справок на каждого арестованного с предложением о мере наказания (расстрел или 5–10 лет лагерей). Справки, скомплектованные в специальный список («альбом»), подписывались комиссией из двух человек – начальником областного (краевого) УНКВД и прокурором (отсюда разговорное, в официальной переписке не встречающееся название этого органа – «двойка»), после чего «альбом» направлялся в Москву. Окончательный приговор выносили нарком внутренних дел СССР и прокурор СССР (Н.И.Ежов и А.Я.Вышинский). Как правило, тщательного рассмотрения «альбомов» в Москве не проводилось, пришедшие с мест предложения одобрялись механически. Приговоры исполнялись по возвращении «альбомов» в местные УНКВД. В результате эфемерный контроль сверху, а вернее его отсутствие, действительно давал карт-бланш органам НКВД на местах и позволял производить репрессирование «националов» по своему усмотрению.

КОНТРАРГУМЕНТЫ

В своей совокупности, приведенные выше аргументы, казалось бы, убедительно свидетельствуют, что определяющим моментом в судьбе жертв «национальных» операций выступил объективный признак их принадлежности к «вредоносному» национальному меньшинству, а не социальное прошлое и не рецидивное антисоветское поведение в прошлом и настоящем. Тем не менее изучение «немецкой» операции в Западной Сибири, осуществленное преимущественно на основе архивно-следственных дел репрессированных немцев, позволяет усомниться в однозначности подобной трактовки.

Во многом ключ к пониманию специфики «национальных» операций дает их сравнение с операцией по приказу НКВД СССР №00447 от 30

июля 1937 г. в отношении «бывших» и «других контрреволюционных элементов». Это сравнение правомерно: для большинства историков «Большого террора» очевидна вторичность «национальных» операций в целом и «немецкой» операции в частности по отношению к «кулацкой» операции, как по масштабам и методам, так и по времени. «Кулацкая» операция также выступила своеобразным «мотором» и образцом для «национальных» операций.

Еще совсем недавно суть «кулацкой» операции наглядно символизировал знаменитый образ, принадлежащий перу американского историка-«ревизиониста» Дж.Арч Гетти: сумасшедший, забравшийся на башню с оружием в руках и открывший беспорядочную стрельбу по толпе. Благодаря исследованиям последних лет³⁶ эта картина «эксцессивного» террора подверглась значительной коррекции, которую больше уже невозможно игнорировать³⁷. Тем не менее по-прежнему очень велик соблазн, согласившись с тем, что 1937-й был годом целенаправленной и контролируемой центром «социальной» чистки, затронувшей преимущественно группы населения, являвшиеся традиционными объектами гонений и репрессий со стороны большевиков, объявить 1938-й годом этнической чистки. В этом случае государство, как сумасшедший стрелок, должно было бы открыть пальбу по своим национальным диаспорам, не заботясь о том, в кого полетят пули.

Мы не получим достоверной, весьма сложной и дифференцированной картины «национальных» операций, если не поймем, что специфика их проведения, в первую очередь, задавалась как географическо-хозяйственными особенностями регионов СССР, так и наличием или, соответственно, отсутствием на их территории различных групп этнических «спецконтингентов». Оценивая «национальные» операции, необходимо постоянно помнить и различать карательные акции, проводившиеся органами НКВД, с одной стороны, в местах компактного проживания национальных меньшинств (национальные сельские советы, районы, автономные области, республики), с другой – в местах их дисперсного расселения. «Национальные» операции необходимо также

³⁶ В первую очередь благодаря международному проекту «Сталинизм в советской провинции. Массовая операция по приказу №00447», осуществляемому группой российских и украинских историков под руководством Б.Бонвеча, М.Юнге и Р.Биннера.

³⁷ См. также: Junge M. Massenverfolgungen und dogmatischer Import // *Totalitarismus und Demokratie. Zeitschrift fuer Internationale Diktatur- und Freiheitsforschung*. 2011 (8). Heft 1. S.77–98.

всегда рассматривать с точки зрения следующих оппозиций: 1) город – колхозная деревня; 2) приграничные области – внутренние районы страны; 3) области расположения оборонной промышленности – прочие местности; 4) места смешанного проживания с преобладанием титульной нации (русских) – места проживания с преобладанием национальных меньшинств.

Преследование лиц с иностранными фамилиями, выявление «националов» по анкетам учреждений и предприятий действительно осуществлялись в столичных, промышленных или пограничных регионах, на крупных промышленных и «режимных» производствах, в партийных и советских органах власти и в воинских частях. В случае наложения этих факторов друг на друга карательный эффект неизбежно мультиплицировался. Очевидно, следует признать, что массовое огульное уничтожение жертв по объективному признаку принадлежности к «контрреволюционной» национальности на деле осуществлялось органами НКВД при попытке создания «гомогенных, современных ландшафтов» (Й.Баберовский)³⁸. В таких условиях действительно мог быть выполнен приказ типа сталинского распоряжения Ежову от 20 июля 1937 г.: «Всех немцев на наших военных, полувоенных и химических заводах, на электростанциях и строительствах, во всех областях всех арестовать»³⁹. Высокие риски также существовали для коммунистов-политэмигрантов, перебежчиков, бывших военнопленных Германии и Австро-Венгрии, членов зарубежных социалистических партий, бывших иностранных подданных, работавших в СССР в оборонной промышленности или на транспорте, бывших служащих дореволюционных иностранных предприятий или советских концессий, «националов» – членов советской военной, административной и хозяйственной элиты. Их репрессировали практически поголовно. Эти карательные практики хорошо вписываются в теорию «этнизации» внутреннего врага.

³⁸ В аналогичном ключе рассуждает Амир Вайнер, когда пишет о «стремлении к очистке» (*purification drive*), свойственном сталинскому «государству-садовнику», стремившемуся избавиться от классово чуждых и враждебных элементов в интересах создания гармонического социалистического общества. Вайнер полагает, что с начала Второй мировой войны враги советского общества определялись в большей степени этнически, чем социально (См.: Weiner A. *Making Sense of War. The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution*. Princeton, 2001).

³⁹ Цит. по: Охотин Н., Рогинский А. Указ. соч. С.35.

В местах же компактного проживания диаспор, особенно в национальных районах и республиках, где арест всего этнического «спецконтингента» был физически невозможен и абсурден, каждая из «национальных» операций представляла собой прежде всего социальную чистку в духе операции по приказу №00447. Если выразиться образно, то любой из национальных приказов можно сравнить с увеличительным стеклом, которое было предназначено усилить, обострить внимание органов НКВД к данной конкретной национальной группе. Несомненно, что дополнительные риски возникали именно за счет повышенного «репрессивного» внимания к тому или иному национальному меньшинству, которое в глазах сталинского руководства обладало явным признаком контрреволюционности. По сути дела, в случае издания каждого нового «национального приказа» действовала та же самая закономерность, что и при образовании в ходе «Большого террора» новых территориально-административных единиц. Это автоматически вело к усилению репрессий на территории вновь созданных краев и областей.

Проведенное нами исследование «немецкой» операции в Западной Сибири, в первую очередь в Алтайском крае и Омской области, доказывает, что в местах компактного проживания немцев, как правило, осуществлялся целенаправленный предварительный отбор жертв, их селекция. Ее проводили те же самые сотрудники НКВД, которые параллельно участвовали в осуществлении «кулацкой» операции. Выбор жертв акции осуществлялся в результате тесного сотрудничества карательных органов и актива села, кандидаты на арест подбирались ими совместно по признакам связей с «кулаками», прошлой судимости, плохой работы в колхозе, участия в антисоветских выступлениях, принадлежности к религиозной общине/секте и т.д. Нет серьезных оснований сомневаться в том, что в ходе «немецкой» операции чекисты действовали именно таким образом, хотя до крайности упрощенная процедура ареста и следствия, даже в сравнении с «обычной» практикой операции по приказу №00447, без сомнения оставляла широкое поле для злоупотреблений сотрудников НКВД.

Очевидно, что в национальных районах большинство жертв «линейных» операций относилось к «группам риска», постоянно находившимся в поле зрения органов советской тайной полиции, и критерий социального прошлого являлся, хотя нельзя отрицать роль слепого случая и произвола, тем не менее определяющим в выборе жертв. Так жертвы «немецкой» операции в Западной Сибири были сопричастны следующим «группам риска»: священнослужители, пресвитеры и проповедни-

ки, получатели «гитлеровской помощи», раскулаченные и ранее осужденные, посетители германских консульств и посольства, лица, имевшие родственников за границей. Но главной группой риска среди немцев Сибири стали участники массового эмиграционного движения 1929–1930 гг.

Важность последнего фактора для осуществления «немецкой операции» в Западной Сибири наглядно подтверждают существенные различия ее результатов в Алтайском крае и Омской области⁴⁰. Количество немцев, проживавших в них в 1937 г., было примерно одинаковым – по 30 тыс. человек. Но если в Алтайском крае за ноябрь 1937 – ноябрь 1938 г. было арестовано, по нашим подсчетам, около 2 тыс. немцев, то в Омской области за этот же период – только около 600 чел⁴¹. Такое резкое расхождение в количестве жертв «немецкой» операции трудно объяснить повышенной кровожадностью или особой ненавистью к немцам алтайских чекистов.

Но дилемма разрешается легко, если приять предположение о целенаправленном выявлении и уничтожении бывших «эмигрантов» как главным мотиве террора в отношении немцев в 1937–1938 годах в Сибири. Как известно, именно меннониты Алтая составили основную часть участников массового эмиграционного движения: в 1929 г. из СССР эмигри-

⁴⁰ В ходе операции по приказу №00447 органами НКВД по немецкой диаспоре региона был нанесен первый и наиболее прицельный удар, в ходе которого преимущественно были репрессированы наиболее заметные «бывшие» люди немецкой деревни: религиозные деятели и активисты общин, ранее осужденные, бежавшие из спецпоселений «кулаки», участники антисоветских выступлений и т.п. Так, на территории будущего Алтайского края (выделен из состава Западно-Сибирского края 28 сентября 1937 г.) в июле–октябре было арестовано чуть более 100 немцев. Массовость осуждения немецкого «спецконтингента» обеспечила уже «немецкая» операция (Подробнее см.: *Этноконфессия в советском государстве. ...эмиграция и репрессии*. С.32–55).

⁴¹ Телеграмма Ежова от 3 ноября 1937 г., разосланная всем наркомам внутренних дел союзных республик и начальникам УНКВД, требовала «форсировать проведение операций антисоветским элементам, немцам, полякам, харбинцам, женам изменников родины» и закончить проведение этих операций к 10 декабря 1937 г. Именно эта телеграмма может рассматриваться в качестве суррогата специального приказа на проведение «немецкой» операции в СССР. Таким образом, ноябрь 1937 г. стал началом проведения операции по «немецкой» линии в Сибири, которая с этого момента шла в макрорегионе параллельно с «кулацкой» операцией. Об этом же свидетельствуют массовые аресты немцев, последовавшие в Алтайском крае в первой декаде ноября 1937 г.

ровали 5 761 чел., из них около 4,4 тыс. чел. выехали из поселений немцев в Западной Сибири, в том числе около 3,8 тыс. с территории будущего Алтайского края и только около 250 – с территории Омской области⁴². Таким образом, массовое участие немцев Алтая в эмиграционном движении стало для них фатальным обстоятельством, позволившим чекистам в 1937–1938 годах с полным правом проводить аресты и осуждение «эмигрантов» как антисоветского «контингента». Как писал И.В.Сталину уже упоминавшийся Т.У.Баранов, «эмиграция немцев за границу, как это уже доказано, явилась результатом [их] ненависти к Сов[етской] власти». Тот же самый Баранов показал 24 января 1940 г. на допросе: «Справки и постановления на арест писались на основании того, что то или иное лицо, подлежащее аресту, являлось инационалом и участвовало в эмиграционном движении в 1929 году, а в 1933 году получало "гитлеровскую" помощь <...> О том, что лица, подлежащие аресту, получали "гитлеровскую" помощь, до следствия известно не было. Денежные переводы и посылки из Германии приходили через Германское консульство в Новосибирске, кроме того, следствием было выявлено и подтверждено, что помощь эта была именно "гитлеровская" <...> В то время по той обстановке, какая была, я считал, что это так и нужно в смысле очистки района от лиц немецкой национальности, считавшейся как спецконтингент. Сейчас же, с августа 1939 года, во время нахождения под стражей, я полностью убедился в том, что этого совершенно делать не надо было и что этими массовыми необоснованными арестами [мы] глубоко извращали революционную законность»⁴³.

В показаниях осужденных сотрудников УНКВД по Алтайскому краю содержатся любопытные сведения о целенаправленной селекции, которая была применена не до, а уже после арестов. Так, 20–23 июня 1938 г. в Ново-Киевский (Кулундинский) район Алтайского края, являвшийся местом крупного компактного проживания немцев, прибыл с инспекционной проверкой начальник 3-го (контрразведывательного) отдела УНКВД по Алтайскому краю, старший лейтенант ГБ И.К.Лазарев. Перед его приездом в течение одной ночи на всех аресто-

⁴² См.: Brandes D., Savin A. *Die Sibiriendeutschen im Sowjetstaat. 1919–1938. Veröffentlichungen zur Kultur und Geschichte der Deutschen im östlichen Europa. Essen: Klartext Verl., 2001. Bd.19. S.287, 296–297.*

⁴³ *Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1980-е годы. Аннотированный перечень архивных документов и материалов. Избранные документы / Сост. А.И.Савин. Новосибирск; СПб., 2006. С.466–467.*

ванных – около 150 немцев – сотрудниками райотдела НКВД были подготовлены списки «с характеристиками их практической контрреволюционной деятельности», в которые со слов арестованных были записаны их социальное положение, участие в эмиграции 1929 года и получении «гитлеровской помощи» в голодные 1933–1934 гг. «Эмигрантов» и «получателей» оказалось около 60 человек. Лазарев, просмотрев списки, приказал продолжить оформление дел на этих 60 человек, а 90 человек из-под стражи освободить, «предупредив, что освобождение произвести постепенно, не сразу всех, что... и было сделано». Это распоряжение не вызвало восторга сотрудников районного отдела (РО) НКВД, так как им пришлось соответствующим образом переделать уже законченные следственные дела. Из тюрьмы в городе Славгород, где находилось еще около 150 немцев, арестованных Новокиевским РО НКВД, Лазаревым также было освобождено около половины немцев. Под стражей остались участники эмиграции и получатели «гитлеровской помощи»⁴⁴.

Высказывая тезис о том, что момент рациональности в действиях НКВД в рамках «немецкой» операции был существенно выше, чем это принято считать до сих пор, мы тем не менее полагаем, что степень этой рациональности, даже в местах компактного проживания национальных меньшинств, могла серьезно варьироваться в зависимости от конкретных условий. Одно из таких обстоятельств – количество времени, находившегося в распоряжении органов. Так, фигуранты печально знаменитого «Славгородского дела», сфабрикованного 3-м отделом (КРО) УНКВД по Алтайскому краю, в рамках которого 19 и 21 декабря было арестовано 298 немцев, уже спустя несколько дней, 29 декабря 1937 г., были поголовно осуждены к расстрелу тройкой при УНКВД по Алтайскому краю. Очевидно, что как масштаб дела, так и быстрота и беспрецедентная жестокость приговоров объяснялись ожидавшимся скорым завершением массовых операций в СССР. Согласно директиве народного комиссара внутренних дел СССР Н.И.Ежова №50194 от 11 декабря 1937 г., срок окончания национальных операций переносился на 1 января 1938 г., а отчетность по ним — на срок до 15 января 1938 г.

Тем не менее показания сотрудников УНКВД по Алтайскому краю, данные в 1939–1940 гг., содержат сведения о том, что и в этом случае аресты фигурантов «Славгородского дела» проводились членами специальной оперативной бригады УНКВД не вслепую, а по спискам, которые вручались им начальником Немецкого РО НКВД К.Г.Кестером.

⁴⁴ *Этноконфессия в советском государстве. ... Эмиграция и репрессии. С.690–691.*

Если принять во внимание, что Кестер⁴⁵ был хорошо информированным экспертом по немецкому «спецконтингенту», то можно предположить, что в эти проскрипционные списки были включены люди, продемонстрировавшие режиму свою нелояльность или замеченные в рецидивном девиантном поведении.

В итоге каждая из операций по национальным «линиям» представляла из себя сложное, амбивалентное явление. Следует различать огульное репрессирование только на основании национальной принадлежности или «иностранный» звучания фамилии, действительно имевшее место преимущественно в больших городах (являвшихся административными и промышленными центрами и одновременно местами дисперсного поселения «националов»), от репрессий в отношении различного рода «бывших», верующих, оппозиционно настроенных людей, действительных противников и критиков сталинского режима в местах компактного проживания диаспор, где «зрячий» террор превалировал над слепыми репрессиями.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выбор «ненадежных народов» в качестве внутреннего врага и «пятой колонны», равно как и эволюция национальной политики сталинского режима 1930-х годов в направлении от интернационализма к русификации и «национал-большевизму»⁴⁶ в целом «работают» на теорию «этнизации сталинизма». Тем не менее анализ непосредственного проведения на местах одной из самых массовых «национальных» операций НКВД – «немецкой» – свидетельствует о том, что в 1937–1938 годах сила классовых догм и инерция проводившейся с 1917 года социальной чистки общества была слишком велика, чтобы быть в значительной степени замещенной огульным репрессированием по этническому признаку. В результате определяющими в выбо-

⁴⁵ В 1925–1930 гг. он последовательно занимал должности уполномоченного и старшего уполномоченного секретного отделения и заместителя начальника Славгородского окружного отдела Полномочного представительства ОГПУ Сибкрая, принимал активное участие в борьбе с эмиграционным движением немцев, а с 1935 года был заместителем начальника и начальником Немецкого РО УНКВД Западно-Сибирского и Алтайского краев.

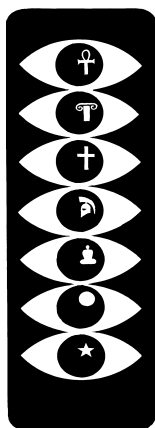
⁴⁶ Генезис национальной политики сталинизма адекватно отражен в упомянутой монографии В.Деннигхауса.

ЭТНИЗАЦИЯ СТАЛИНИЗМА?

ре большинства жертв «национальных» операций были, как правило, объективный критерий «враждебного» социального прошлого / происхождения и субъективный критерий рецидивного «антисоветского» поведения. Потребовалось такое событие, как Великая Отечественная война, чтобы сделать возможными массовые этнические депортации целых народов. Но, как справедливо заключает Юрген Заруски, «конечно же, целый ряд этнических меньшинств в Советском Союзе стал жертвой сталинской ксенофобии и подозрений в коллективном шпионаже или коллаборационизме, что привело в свою очередь к селективным или огульным массовым репрессиям. Однако это было далеко не то же, что национал-социалистическая классификация и обращение с народами и этносами, признанными нацистами неполноценными расами»⁴⁷.

Повышенное враждебное внимание к национальным меньшинствам, этнические чистки и мотивированные этнополитическими соображениями насильственные миграции стали одними из отличительных негативных признаков истории XX столетия не только СССР, но и мира в целом. Только в Европе от насильственных этнических переселений пострадало около 80 млн. человек. Такой размах национальной ксенофобии диктует историкам якобы универсальный шаблон интерпретации случившегося, будит соблазн поиска «простых» и «очевидных» решений. В случае с «Большим террором» он состоит в том, чтобы объявить 1937 годом социальной, а 1938 – годом этнической чистки. Однако эта умозрительная логическая конструкция не находит своего однозначного подтверждения в источниках. В лучшем случае можно говорить о тенденции этнизации карательной политики сталинизма, которая была крайне непоследовательной, неустойчивой, растянутой по времени и переживала постоянные рецидивы возврата к традиционным социальным, классовым и политическим мотивам репрессий.

⁴⁷ Zarusky J. *Op. cit.* S.13.

Михаил Мягков

ЭХО МОСКОВСКОЙ БИТВЫ:

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ
И ПЛАНЫ СТОРОН ВЕСНОЙ 1942 ГОДА

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК
93/94

The article deals with results and consequences of the first solving fight of the Great Patriotic War – to the battle for Moscow, tragic and heroic pages of one of the key moments of our history. The material demonstrates the plans of the German command and emergency measures of the Soviet leadership to increase of fighting capacity of Red army at the beginning of 1942. On the basis of the known and recently opened documents the potential of warring sides, world situation of the USSR, an assessment of its possibilities from allies are considered. The attention is given to a morale of the Soviet armed forces on the eve of new titanic fights with Wehrmacht.

Ключевые слова: Вторая мировая война; битва за Москву; стратегия СССР и Германии в 1942 году.

Key words: the Second World War; battle for Moscow; strategy of the USSR and Germany in 1942.

E-mail: myagkov@mail.ru

Первая решающая битва Великой Отечественной войны – битва за Москву – во многом предопределила весь дальнейший характер и течение глобального мирового конфликта. Германским войскам не удалось взять ключевой пункт своей кампании на Востоке и тем самым поставить Советский Союз на колени. Красная Армия своей героической обороной сорвала гитлеровский блицкриг и стяжала славу быть главной надеждой всей оккупированной Европы на освобождение от коричневой чумы. Начавшееся в декабре 1941 г. контрнаступление РККА подвергло ранее непобедимый вермахт первому тяжелейшему кризису. В какой-то момент кремлевскому руководству показалось, что в войне произошел окончательный перелом и инициатива навсегда перешла к советской стороне. Но до полной победы было еще далеко. Германия смогла восполнить свои ресурсы за счет собственного потенциала и возможностей подчиненных ей стран. В то же время в ходе Московской битвы Красная Армия понесла огромные потери. Только в период контрнаступления они превысили 370 тыс. человек (убитыми, ранеными и пропавшими без вести). На начало 1942 г. пришелся и наибольший спад военного производства СССР. Сотни эвакуированных заводов только начинали налаживать выпуск военной техники и вооружения. Беспощадный натиск германской армии был остановлен и опрокинут железной волей советского народа, но предыдущие потери, дефицит материальных средств и необходимого опыта в проведении широких наступательных операций не позволили советскому командованию довести наметившийся перелом до логического завершения. Немцам удалось спасти свой фронт от развала.

Действительно, советское военное руководство не могло пока организовать полноценного оснащения и обучения пехотных, танковых, артиллерийских, авиационных и других частей, формируемых для отправки на фронт. Не хватало опытных командиров, особенно младшего и среднего звена. Уже закаленные в боях соединения получали лишь краткосрочный отдых. Промышленные возможности не позволяли наладить снабжение войск даже самым необходимым вооружением и боеприпасами. В связи с этим Ставка Верховного главнокомандования своей директивой от 29 февраля 1942 г. вынуждена была установить предельный лимит расходования боеприпасов на март-месяц «сверх возимых запасов» в чрезвычайно малых объемах: патроны 7,62 мм и 12,7 мм – 2 боекомплекта; гранаты – 1 б/к; мины всех калибров – 2 б/к;

выстрелы 76 мм орудий – 2 б/к¹. Для большей ясности отметим, что такое количество боеприпасов в последующих наступательных операциях (конца 1942 – 1943 г.), как правило, расходовалось советскими войсками всего за четыре–пять дней сражения.

Вполне вероятно, что успех, достигнутый немцами в обороне зимой–весной 1942 г., дал возможность некоторым высокопоставленным офицерам вермахта задуматься о целесообразности перехода к «стратегической обороне» на всем Восточном фронте². Суть такой стратегии заключалась в следующем. Сочетая незначительный отход и контрудары, окончательно измотать и обескровить вооруженные силы Советского Союза и заставить Москву заключить невыгодный для себя мир. Однако эта концепция не могла в то время получить развития из-за ясно выраженного желания фюрера и его ближайшего окружения осуществить наступление на Кавказ. По мнению Гитлера, германская армия летом 1942 г. должна была получить второе дыхание – теперь уже в операциях на юге России. Ему казалось, что блицкриг сорвался лишь случайно. В то же время в сознании большинства высших военных руководителей Германии срок капитуляции советской столицы лишь переносился на некоторое время.

Тем не менее ряд высокопоставленных руководителей рейха придерживался более скептической точки зрения на дальнейший ход войны. Командовавший в то время армией резерва генерал-полковник Ф.Фромм, имевший хорошее представление о наличии людских резервов Германии, должен был признать, учитывая создавшееся сложное положение в военной промышленности, что, продолжая эту войну, вермахт приближается к катастрофе. Министр по делам вооружений и боеприпасов доктор Фриц Тодт докладывал фюреру 29 ноября 1941 г., что окончание войны в пользу Германии возможно только на основе политического урегулирования³.

Многие крупные военачальники и офицеры вермахта также сознавали наихудшие для Германии последствия поражения под Москвой. Ин-

¹ *Центральный архив Министерства обороны РФ (далее – ЦАМО РФ). Ф.208. Оп.2511. Д.1079. Л.21.*

² *Вегнер Б. Второй поход Гитлера против Советского Союза. Стратегические концепции и историческое значение // Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований / Под ред. В.Михалки. Пер. с нем. М.: Весь мир, 1996. С.519.*

³ *Рейнгардт К. Поворот под Москвой. Крах гитлеровской стратегии зимой 1941/42 г. Пер. с нем. М.: Воениздат, 1980. С.219.*

интересно ретроспективное восприятие некоторыми из них событий зимы 1941/42 г. Так, генерал Ф.Гальдер впоследствии назвал их «катастрофой» и «началом трагедии на Востоке», генерал Г.Блюментрит – «поворотным пунктом» кампании в России. А генерал Р.Бамлер (бывший командир 47-го моторизованного корпуса) утверждал, что «отступление 1941–1942 гг. было исходным пунктом большого военного кризиса, от которого немецкая армия ни материально, ни морально так и не смогла оправиться»⁴. Зимой 1941/42 г. Гитлер снял со своих постов опытных фельдмаршалов и генералов: Ф.Бока, В.Браухича, Г.Гудериана, Э.Гепнера, А.Штрауса и др. Они были довольно популярны в армии, и их отставка негативно сказалась как на руководстве боевыми действиями, так и на моральном состоянии военнослужащих вермахта.

Победа, достигнутая под Москвой а следовательно, и полученное Советским Союзом дополнительное время на перестройку военной экономики и подготовку пополнения по максимуму использовалось руководством Красной Армии. В советском тылу (в том числе в центральном регионе европейской России, который не был оккупирован и оставался главным поставщиком людских ресурсов для армии) готовились новые соединения. Чем больше части вермахта летом и осенью 1942 г. вязли в сражениях в донских степях, под Сталинградом, в предгорьях Главного Кавказского хребта, под Ржевом и Ленинградом, тем меньше у них становилось шансов выиграть войну.

В 1942 году война вступила в новую стадию. На стороне СССР теперь стояли не только Великобритания, но и США, образовался могущественный союз свободолюбивых народов. Одновременно мировой конфликт достиг своего наивысшего накала, и противоборствующие коалиции разворачивали на полную мощность своей военной потенциал. Исход войны теперь зависел от того, насколько грамотно смогут распорядиться своими превосходящими ресурсами союзники по антигитлеровской коалиции и насколько успешным окажется их сопротивление блоку агрессоров, который стремился использовать для достижения победы остающиеся стратегические козыри. Главными из них были огромные людские и материальные потери СССР в 1941 году и возможность Германии восполнить собственные потери за счет эксплуатации основной территории Европы в условиях неготовности Англии и США открыть второй фронт во Франции. Четко управляемая военная машина

⁴ Цит. по: Невзоров Б. Перелом в войне: проблемы и суждения // Геополитика и безопасность. 1995. №3. С.98.

третьего рейха по-прежнему располагала опытными командными кадрами и могла задействовать в новом наступлении хорошо обученные соединения. Командование вермахта рассчитывало также на восстановление морального потенциала основной массы немецких солдат после неудач зимы 1941/42 г.

Первоочередной задачей антигитлеровской коалиции было надломить силу агрессоров и повернуть войну вспять. Победа в Московской битве создала благоприятные предпосылки для нанесения Германии уничтожающего удара уже в 1942 году. Сравнение основных показателей говорило само за себя: СССР, США и Англия по своим людским ресурсам превосходили агрессоров в два раза. Военно-экономический потенциал стран антифашистской коалиции также намного превышал потенциал блока фашистских государств⁵. Подобная статистика могла греть сердце начальникам штабов армий западных союзников и служить успокаивающим средством для британского премьера У.Черчилля и американского президента Ф.Рузвельта. Однако она пока никак не облегчала положение Советского Союза, вынужденного в одиночку противостоять нацистской машине уничтожения, питавшейся за счет эксплуатации всей Европы. В начале 1942 года Германия вместе с подчиненными странами была в военном отношении значительно сильнее ослабленного СССР.

Продолжение успешного сопротивления СССР являлось главным условием достижения будущей победы всего Великого союза. Но даже после краха германского «блицкрига» британский кабинет и Белый дом сомневались в эффективности процесса восстановления боевой мощи Красной Армии. Поэтому они не спешили давать Москве какие-либо обещания относительно ее территориальных претензий, не зная, где окажутся советские войска в конце войны. В декабре 1941 г. министр иностранных дел Великобритании А.Иден отказался на переговорах со Сталиным подписывать секретный протокол к советско-английскому договору⁶. Уклонился он и от обсуждения вопроса о польско-советской и советско-финской границах⁷. Против признания советских территори-

⁵ *История Второй мировой войны, 1939–1945. М., 1975. Т.5. С.12.*

⁶ *Содержал пункты о восстановлении оккупированных войсками гитлеровской Германии и ее союзников территорий Эстонии, Латвии и Литвы, Бессарабии и Северной Буковины в государственных границах СССР, существовавших к 22 июня 1941 г.*

⁷ *Опубл. в: Ржешевский О.А. Война и дипломатия. Документы, комментарии, 1941–1942. М.: Наука, 1997. С.26–28.*

альных запросов в Европе выступал в то время американский Госдепартамент, мнение которого не мог не учитывать Рузвельт, а также некоторые ближайшие помощники президента – в частности А.Гарриман⁸. Обсуждая 22 января 1942 г. с руководителем Европейского отдела внешнеполитического ведомства США Р.Атертоном американскую стратегию на советском направлении и поставки в СССР, Гарриман предупреждал, что ни при каких условиях не следует идти на компромисс с таким «оппортунистом» и «ловким дельцом», как Сталин. Он полагал, что советский лидер все еще чувствует себя «социальным изгоем» среди великих союзников. «Будет большим делом, – говорил он, – посылать ему почаще дружеские послания и повторяющиеся заверения о том, что позиция России за столом мирных переговоров будет идентична британской и американской»⁹.

«Дружеские послания», конечно, были важны, но они никак не могли заменить второго фронта и скорейшего увеличения военных поставок в помощь СССР. Как в Лондоне, так и в Вашингтоне еще сохранялись большие опасения за судьбу Восточного фронта. Не последнюю роль играли здесь данные, полученные от военных дипломатов. Новый американский военный атташе в Москве майор Дж.А.Мичела в январе 1942 г. доносил в Вашингтон, что, хотя прежние данные о военном потенциале СССР (отводившие ему роль легкой жертвы нацистской Германии. – М.М.) оказались фальшивыми, все же советское производство, по его мнению, еще не скоро оправится от огромных потерь и эвакуации, поскольку месячный объем выпуска самолетов не превышал 1500 единиц¹⁰.

Ничто не может умалить храбрость солдат Великобритании, США, Китая, английских доминионов, сил сопротивления других свободлюбивых государств, которые в начале 1942 г. вели ожесточенные оборонительные сражения в Атлантическом и на Тихом океане, в Северной Африке и в Восточной Азии с морскими, воздушными и сухопутными

⁸ А.Гарриман – помощник и доверенный человек Рузвельта; в то время специальный представитель президента по делам ленд-лиза в Великобритании, с 1943 г. – посол США в СССР.

⁹ *Department of State. Memorandum of Conversation, A.Harriman and R.Atherton, January 22, 1942 // — US. National Archives (Archive II, College Park, VA) (Далее: NA). RG 59. Entry 373. Box 31.*

¹⁰ *Leshuk L. US Intelligence Perceptions of Soviet Power, 1921–1946. L.: Frank Cass, 2003. P.144.*

войсками стран оси, нанося им существенный урон. Но исход войны решался именно на советско-германском фронте. Академик А.М.Самсонов отмечал: «В высших правительственных и военных сферах США и Англии понимали, какое решающее значение имела борьба на советско-германском фронте для судеб всей Второй мировой войны. Разрабатывая планы военных действий, руководящие деятели США и Англии базировались в первую очередь на анализе обстановки на Восточном фронте, однако исходили лишь из своих интересов. Летом 1942 г. английская разведка сообщала: "Положение на Восточном фронте таково, что можно ожидать любого исхода, и поэтому трудно сказать, какой из противников потерпит поражение". В июне 1942 г. на происходившем в Вашингтоне совещании американских и английских начальников штабов было решено, что и английские, и американские планы следует поставить в зависимость от исхода летних операций на советско-германском фронте. "Сумеют ли русские удержать фронт – в этом главное. От решения этого главного вопроса зависят наши планы на остающийся период 1942 г.", – заявили англичане на первом же совместном заседании штаба в Вашингтоне»¹¹. Вместо боевых действий на Европейском континенте союзники предпочли развернуть в 1942 году основные операции в Северной Африке, на второстепенном участке Второй мировой войны, где находились лишь незначительные силы немецких и итальянских войск.

Помощь Советскому Союзу была пока незначительной, что служило поводом для различных политических спекуляций по поводу намерений Москвы. В Вашингтоне стали циркулировать слухи о возможности сепаратного мира между СССР и Германией. Так, помощник начальника штаба Управления военной разведки Р.Ли указал¹², что «русские говорят о своих больших возможностях и успехах восстановления экономики, но в то же время подчеркивают свое плачевное положение и ругают нас за недостаточную поддержку». Р.Ли замечал: «Такие противоречивые заявления делаются, очевидно, намеренно, чтобы скрыть истинное положение дел... и служат ширмой для оппортунистических изменений в политической линии как в ходе самой войны, так и на будущей мирной конференции...»¹³.

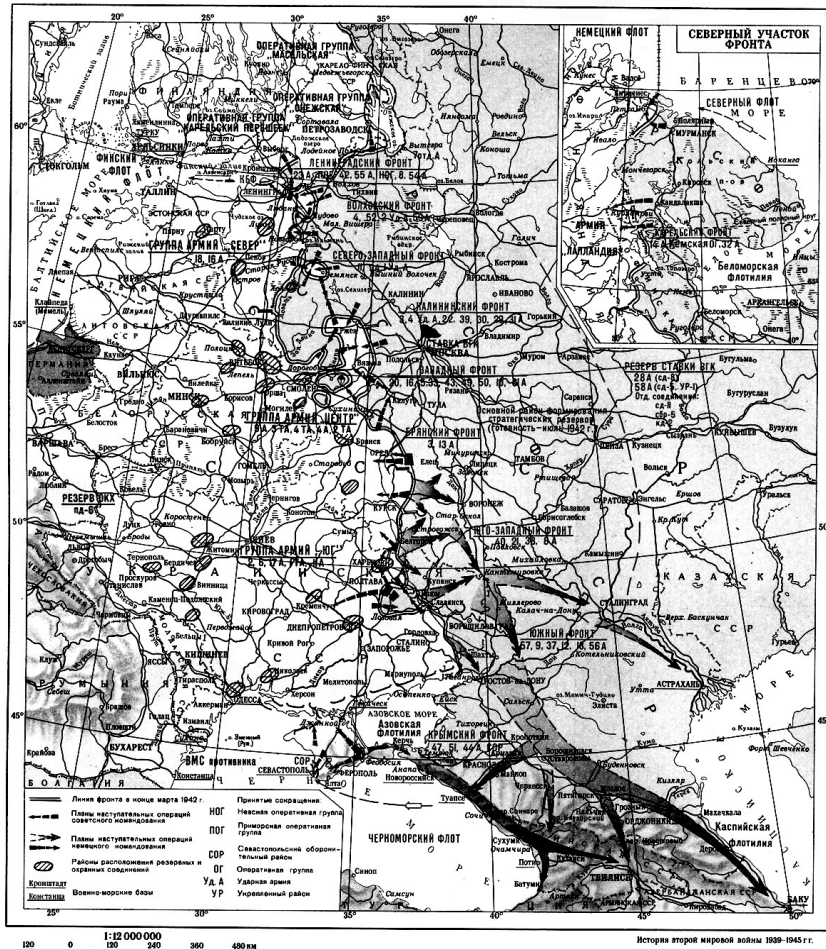
¹¹ Самсонов А.М. *Сталинградская битва, 4-е изд., испр. и доп.* М.: Наука, 1983. С.29–31.

¹² В меморандуме «Возможность русско-германского урегулирования путем переговоров», 12 февраля 1942 г.

¹³ Leshuk L. *Op. cit.* P.144, 146.

ЭХО МОСКОВСКОЙ БИТВЫ

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА НА СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОМ ФРОНТЕ
ВЕСНОЙ 1942 г. И ПЛАНЫ ДЕЙСТВИЙ СТОРОН

Стратегическое положение и планы сторон в 1942 г.
Из книги «История Второй мировой войны» (М., 1975)».

Однако генеральной линией Рузвельта и его ближайших помощников на советском направлении – таких как Г.Гопкинс, бывший посол в Москве Д.Дэвис и др. – оставалась всемерная возрастающая поддержка в адрес СССР и трезвые оценки его потенциала и национальных интере-

сов. Политическая мудрость американского президента проявилась именно в том, что он не стал заложником негативного отношения к Советскому Союзу. Хозяин Белого дома искренне надеялся и рассчитывал на успехи Красной Армии, сознавая одновременно громадные трудности ведения ею боевых действий против все еще смертельно опасного врага.

В то же время Рузвельт был прагматиком, который не только осуществлял общее военно-политическое руководство военными действиями своей страны, но постоянно держал в уме способы наиболее эффективного и бескровного использования американских сил в развернувшемся глобальном конфликте. Вступление в сражения на Европейском континенте должно было стать для граждан США ожидаемым и положительным событием, влекущим за собой и достойное вознаграждение.

В 1942 году ожесточенные схватки с врагом развернулись на гигантском пространстве Земного шара, на море и в воздухе, однако именно перелом на Востоке означал бы нанесение третьему рейху (основной силе фашистского блока) смертельной раны. Это понимали в Берлине, и германское командование делало все от него зависящее, чтобы весной 1942 г. не просто стабилизировать фронт, но и возобновить наступление против СССР. Перебороть третий рейх, который приобрел бы после краха Советского Союза контроль над его природными богатствами и соединился на суше с Японией, стало бы в обозримой перспективе абсолютно невыполнимой задачей.

Стремилось развить свой успех и советское командование. Уже ощутившее вкус победы, оно могло использовать для достижения окончательного перелома в войне морально-психологический порыв своих подчиненных и возникшее вместе с обретением стратегической инициативы чувство уверенности в своих силах. В соответствии с решением Ставки ВГК 8 января 1942 г. началось общее наступление советских войск от Ладожского озера до Черного моря. На центральном участке продолжались попытки продвижения вперед Западного, Калининского и Брянского фронтов. С 8 января до 20 апреля осуществлялась Ржевско-Вяземская операция¹⁴. Однако крупные просчеты в планировании и управлении войсками, недостаток сил и средств, особенно механизированных соединений, не позволили советскому командованию окружить и уничтожить основные силы группы армии «Центр». Незавершенными

¹⁴ Подробнее о Ржевско-Вяземской операции 1942 г. см. в новой книге российских, украинских и белорусских историков (1941 год: Страна в огне. М., 2011. Кн.1).

по тем же причинам остались и операции на других участках советско-германского фронта. Тем не менее львиная доля немецких частей на Востоке была не просто серьезно ослаблена, но и потеряла способность вести наступление. Руководство сухопутных войск Германии вынуждено было тратить значительные резервы на ликвидацию прорывов РККА и укрепление своих оборонительных позиций. Группа армий «Центр» – мощнейшая в рядах вермахта – была отброшена на запад на 100–350 км. Полностью были освобождены Московская, Калининская, Тульская, Рязанская области, часть Смоленской и Орловской областей. Немецкая пехота смогла избежать худших для себя последствий, но группа армий «Центр», оставаясь в обороне и под постоянной угрозой новых прорывов своего фронта, не могла перебросить сколько-нибудь значительных сил на другие направления. Она продолжала нести существенные потери. Подобную войну – тяжелую, грязную, окопную – немцы вскоре стали называть «крысиной». Напротив, для большей части воинов Красной Армии зимние успехи 1941/42 г. стали доказательством того, что вражеская пропаганда о непобедимом вермахте является мифом. Все встает на свои места, и они, безусловно, встретят окончание войны в Берлине. Боевой дух красноармейцев и командиров приобретал новое измерение. Только в ходе битвы под Москвой за доблесть и мужество около 40 частей и соединений РККА получило звание гвардейских¹⁵.

После окончания активной фазы боев на центральном участке советско-германского фронта – в апреле 1942 г. – стороны могли подвести некоторые предварительные итоги. После потерь и поражений лета – осени 1941 г. победа под Москвой улучшила военно-политическое и международное положение Советского Союза, укрепила антигитлеровскую коалицию, заставила правящие круги Японии и Турции с возросшей осторожностью смотреть на свое участие в войне против СССР, вдохнула надежду на скорое освобождение народам оккупированных немецкими войсками стран. Именно с Московской битвой ряд историков связывают начало коренного перелома в войне, который окончательно стал фактом после победы советских войск под Сталинградом и завершился разгромом немецких войск на Курской дуге.

¹⁵ Более 1 млн. человек, сражавшихся у стен столицы, были награждены медалью «За оборону Москвы», учрежденной в 1944 г.; 110 человек удостоены звания Героя Советского Союза. К 20-летию победы в Великой Отечественной войне, в мае 1965 г., Москве было присвоено почетное звание «Город-герой».

Гитлер, напротив, считал, что после преодоления кризиса под Москвой уничтожение СССР и использование его ресурсов будет достигнуто путем нового наступления на южном фланге. В какой-то степени это решение возвращало германское командование к выполнению изначальной цели – получить в ходе войны на Востоке доступ к богатым месторождениям нефти Кавказа и хлебу Кубани и Ставрополья. Логическим продолжением ожидаемого успеха в России был последующий захват стран Ближнего и Среднего Востока и выход к Индийскому океану. Детали продолжения наступательных операций на территории Советского Союза стали разрабатываться верховным командованием Германии еще с октября 1941 г. Но ситуация под Москвой смешала все карты. Тем не менее на летнюю кампанию 1942 г. перед сухопутными войсками вермахта ставилась главная задача: возобновить наступление на юге СССР, разрешив одновременно вопрос о Ленинграде. Директивой верховного командования вооруженных сил Германии (ОКВ) №41 от 5 апреля 1942 г. предусматривалось: «...Сохраняя положение на центральной участке, на севере взять Ленинград и установить связь на суше с финнами, а на южном фланге фронта осуществить прорыв на Кавказ»¹⁶.

С конца весны 1942 г. командование вермахта начало сосредоточивать крупную группировку войск для наступления в направлении Кавказа. Под руководством начальника генерального штаба сухопутных войск Германии Ф.Гальдера 11 апреля был подготовлен план наступательной операции под кодовым названием «Блау». Немецкий замысел предусматривал наступление на воронежском направлении группы «Вейхс» (2-й полевой и 4-й танковой армий) и на острогожском 6-й армии. По достижении Воронежа группа «Вейхс» должна была повернуть на юг и окружить совместно с наступающей на восток 1-й танковой армией основные силы советского Юго-Западного фронта. После этого предполагалось разделение германских сил группы армий «Юг» на две самостоятельные – «А» и «Б», которые должны были продвигаться в направлении Сталинграда и Северного Кавказа.

Весной 1942 г. целый ряд обстоятельств способствовал достижению немцами новых впечатляющих успехов. Советская разведка неоднократно сообщала, что основное внимание немецкого командова-

¹⁶ Дашичев В.И. Банкротство стратегии Германского фашизма. Исторические очерки, документы и материалы. В 2-х т. Т. 2: Агрессия против СССР. Падение «третьей империи». М., 1973. С.320–328

ния в 1942 г. году будет приковано к южному флангу Восточного фронта. Однако Сталин и некоторые военные руководители полагали, что немцы могут ударить и на Москву, поэтому главные советские силы были сосредоточены для защиты столицы. Еще на завершающем этапе Ржевско-Вяземской операции Ставка ВГК стала выделять значительные материальные и людские средства на восстановление Можайского полевого оборонительного рубежа. Серьезное беспокойство начальника Генерального штаба РККА маршала Б.М.Шапошникова¹⁷ вызывал тот факт, что основная масса населенных пунктов вблизи передовой была перегружена тыловыми частями и учреждениями. А это «затрудняло проведение оборонительных работ и приведение рубежа в боевую готовность»¹⁸. Задача укрепления обороны оставалась приоритетной для Западного и Калининского фронтов и в последующий период. 21 мая Генштаб предупреждал, что на ряде участков соединения Красной Армии, оставаясь на тех рубежах, которых они достигли в период зимнего наступления, совершенно не занимаются вопросами улучшения своих позиций. В отдельных армиях отсутствовало боевое охранение, части были растянуты в линию, не везде существовала система опорных пунктов и имелись силы для защиты стыков. Враг, пользуясь этими недочетами, мог стремиться нанести нашим войскам локальные поражения. Факты успешных мероприятий с целью маскировки и введения противника в заблуждение оставались пока единичными¹⁹.

Боевые части РККА в ходе успешного контрнаступления, казалось, избавлялись от страха перед вражеской мощью. Этому процессу способствовали экстренные меры верховного командования по формированию свежих соединений, придания им более гибкой системы управления. Перевод значительной части Действующей армии на новые сокращенные штаты, создание в 1941 г. наряду с дивизиями стрелковых, танковых и других бригад, отказ от корпусного звена в бронетанковых войсках²⁰ отражали реалии того периода войны, стремление

¹⁷ Выказано в телеграмме Главкому Западного направления генералу армии Г.К.Жукову от 24 апреля 1942 г.

¹⁸ ЦАМО РФ. Ф.208. Оп.2511. Д.1079. Л.31.

¹⁹ Там же. Л.37–38, 42–44.

²⁰ Нехватка техники и вооружения, огромные потери в танках РККА в начале войны поставили вопрос о расформировании мехкорпусов. Директивным письмом от 15 июля

повысить эффективность руководства войсками путем его упрощения. Такие меры считались временными, но были неизбежными ввиду понесенных потерь. К тому же они позволяли осуществлять быстрое пополнение потрепанных формирований, сохраняя в их составе закаленное ядро выживших бойцов и командиров.

К весне 1942 г., когда стало понятно, что оборонная промышленность в районах эвакуации в короткий срок способна освоить выпуск танков Т-60, Т-70, Т-34, КВ, советское верховное руководство решило воссоздать механизированные соединения. Армии необходимы были ударные «кулаки». Опыт войны наглядно свидетельствовал, что без мощных бронетанковых формирований, способных выполнять самостоятельные задачи не только в тактическом, но и оперативно-стратегическом масштабе, борьба с танковыми армиями противника и глубокое наступление практически невозможны. Постановлением ГКО от 16 февраля 1942 г. предусматривалось создание сразу 120 танковых бригад, которые комплектовались бойцами в возрасте не старше 35 лет. С марта того же года началось массовое формирование танковых корпусов (куда входили танковые бригады), а затем и танковых армий. В мае 1942 г. появились 3-я и 5-я, а в июле 1-я и 4-я танковые армии. Сильной стороной этих объединений была концентрация значительных сил под единым командованием. С другой стороны, их маневренные действия были затруднены наличием в них стрелковых дивизий, обладавших малой подвижностью²¹. Лишь в конце 1943 г. в состав танковых армий вошли механизированные корпуса, способные поддерживать быстрое наступление. Высокую маневренность и ударную силу советским танковым объединениям придавали грузовые и бронев автомобили, многие из которых в возрастающем объеме стали

1941 г. Ставка дала указание расформировать все мехкорпуса, кроме двух в МВО, на базе которых было решено создать 10 танковых дивизий (по 217 танков). В состав стрелковых дивизий было приказано включать танковые роты для поддержки пехоты. Постановлением ГКО от 24 августа стали формироваться танковые батальоны и танковые бригады. На базе танковых дивизий были созданы 65 танковых бригад. С конца 1941 г. формирование танковых войск было передано в штаб Главного автобронетанкового управления Красной Армии, созданному в нем управлению формирования. Такое же управление было создано в штабе ВВС (Горьков Ю.А. Государственный Комитет Обороны постановляет (1941–1945). Цифры, документы. М., 2002. С.121).

²¹ Горьков Ю.А. Там же. С.122–123.

направляться из США в СССР в рамках ленд-лиза с первой половины 1943 г. Однако в 1942 г. возможностей насытить войска автомобильной техникой у Ставки ВГК просто не было. Сказывались потери 1941 г., трудности организации собственного производства и незначительные поставки по ленд-лизу.

Большое значение Ставка ВГК придавала широкому использованию в будущих боях гвардейских минометных частей (ГМЧ), состоявших из знаменитых «Катюш». Уже осенью 1941 г. для более эффективного применения установок М-8 и М-13 на фронте стали формироваться оперативные группы минометных частей (Южная, Брянского фронта, Юго-Западная, Северо-Западная, Ленинградская). Создание оперативных групп ГМЧ продолжилось и в 1942 г. Возросшее поступление «Катюш» позволило создать к июню 1942 г. в Действующей армии 8 фронтовых и 4 армейские группы гвардейских минометов (всего 67 полков и 43 отдельных дивизиона). С освоением промышленностью новой установки М-30 в войсках стали формироваться тяжелые гвардейские минометные полки. В 1942 году советские «Катюши» внесли неоценимый вклад в срыв планов противника захватить Кавказ и выйти к Волге. Тяжелые потери врагу наносила, в частности, оперативная группа ГМЧ Сталинградского фронта, образованная в сентябре 1942 г.²² В последующие периоды войны гвардейские минометы неизменно участвовали во всех главных операциях Красной Армии, помогая сокрушать оборону вермахта на участках прорыва.

В начале 1942 г. руководство СССР стремилось до предела использовать все доступные источники, питавшие военные усилия Красной Армии. В первой половине 1942 г. отзывались в тыл ранее призванные или ушедшие добровольцами на фронт научные сотрудники, квалифицированные рабочие, железнодорожники и лица ряда других профессий, имевших важнейшее значение для военной экономики. Более планомерным становилось обучение командного состава в училищах и на краткосрочных курсах, подготовка запасных частей. Наживалась система поощрения солдат и офицеров, активно совершенствующих свои навыки владения оружием. Постановлением ГКО от 11 мая 1942 г. «в целях наиболее эффективного использования пулеметного оружия, повышения роли и ответственности рядового,

²² Там же. С.124–125.

младшего и среднего начсостава пулеметных частей и подразделений, а также укомплектования их лучшим составом» предусматривалось присвоение опытным красноармейцам-пулеметчикам звания ефрейтор. Одновременно повышались оклады содержания в пулеметных подразделениях. Старшина роты должен был получать в месяц до 65 руб., командир взвода – 700 руб., командир роты – 800 руб.²³ Все эти меры, наряду с продолжением всемерной популяризации фактов грамотного поведения советских солдат в бою, стимулированием методами пропаганды и системой воинских наград их доблести и героизма, медленно, но верно способствовали качественному совершенствованию личного состава РККА, укреплению в нем чувства уверенности в собственных силах.

Моральное состояние в большинстве соединений РККА в начале 1942 г. определялось командованием как «здоровое и устойчивое». Случаев героического поведения военнослужащих было множество. Командиры частей личным примером воодушевляли своих подчиненных. Так, в период боев 342-й стрелковой дивизии 61-й армии за овладение Долбенскими выселками, когда захлебнулась очередная атака подразделений 1148-го стрелкового полка, его командир майор Н.П.Карамушко и комиссар старший политрук И.Г.Плиха подняли бойцов и повели их за собой. Они пали смертью храбрых, но обеспечили выполнение частью поставленной задачи. В тот же период в Коммунистическую партию вступило более 200 бойцов 342-й дивизии²⁴.

Тем не менее боевые характеристики личного состава Действующей Красной Армии, несмотря на то что многие советские дивизии в предыдущий период приобрели немалый опыт сражений, еще оставались слабыми. По-прежнему хромала дисциплина. Зимой – весной 1942 г. в частях сократились случаи дезертирства и членовредительства, однако факты этих воинских преступлений имели место. Только по данным Особого отдела НКВД 61-й армии за конец января – февраль 1942 г. было зафиксировано 96 случаев дезертирства (из них 7 чел. начсостава) и 15 случаев членовредительства (один из начсостава). Показательно, что за тот же период никто не привлекался к ответственности за «антисоветские высказывания», хотя спецорганы зафик-

²³ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1079. Л.34.

²⁴ Там же. Д. 1080. Л.15–16.

сировали и взяли в производство несколько таких эпизодов²⁵. Политорганы и особые отделы НКВД фронтов в период затухания наступательных операций и возросших потерь стали отмечать случаи утраты убежденности в окончательной победе и недовольство красноармейцев своими командирами из-за неумения последних руководить боем. Одним из самых неприглядных явлений, распространившимся как в тыловых учреждениях, так и на передовой стало пьянство, что напрямую влияло на боеспособность частей. В 1150-м стрелковом полку это привело, как показывают документы, к гибели начальника штаба и нескольких других командиров, «шедших в наступление после групповой пьянки». Был отмечен и ряд незаконных расстрелов офицерами, находящимися под воздействием алкоголя, своих подчиненных. Такие явления грозили подрывом боевого духа и распространением пораженческих настроений, подобных высказанным красноармейцем 1146-го стрелкового полка: «Не правду нам говорят, немцы не боятся зимы. Смотри, как чешут по нам. Наши руководители разве считаются с нашим братом. Жрут только на войне, а поэтому нашим телом не можем отогнать немцев, которые едят шоколад и пьют ром...»²⁶.

Гигантские масштабы сверхнапряженной мобилизации, проведенной в 1941 – начале 1942 г., неизбежно вели к отправке на фронт слабообученного или совершенно необученного пополнения. Генштаб вынужден был констатировать, что красноармейцы «плохо знают свое оружие, оружие содержится грязно... много оружия остается на поле боя». В соединениях отсутствовала отлаженная система подготовки бойцов, командиров и штабов. На фоне многочисленных случаев нарушения воинской дисциплины слабо велась воспитательная работа в подразделениях²⁷.

Одним из самых серьезных недостатков Красной Армии в начале 1942 г. была острая нехватка техники, стрелкового автоматического оружия и боеприпасов. Возросшее сопротивление немцев стало поводом для недовольства отдельных бойцов качеством своего оружия. Можно понять настроения тех военнослужащих, которые, после неудачной атаки на позиции окопавшегося противника и понесенных потерь от эффективного огня пулеметов, минометов и артиллерийских

²⁵ Там же. Л.12.

²⁶ Там же. Л.9–11, 16–17.

²⁷ Там же. Д.1079. Л.37–38.

орудий вермахта, говорили своим товарищам: «Все равно мы не победим, так как наше оружие хуже немецкого»²⁸. Возможности стрелковых дивизий и даже кавалерийских корпусов были ограничены, особенно при глубоком снеге и в период распутицы. Низкий темп советского продвижения вперед приводил к печальным последствиям: немцы, удерживавшие важнейшие транспортные коммуникации, быстро перебрасывали свои резервы на угрожаемый участок и проводили контрудар. Как следствие, значительные силы прорвавшихся частей РККА отсекались от главного фронта²⁹. Отечественный историк А.В.Исаев замечает в связи с этим, что стандартным германским приемом, приводившим к провалу советского наступления в этот период, являлось удержание «угловых столбов» в основании прорыва соединений РККА. «Немцы всегда находили населенный пункт, находящийся поблизости от советского прорыва и стягивали к нему крупные силы, обеспечивая плотную оборону. Обходя узлы сопротивления в начальный период операции и отказываясь от лобовых атак, советские войска увязали впоследствии в позиционных боях за "угловой столб"». Такая тактика противника, в любом случае, сужала прорыв, давала германскому командованию контроль над коммуникациями³⁰.

Однако и тем количеством боевых средств, которым обладали командующие советскими объединениями в начале 1942 г., возможно было распорядиться более основательно и добиваться успеха при продвижении вперед. Беда была в том, что большинство командиров на фронте пока еще не были способны вести наступление практично и грамотно, исходя из имеющихся ресурсов и степени противодействия противника. Опыт приходил на практике и доставался дорогой ценой. «Мощный кулак» (29-я и 39-я армии) генерала И.С.Конева в феврале 1942 г. оказался отсеченным немцами и понес большие потери. Наши войска неминуемо настигла бы полная катастрофа, если бы не наступление Северо-Западного фронта. Однако ряд командующих Красной Армии уже тогда выделялся своим чувством момента и стремился гибко реагировать на изменение ситуации. Так,

²⁸ Там же. Д.1080. Л.18–19.

²⁹ Примером тому служат неудачи зимой – весной 1942 г. 33-й, 29-й и 39-й армий Западного и Калининского фронтов, 2-й ударной армии Волховского фронта, объединений Юго-Западного фронта под Харьковом в Барвенковско-Лозовской операции и др.

³⁰ Исаев А.В. Об объективных и субъективных факторах битвы за Москву // Вестник МГИМО (Университета). 2012. №1 (22). С.33.

Г.К.Жуков, став главнокомандующим Западным стратегическим направлением, на ходу перепланировал операции Калининского фронта, утвержденные Ставкой. Не обладая значительными подвижными силами и резервами, он решил не «зарываться» далеко вперед, а провести удары на небольшую глубину, «нашинковать» фронт противника на несколько мелких котлов. На заключительном этапе Ржевско-Вяземской операции 20-й армии ставилась задача выйти в тыл немецкой группировки под Ржевом, 5-й армии – нанести удар на Сычевку навстречу 39-й армии вермахта. Вместо гигантского окружения врага в треугольнике Ржев–Вязьма–Юхнов предстояло расчлнить ржевско-вяземскую группировку противника на две части. Сокращение масштабов задач облегчало маневрирование силами: например, в феврале 1942 г. удар 5-й армии был перенесен Жуковым в полосу наступления неудачно действовавшей советской 20-й армии³¹.

Но полководческого таланта одного Жукова было недостаточно для достижения крупного стратегического успеха. Другие генералы часто либо боялись, либо пока не научились искусству решительного маневра. Ставке и Генштабу приходилось даже разъяснять, что в период наступательных операций нельзя смотреть на разграничительные линии между армиями «как на перегородки, которые не могут нарушаться, хотя этого требовали интересы дела и меняющаяся в ходе операций обстановка». Нельзя идти вперед, «не обращая внимания на своих соседей, без маневра, который вызывается обстановкой, без помощи друг другу», что облегчает противнику бить советские соединения по частям. Текст соответствующей директивы от 17 мая 1942 г., подписанной И.В.Сталиным и А.М.Василевским, разрешал командующим фронтами «менять в ходе операций разграничительные линии между армиями, менять направления ударов»³². Указания были немедленно доведены до штабов армий. Жуков распорядился «спустить» их и до уровня дивизий, однако к тому времени широко апробировать это на практике уже не представлялось возможным. Наступательные возможности войск Западного направления были исчерпаны.

Все эти негативные факторы, иллюстрировавшие боевые возможности советской стороны, наглядно свидетельствовали о том, что Красная Армия образца весны 1942 г. в целом пока еще не представляла эффективной военной машины, способной в кратчайший срок

³¹ Там же. С.33–34.

³² ЦАМО РФ. Ф. 208. Он.2511. Д.1079. Л.32–33.

разгромить вермахт. Напротив, Сталин имел все основания считаться с угрозой нового крушения советской обороны на ключевых направлениях советско-германского фронта.

Повышенное беспокойство Ставки ВГК за свой центральный участок подогревалось и немецкой разведкой. Чтобы ввести командование РККА в заблуждение, германская сторона разработала план дезинформационных мероприятий, основу которого составила т.н. операция «Кремль». Предусматривались:

- перегруппировки сил и средств,
- передислокация штаба 3-й танковой армии в район Гжатска,
- усиление аэрофоторазведки Москвы и ее окрестностей,
- рассылка планов взятия столицы неожиданным ударом, вплоть до штабов полков, и др.³³

Представляется, что подобная дезинформация, вкупе с реальными данными о численности немецких соединений на фронте западнее Москвы, стала одной из причин излишнего, порой гипнотического страха, проявлявшегося и в разгар Сталинградской битвы, не пропустить германский бросок в направлении столицы.

Имея в виду исключить захват врагом Москвы и других жизненно важных регионов страны, советское командование не собиралось и просто отсиживаться в обороне. Общий ход летней кампании 1942 г. виделся из Кремля с точки зрения завоевания прочной стратегической инициативы. Намечалось ввести в сражения новые воинские формирования и уже в ближайшее время освободить значительную часть оккупированной территории страны. Однако, как и в ходе предыдущих операций, планы Ставки ВГК грешили переоценкой собственных возможностей и недооценкой силы противника.

В марте 1942 г. на совещании в Государственном Комитете Обороне маршал Б.М. Шапошников предложил ограничиться на ближайший период активной обороной. Однако Сталин считал, что нельзя «сидеть сложа руки», и было решено нанести по врагу ряд упреждающих ударов на московском, харьковском направлениях, под Ленинградом, в Крыму и других участках. На практике это решение повлекло за собой подготовку и проведение наступательных операций (большого или меньшего масштабов) фактически на всех советских фронтах, за

³³ Великая Отечественная война 1941–1945 гг. В 12-ти т. М., 2011. Т.1 Основные события войны. С.241–242.

ЭХО МОСКОВСКОЙ БИТВЫ

исключением самого северного, Карельского, фронта. Намечались следующие действия:

- разгром ржевско-вяземской группировки противника,
- освобождение Харькова и всего Крыма,
- ликвидация демянского плацдарма,
- операция по деблокаде Ленинграда.

Конечной целью Ставки ВГК был выход к концу 1942 г. на границу СССР. Но смелая инициатива изначально несла в себе порок самонадеянности. Наиболее уязвимым местом в советском плане стала сама постановка задач – и обороняться, и наступать. Отсутствие четкого анализа менявшейся ситуации сыграло свою роковую роль в новых неудачах Красной Армии. К тому же некоторое преимущество в инициативе, возможность выбора участка для нанесения очередного удара, достигнутые в зимние месяцы, были потеряны вследствие неоправданных ошибок верховного руководства в Москве и командования на фронтах.

Начавшиеся в мае активные боевые действия на многих участках советско-германского фронта довольно быстро вскрыли несостоятельность далеко идущих замыслов командования Красной Армии. Намеченные операции не привели к желаемым результатам. Под Ленинградом, в Крыму и под Харьковом советские войска потерпели серьезные поражения. Захлебнулось наступление 2-й ударной армии со стороны Волхова к городу на Неве; более того, сама она оказалась отрезанной от основных сил и получала снабжение лишь через узкий коридор, насквозь простреливаемый вражеским огнем. Безуспешными остались попытки советских частей наглухо захлопнуть и ликвидировать демянский котел, в котором оборонялось до 100 тыс. немецких солдат. Германскому командованию удалось наладить довольно эффективный воздушный мост со своими частями в районе Демянска.

Все эти неудачи привели к тому, что уже в начале лета 1942 г. Красная армия оказалась в тяжелейшем положении и вынуждена была отступать к Сталинграду и Кавказу. Страна вновь стояла на грани катастрофы. Такое развитие ситуации проистекало, безусловно, из общей слабой боевой эффективности наших вооруженных сил и военной экономики. Необходимость скорейшего повышения потенциала Действующей армии, насыщения ее новой техникой и обученным пополнением для того, чтобы не допустить победы врага, а, напротив, окончательно переломить ход войны в свою пользу, стало тем эхом Московской битвы, которое отчетливо прозвучало весной 1942 года.

Страницы истории

Телеграмма И.В.Сталина С.К.Тимошенко, Н.С.Хрущеву, И.Х.Баграмяну
ЦАМО РФ. Ф.3. Оп.11556. Д6. Л.16,18

ТИМОШЕНКО, ХРУЩЕВУ, БАГРАМЯНУ

За последние 4 дня Ставка получает от вас все новые и новые заявки по вооружению, по подаче новых дивизий и танковых соединений из резерва Ставки.

Имейте в виду, что у Ставки нет готовых к бою новых дивизий, что эти дивизии сырые, необученные и бросать их теперь на фронт - значит доставлять врагу легкую победу.

Имейте в виду, что наши ресурсы по вооружению ограничены, и учтите, что кроме вашего фронта есть еще у нас другие фронты.

Не пора ли вам научиться воевать малой кровью, как это делают немцы? Воевать надо не числом, а умением. Если вы не научитесь лучше управлять войсками, вам не хватит всего вооружения, производимого во всей стране.

Учтите все это, если вы хотите когда-либо научиться побеждать врага, а не доставлять ему легкую победу. В противном случае вооружение, получаемое вами от Ставки, будет переходить в руки врага, как это происходит теперь.

СТАЛИН

27.5.42г.

ЭХО МОСКОВСКОЙ БИТВЫ

И.И. "УТВЕРЖДАЮ"
 НАРОДНЫЙ КОМИССАР ОБОРОНЫ
 СССР
 И.СТАЛИН
 8 июня 1942г.

П Л А Н

подготовки маршевого пополнения в запасных частях в июне месяце 1942 года

1. В июне месяце подготовить - 315.000 чел., в том числе
 конницы - 18.000 чел.
 и артиллеристов - 12.000 чел.
2. Это пополнение распределить:
- а) на развертывание 10 стр. дивизий из 10 стр. бригад, выведенных в резерв Ставки Верховного Главнокомандования из состава Волховской группы войск и Северо-Западного фронта (директивы № 994024 и 994025 от 26 мая 1942г.) - 106.500 чел.
- б) на укомплектование фронтов и восстановление дивизий, выведенных в резерв фронта - 174.500 чел., в т.ч.
 конницы - 18.000 чел.

Из них:

Южному	- 30.000 чел., в том числе конницы - 1.500 чел.
Юго-Западному	- 30.000 чел., -" 6.500 чел.
Западному	- 28.000 чел. -" 3.500 чел.
Калининскому	- 25.500 чел. -" 1.500 чел.
Ленинградскому (вместе с Волховской группой)	- 26.200 чел. -" 1.200 чел.
Брянскому	- 40.000 чел. ^{х)} -" 3.800 чел.
Северо-Западному	- 15.000 чел.
в) Обучаемый резерв	- 13.000 чел. ^{х)}
ВСЕГО	- 315.000 чел.

Е.ЩАДЕНКО

1 июня 1942г.

На документе имеется резолюция И.В.СТАЛИНА:
 " Т.ЩАДЕНКО.

Брянскому фронту увеличить до 40 тысяч за счет резерва. И.СТАЛИН"

х) Цифры исправлены рукой И.СТАЛИНА

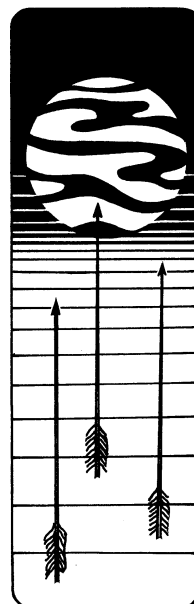
Память – это медная доска, покрытая буквами, которые время незаметно сглаживает, если порой не возобновляет их резцом.

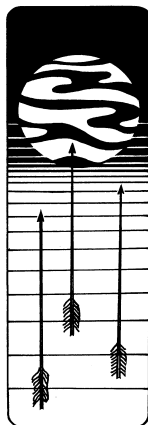
Джон Локк

Образ я могу рассматривать сколь угодно долго и никогда ничего не найду в нем, за исключением того, что сам в него вложил. Это замечание чрезвычайно

важно для того, чтобы отличать образ от восприятия. В мире восприятия никакая вещь не может явиться сама по себе, не связанная бесконечным числом отношений с другими вещами.

Жан-Поль Сартр

Наталья Потапова

**ТЕМА «ПАМЯТИ»
В КУЛЬТУРЕ
МОДЕРНИЗМА**

ПУТИ ДУХОВНЫХ ИСКАНИИ

УДК
304.5

In XX century 'memory' became a point of special reflection and investigation. This article examines the concept of memory and its implications in culture of early XX century. It reviews the use of this term in the most important modernist texts and questions the functions of memory both in discourse and practices. The 1st World War gave rise to the modernist doubt in utopian ideals of Enlightenment Project and indicated the break with rationalism. This turn was closely engaged with new cultural understandings of memory. War gave rise to doubt in validity of memory (idea on which there were based main norms and realizations of truth and verification in different situation, in everyday life and theoretical framework, in both bureaucratic and private practices). Many authors came to one paradoxical conclusion: 'memory' is oblivion, memory not recalls but deforms past, it substitutes for reality, memory deprives people of time and free will. The concept of 'memory' was converged in XX century with the problem of temporality and people identity. This article analyzes how 'memory' was entangled with new cultural practices.

Ключевые слова: история понятий; репрезентации; память; модерн; рационализм; Зигмунд Фрейд; Эдмунд Гуссерль; Анри Бергсон; Марсель Пруст; Вирджиния Вулф; Хорхе Луис Борхес.

Key words: history of concepts; representations; memory; modernism; rationalism; Sigmund Freud; Edmund Husserl; Henri Bergson; Marcel Proust; Virginia Woolf; Jorge Luis Borges.

E-mail: kezey@eu.spb.ru

Мы привыкли воспринимать память как физиологическую функцию, сродни зрению, слуху, осязанию и другим чувствам. Как и зрение, «ум» может быть «острым», а память «твердой», как рука. Как и тело, ум и память должны быть «здоровыми», а память можно еще и тренировать. Телесность и физиологизм остаются центральными метафорами наших обыденных представлений о памяти, несмотря и вопреки бергсоновской традиции психологии.

Один из вызовов этой критической традиции связан с идеей, согласно которой мы не осознаем, что часто видим лишь то, что нас научили различать, что способность распознавать может быть производной дисциплины, искусственно сформированной привычкой. Общество производит восприятия и в то же время само от них зависит. В этом смысле устройство и функции «памяти» столь же далеки от физиологии мозга, как видение мира от устройства и функций глаза.

В последние годы понятие «память» оказалось вновь актуализировано с определенной уверенностью в его возможностях как нового инструмента для анализа прошлого. Память начинает осознаваться и как новый образ времени, способный заменить такие кажущиеся неудовлетворительными в качестве объяснительной модели пространственные образы времени, как линейная цепочка «прошло-настоящего-будущего», циклический образ или даже образ маятника. Характерно, что момент изобретения маятниковых часов удивительно совпадает с моментом значимых трансформаций в понимании «памяти». О таких трансформациях и пойдет речь в этой статье. Задача – понять, что значило «помнить» для людей ушедших эпох, понять их прагматику и следствия использования памяти в их культуре. Постараться различить то, что сливается в наших представлениях при обращении к текстам прошлого. Критика, как известно, требует отстранения. Критика понятий требует, чтобы мы были готовы допустить иную систему мышления. Чтобы говорить о памяти, способах ее осознания, прагматических функциях и следствиях ее использования, необходимо почувствовать различия. Необходимо показать культуру, в которой люди перестали бы пользоваться памятью в привычном нам смысле. Историческое исследование – один из возможных и самых убедительных приемов. Конечно, не единственный. Когда я думала о путях, вспомнились ранняя этнология и этнолингвистика, Леви-Стросс, «новая волна» в гуманитарных науках и в искусстве. Причем, я уверена, самые смелые идеи были предложены все-таки в литературе и кинематографе: для исследования

функций памяти так удачно подходили художественные приемы логического абсурда.

**ОБРАЗЫ ПАМЯТИ И КРИТИКА
ПРОЕКТА ПРОСВЕЩЕНИЯ**

Историю отстранения «памяти» и превращения ее в особый объект исследования можно начать с феноменологии, с модернистской психологии и дискурса о «потоке сознания», с этнологии или этнолингвистики и проблематизации культуры и сознания «других». Или, скажем, с Борхеса. С кого «на самом деле» началось интеллектуальное движение, о котором пойдет речь, сейчас, наверное, не так уж и важно. Идеи носились в воздухе в 30-е, когда Борхес, служивший в национальной библиотеке Буэнос-Айреса, писал свои рассказы, а Сепир и Уорф издали результаты своих полевых исследований. После войны они как-то вдруг одновременно входят в моду. Их довоенные работы начинают издавать большими тиражами, переводить на все или почти все языки, изучать и обсуждать, они становятся мировыми бестселлерами и начинают задавать интеллектуальную моду. При том, конечно, что художественная проза Борхеса немало способствовала продвижению этих общих идей. «Эта книга вызвана к жизни одним из произведений Борхеса», – Мишель Фуко не случайно начал свою «Археологию» с этих слов. Много общего с рассказами Борхеса находят и в работах Клода Леви-Стросса, Романа Якобсона, многие структуралистские теории оказываются сопоставимы с созданными Борхесом образами. Он как-то одновременно аккумулировал и вдохновлял современное ему интеллектуальное движение. С тех пор прошло уже много лет, обращение к этим текстам давно на грани ностальгии. Но все-таки я тоже начну, пожалуй, с Борхеса. С его рассказа *Funes el memorioso*¹. Его ранний вариант Борхес опубликовал еще в 1942 году в газете *La Nación*, которая выходила в Буэнос-Айресе. В 1944 он включил его в антологию *Ficciones* («Вымышленные истории») – сборник, которому суждено было сделать имя Борхеса известным миллионам².

¹ «Фунес, чудо памяти» – так звучит название этого рассказа в переводе Е.М.Лысенко.

² Этот рассказ не раз привлекал внимание тех, кто писал о памяти в 80-е – 90-е: его интерпретировали И.Йерушалъми, Р.Лахманн и многие другие. Начав с него, можно оправдаться традицией.

Это рассказ о памяти, особой, другой памяти, – Борхес предлагает своим читателям представить ее возможность, и ощутить относительность привычного обыденного состояния, и задуматься о его условиях. Другую память олицетворяет заглавный персонаж, уругваец Фунес. Он был покалечен лошадью, парализован, зато приобрел «совершенные восприятие и память». Задачей Борхеса было создать образ «удивительно отстраненных» способностей, для этого автор не раз сопоставляет своего героя по качествам и привычкам с индейцами, «дикими», необычными, другими. Но одновременно этот парадоксальный, новый образ, не имеющий аналогов в культуре, – автор сравнивает с символом европейского рационализма, хронометром (*cronométrico Funes*).

Хорхе Луис Борхес

Как индеец, он немногословен, как хронометр, он точен в наблюдениях. Напряжение, создаваемое игрой двух планов, принципиально: Борхес выбрал местом действия Уругвай, а значимым вторым планом рассказа – культуру рационализма, его герои читают главы из «Естественной истории» Плиния о памяти, Борхес вспоминает Свифта, цитирует Локка, напоминает про Декарта и Лейбница. Эту культуру и пытается отстранить в своем тексте Борхес. «Локк в семнадцатом веке постулировал (и опровергнул) невыполнимую идиому, по которой каждый отдельный предмет, каждый камень, каждая птица и ветка имеют свое собственное имя». Именно эту локковскую утопию мы обнаруживаем у Фунеса; он этим оказался наделен природой и случаем. «Фунес был почти не способен к общим, теоретическим идеям. Ему было трудно понять не столько то, что общее понятие собака включает такое множество непохожих экземпляров разного размера и разной формы, сколько он был сбит с толку тем фактом, что собака, видимая в три четверти (если смотреть в профиль), должна иметь то же имя, что и собака, видимая в три пятнадцатых (если смотреть спереди). Его собственное лицо в зеркале, его руки удивля-

ли его каждый раз». Он часами созерцает цветок так, «как будто никто и никогда не видел такого цветка».

Борхес называет его, в парафраз Ницше, «предвестником сверхчеловека, диким вульгарным Заратустрой» (*Un Zarathustra cimarrón y vernáculo*). Его можно назвать всепомнящим и всевидящим. В сравнении с ним человеческая жизнь, жизнь «любого христианина» оказывается сном, грезой: люди смотрят не видя, слушают не слыша и почти все забывают (*él había sido lo que son todos los cristianos: un ciego, un sordo, un abombado, un desmemoriado; vivido como quien sueña: miraba sin ver, oía sin oír, se olvidaba de todo, de casi todo*). Со слов обычного человека событие звучит «как сон, смешанный с элементами прошлого», Борхес замечает, что в этом смысле обычная память скорее **творит** (*creo*), чем реконструирует. Так появляется важное сомнение в достоверности памяти, достоверности, в которую, напротив, так верил рационализм и на которой было так много построено в практиках этой эпохи. У Борхеса Фунес – символ рационализма, в отличие от всех людей он чудом наделен способностью видеть и запоминать мир в таких деталях, что может реконструировать в памяти свои сны и дремы, свой день целиком или гриву коня в каждый момент ее движения. Обычно люди опускают многое – слишком многое, какая уж тут реконструкция. Образы не сохраняются, остаются одни слова, одинаковые слова для бесконечного многообразия мира. Слова деформируют реальность, а не «отражают» и не «передают» ее. *Ut nihil non iisdem verbis redderetur auditum* – ничто не может быть передано теми же словами, – персонажи Борхеса цитируют *Historia naturalis* Плиния. Язык «мешает» (*molestar*) возможному восприятию и памяти, – простая для межвоенного времени идея, упакованная Борхесом в художественную форму. Он противопоставляет архаичное мышление и рациональное знание и проблематизирует это противопоставление. Память и восприятие Фунеса стали безошибочны (*su percepción y su memoria eran infalibles*) и детальны, однако он утратил обычную для всех людей способность забывать различия, обобщать, абстрагироваться, т.е. «размышлять» в рационалистическом смысле³. Его восприятие и память настолько живы и точны, что Борхес сравнивает их с переживанием удовольствия и боли, чтобы передать, насколько они невыразимы в словах. Почти синхронно похожая мысль прозвучит в «Философских исследованиях» Витгенштейна. Борхес замечал, что

³ Р.Лахманн заметила здесь реинсценировку 122-го афоризма Ницше: «Хорошая память. Некоторые потому не становятся мыслителями, что у них слишком хорошая память».

кино и фонограф позволили исследовать эти феномены сознания и проблематизировать многие базовые уверенности ушедшей культуры рационализма, более двух веков определявшей нормы и представления об истине и достоверности в разных сферах жизни, от бюрократической практики до частной жизни.

Слово «чудо», подобранное Евгенией Михайловной Лысенко для русского перевода названия, точно передает идею Борхеса. Оно позволяет уйти от привычных калек для слова *memoria* и провести значимые для автора различия, стертые в русской языковой культуре. Отличить *memoria* – память обычного человека, память слов, память лишь заранее заученного языка, которая оказывается при столкновении с другим (Фунесом) «краткой, невзрачной, необъективной», невыразительной, теряющей слова, и не только слова, и оттого полной ошибок. Для определения другой памяти, памяти Фунеса автор использует «святой глагол» *recuerdo*⁴. «Я его **помню**, я не вправе произносить это **священное слово**, лишь один человек на земле имел на это право». Не случайно автор наделяет Фунеса способностью отчетливо различать и сопоставлять состояния «постоянно меняющегося пламени» и «бесчисленного множества ликов умершего, которые встают ... во время ночного бдения». Только чудо способно так воскрешать прошлое, память же обычного человека, «память наизусть», в словах – только вера, работа воображения: «Recuerdo (creo)», – оговаривается автор – «я помню, мне кажется». Для обычного человека помнить означает не только заново воспринимать⁵, но также это значит делать «очевидным» для себя, то есть осознавать, понимать, домысливать то, что привлекло внимание, творить (*crear*) и верить (*creer*) в сотворенное языком. Язык упрощает и упорядочивает, опуская «наименее важное», классифицирует и каталогизирует, организует вещи в систему и воспоминания в словарь. Фунес нуждался в языке, который состоял бы только из имен собственных, памятливым в этом смысле Фунес (*memorioso*) способен был их запомнить десятками тысяч, и сам же он жалуется, что его память забита словами, как сточная канава: *Mi memoria, señor, es como vaciadero de basuras* (моя память, сеньор, похожа на сточную яму).

В рассказе проблематизировано и еще одно важное противопоставление: чье же именно состояние можно назвать «вечной тюрьмой» –

⁴ *El verbo sagrado* – помнить как «поминать», «вновь являть», «заменить ушедшего чем-то в память о нем».

⁵ Поэтому помнить можно «ясно» и «отчетливо», так же как видеть или слышать.

парализованного Фунеса или обреченного на притупленность, мимолетность, неточность переживаний обычного человека? Это обычный человек обречен жить как во сне в мире своих иллюзий и фантазий, а прикованный к постели Фунес оказывается «единственным и просвещенным зрителем многообразного мира, который был ежесекундно и невыносимо точен», мощного потока опыта, о котором так много стали писать в XX веке. Для него «настоящее стало почти невыносимым, настолько оно было насыщенным и ярким», а «все, что он однажды продумал, нельзя было стереть из памяти». Паралич оказался для него спасением, а не тюрьмой. Он не способен действовать не только физически. Став как бы всеведущим («во мне одном больше воспоминаний, чем во всех людях с начала сотворения мира»), он утратил способность «забыть различия, уметь обобщать, резюмировать», то есть думать. Способность вообразить такое состояние парализовала и автора: «...мне пришло на ум, что каждое из моих слов (каждый из моих жестов) будут жить в его неумолимой памяти; я был парализован страхом умножения излишних жестов». Так Борхес противопоставил память и радио: размышлять, рассказывать, превращать жизнь в событие – значит забывать. Забвение множества деталей упорядочивает поток сознания, забвение типизирует, смешивает видимое с элементами прошлого. Так обычные люди «видят» события. Возможно, это имел в виду Борхес, когда говорил, что происшествие забывается, после того как его превращаешь в слова, записываешь историю⁷. Это противопоставление двух процессов – памяти-образов и памяти-языка – можно связать с латинской традицией, в романской языковой культуре оно отчетливее, но полностью стерто в русской, сплавившей грамматику и не различающей смыслы слов «память», «воспоминание», «памятник» – *memoria, recordatio, monument*⁸.

⁶ Мотив, отсылающий к псалмам Давида: «*Educ de custodia animam meam ad confitendum potini tuo me expectant iusti donec retribuas mihi*» (Psalm 141:8) – «Изведи из темницы душу мою исповедатися имени Твоему».

⁷ См.: Лахманн Р. Память и утрата мира // *Немецкое философское литературоведение наших дней: Антология*. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2001. С.375.

⁸ Монументом, к слову, оказывается у Борхеса сам Фунес с его памятью. Ренате Лахманн заметила, что «здесь Борхес приводит скрытую цитату из "Exegi monumentum" Горация: «*Exegi monumentum aere perennius regalique situ pyramidum altius*» (Оды. Кн.3.) Цит. по: Лахманн Р. Указ. соч. С.377.

**ОБРАЗЫ ПАМЯТИ
И ТРАВМА ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ**

Утрату базовых уверенностей прежней эпохи, кризис мироощущения и сомнения в рациональности прежних объяснительных схем многие, в том числе и современники событий,

связывают с последствиями Первой мировой войны. Послевоенные 20-е для целого поколения прошедших войну интеллектуалов Европы стали временем сомнения и поиска. Именно в это время представления о «памяти» трансформируются, на первый план выходит мотив неадекватности и деформации воспоминаний. В 1925 году в издательствах Лондона и Нью-Йорка почти одновременно выходит новый роман Вирджинии Вулф – «Миссис Дэллоуэй», роман новой формы, представляющий читателю пространство размышлений, поток сознания, нескончаемое внутреннее повествование разных персонажей, в котором мысли действующих лиц о прошлом занимают важное место. О том, как Вирджиния Вулф превратила время одновременно в тему и героя своего повествования, немало написано⁹. Автор в своем «Дневнике» рассказывала, что хотела было сначала вынести в название романа «Часы», что роман виделся ей как построение «туннелей», прорытых в прошлом. Роман, написанный после великой войны, трактует ее как великую травму. Европа будет читать роман на рубеже 20-х – 30-х годов: выйдут переводы на немецкий, французский, испанский. Новая повествовательная техника и свежие образы окажут серьезное влияние на прозу XX века, Вирджиния Вулф открыла в литературе новую тему травмированной войной памяти.

В этом романе Вулф внимательна к образам памяти: они работают на идею произведения. В других ее романах есть немало позаимствованных в культурной практике привычных стереотипных мотивов¹⁰. Однако «Миссис Дэллоуэй» – случай особый.

⁹ Обсуждение, начатое Полем Рикером в книге «Время и рассказ», продолжили многие современные критики.

¹⁰ В следующем романе «На маяк», который вышел два года спустя, Вирджиния Вулф использовала прежнюю толстовскую повествовательную технику (прием «точки зрения» Льва Толстого Вулф в эти годы критически изучала, об этом тоже немало написано), она создала драму сознания, однако тема памяти не играла здесь прежней роли. Роман наполнен привычными образами: в нем будет и память как «сокровищница», и память как «вуаль» или как «клубок», как доска с отпечатками и как картины перед «мысленным взором», будут и «проблески памяти». Все это для автора не так важно и поэтому

Вирджиния Вулф

Автор старательно подбирает мотивы, способные метафорически передать авторскую мысль. Вулф намеренно соотносит в романе две темы: память и шизофрению, при помощи общих мотивов заставляя актуальную тему и актуальный диагноз отражаться друг в друге, соотнося и противопоставляя их. Поль Рикер заметил, что структура романа напоминает эллипс, один из центров которого – Септимус Уоррен Смит, второй – Кларисса Дэллоуэй, два персонажа, связанные друг с другом лишь общими мотивами. Септимус – ветеран войны. Вирджиния Вулф одна из первых покажет Англии изуродованные тела инвалидов и искалеченные души. «Жестокость вопит с плакатов; мужчин подрывают на минах, женщин

сжигают заживо; а как-то шеренгу увечных безумцев вели не то погулять, не то напоказ народу (народ хохотал до слез), и они, кивая и скалясь, ковыляли по Тоттнем-Корт-Роуд, и каждый чуть-чуть виновато, но с торжеством демонстрировал свои муки»¹¹, – как тут не спятить, добавляет один из персонажей. Септимус именно «спятил» на этой войне. Он страдает галлюцинациями: слышит голоса, его преследуют видения, он разговаривает сам с собой, бредит и переживает давление лишь одной эмоции – страха. В отличие от других героев – отражений Септимуса, – он страдает не фигурально. Искалеченный войной, он видит мир иначе, он погружен не в прошлое, а в «тайное тайных» мироздания, в оцепенение абстракций и «смысла», – война не отпускает его, заставляя снова и снова переживать не столько конкретные воспоминания, их он как раз забыл, сколько не переставая переживать все тот же ужас, принесенный с войны, ужас, превративший его жизнь в непрекращающийся кошмарный сон. В этом смысле война не отпустит Септимуса и не закончится для него до самой смерти.

привычно, как инерция языка, сплавившего наследие многовековой рефлексии о памяти.

¹¹ *Цит. в переводе Е.Суриц.*

Картина травмированного войной сознания Септимуса оттеняет метафорическую трактовку памяти. Тонкая грань между безумием, «утратой чувства пропорций» и естественным состоянием. «Я в общих чертах исследую здесь безумие и самоубийство, – писала В.Вулф в своем "Дневнике", – мир, увиденный человеком в здравом уме, и тот, который видит душевнобольной, существуют рядом»¹².

Рядом, на другом полюсе – салонный мир Миссис Даллоуэй, мир светских старух вроде Елены Парри (читатель узнает, что падающие за окном бомбы мешали ей во время войны «вспоминать» молодость и орхидеи). Как Септимус погружен в свою болезнь, – Миссис Даллоуэй в воспоминания. По аналогии с «голосами», которые мучают Септимуса, «память» в этом романе Вирджинии Вулф звучит: голоса или шумы прошлого наполняют сознание героини. События прошлого «звенят» среди воспоминаний, как колокола (*she would still remember and make it jangle again among her memories*), героиня слышит «писк петель, который и сейчас в ушах... слова... какие-то фразы... воздух... неописуемо томящую тишину», помнит, «как хлопали шторы», – иногда это пустой звук, который не вызывает даже «эхо» старых эмоций, а иногда чувства возвращаются вместе с воспоминанием о ревности, влюбленности, ссоре, о жестах, ощущениях и мыслях, переживаемых в тот момент – заново переживаемых в памяти. Звук порой «проникает в тайники сердца, и прячется, и уходит все глубже и глубже, откуда кругами расходятся звуки, как что-то живое, чтобы довериться, раствориться и успокоиться в дрожи восторга». Один и тот же звук, возвращаясь, то приносит какое-то глубокое счастье, то вызывает усталость и боль, то вызванивает мысли о смерти; важно, что он все время возвращается. Слова звучат снова и снова каждый день, преследуя, сопровождая героиню (*they started up every day of her life as if he guarded her*). В.Вулф соотносит «память» с клинической картиной болезни, размывая этой трактовкой медицинские теории. Она создает ощущение звучания эха мыслей, показывает размывание границ личности; героиня романа приходит к мысли, что люди продолжают жить друг в друге после смерти, оставляя свою часть в памяти даже незнакомых людей. Память «видится» ей сквозь строки книг. Вместо реального лица прежде знакомого человека встает как во мраке видение, «которого не смеешь коснуться» (*some one raised up in the dark so that you could not touch her but must lay your garland down on*

¹² Цит. по: Рикер П. *Время и рассказ. Конфигурации в вымышленном рассказе*. М.; СПб., 2000. Т.2. С.198.

the grass in the dark). Это воспоминание заставляет героев общаться не друг с другом, а с тенями из своего прошлого – как бы с ними прежними, продолжающими жить во тьме памяти. В.Вулф показывает читателю общение без слов, помещая попеременно в сознание каждого вовлеченного в диалог. Память запускает театр воображения, заставляя героев за пять секунд, как за пять актов, представлять драму возможной, но не прожитой жизни. Герои растворяются в прошлом, теряют ощущение границ и одновременно сознают их: «...ни с кем ничего не разделишь – все разбивается вдребезги».

Воспоминания – это буквально излучение, опять же модная в 20-е годы тема волны и радиации (*seemed to radiate from him*). Некоторые воспоминания способны вызвать гнет, прессинг эмоций, вызвать спазм, перехватить горло, сжать сердце, действовать на тело так, как действуют иные восприятия. Память в романе, как болезнь, вызывает подавленное состояние, вместе с воспоминаниями на героев находит жалость к себе – «всходит как луна, жутковато прекрасная за заходе дня». Возвращение в прошлое, мысли о прошлом заставляют снова страдать, внушают ужас, тоску, подавленность. Прошлое навязчиво возвращается: *keeps coming back to me (все время возвращается), it was extraordinary how vividly it all came back to him, things he hadn't thought of for years (странно, как живо все это вернулось, все, о чем годами не думал)*; оно всегда следует за тобой как попутчик в купе вагона (*kept coming back and back like a sleeper jolting against him in a railway carriage*). Герои считают, что это любовь или желание объяснить удерживают в этом измерении. Они сознают, что убежать от этого, уйти от мыслей о прошлом, разрушить привычку, освободиться от самого себя и погрузиться в настоящее герой способен «на часок на какой-то, конечно». Герои сознают, насколько значительную часть своей жизни они живут в прошлом (*live much more in the past*), то выпадая в воспоминания о более или менее отдаленном прошлом, то проваливаясь в сон – и сны эти тоже о прошлом. Как и в случае с Септимусом, выход один – смерть. Память не просто деформирует представления о мире, она ассоциируется с бредом, кошмаром, болезнью, которые отнимают у людей время их жизни.

Тема памяти продолжала интересовать Вирджинию Вулф, три года спустя, в 1928, выйдет ее новая книга «Орландо»: стилизованный роман в очередной раз уведет читателя в мир особой темпоральности, герой которого способен прожить три с половиной века, способен преодолевать границы времени, пространства, границы собственного тела, меняя пол, государства и века. «Память необъяснима», – заявляет роман. –

Memory is inexplicable. Воспоминания способны «навекы искалечить жизнь», но в то же время это «драгоценнейшее в нас». Лишь сон, состояние забытья, способен «темным крылом смести воспоминанья, очистить их от грубости и наделить, даже самые низкие, самые уродливые из них, свечением и блеском», «неведомой властью преобразовав это помимо нашей воли». В остальное время память, «нахалка» с дурными повадками, издевается над человеком, подсовывает ему, что хочет, увертывается, стирает нужные картины и притягивает «вовсе идиотские», крадет образы. «Память – белошвейка, и капризная белошвейка притом. Память водит иголкой так-сяк, вверх-вниз, туда-сюда. Мы не знаем, что за чем следует, что из чего проистекает», «взмывает бездну самых диковинных, самых несуразных обрывков – то светлых, то темных, – они сверкнут, исчезнут, взовьются, вспенятся, опадут, как исподнее семейства из четырнадцати человек, висящее на буйном ветру. Нет чтобы стать простым, откровенным, нехитрым делом, за которое не придется краснеть, – обыкновенные наши поступки обставляются трепетом и мерцанием крыл, взметом и дрожанием огней». Вихрь впечатлений и в то же время вроде как прозрачный пруд, замутненный лишь несколькими темными пятнами. Память определяет тождество личности, и в то же время герой смеется над своими воспоминаниями, как будто это был другой человек – другого пола, происхождения, времени. Герой решает, что человеку под силу «вышвырнуть нахалку память за дверь со всеми ее прихвостнями» – удивление при возвращении в прежние места неизбежно, вернуться в прошлое состояние невозможно, оглядываясь назад, обращаясь к воспоминаниям, человек часто не узнает себя.

В этом романе Вирджинию Вулф интересовали две темы: психологическое время и тождество личности, проблема идентичности. «Человеческая душа сама непонятным образом влияет на ткань времени. Какой-нибудь час, вплетаясь в непостижимую вязь нашего ума, может пятидесяти-, а то и стократно растянуться против своих законных размеров; с другой стороны, какой-нибудь час может пробежаться по циферблату сознания с быстротой молнии. Это разительное расхождение между временем на часах и временем в нас покуда недостаточно изучено и заслуживает дальнейшего пристального исследования»¹³. Также пластична, в трактовке В.Вулф, и идентичность человека, возрастная, гендерная, этническая, любое тождество себя-в-настоящем

¹³ Цит. в переводе Е.Суриц.

себе-в-прошлом оказывается подвижным и неустойчивым – раздувается, окрашивается, начинается непредсказуемыми вещами. В.Вулф опять использует свой прием – превращает подмену в тему романа и одновременно выводит ее в качестве персонажа: заглавный герой, Орландо, проживает в романе несколько жизней. Биография трансформируется в фантазмагорию, благодаря чему автору удастся добиться отстранения привычных мотивов, ассоциирующихся обычно с жанром и темами романа, в том числе, темой памяти. «Не будет преувеличением сказать, что ему случилось выйти из дому после завтрака тридцатилетним и воротиться к обеду пятидесятилетним человеком. Иные недели старили его на сто лет, иные и трех секунд не прибавляли к его возрасту. Вообще, о продолжительности человеческой жизни... мы рассуждать не беремся, потому что стоит заявить, что жизнь бесконечно длинна, и тут-то нам и напомним, что промельк ее мгновенной опадания розового лепестка». Эти мотивы с новой силой звучат в литературе 60-х годов. Прошлое – время, в которое невозможно вернуться прежним человеком. Не только воспоминания неустойчивы – неустойчиво то, что прежде казалось таким стабильным и лежало в основе рациональной классификации: пол, возраст, происхождение. В конце 20-х годов прежде стабильный мир ньютоновской физики сменит новая модель новой физики; то, что прежде считали частицей, носителем устойчивых качеств материи, в этой модели волна. Изменится не только университетское знание или обыгрывающая новые идеи литература, но и прежние бюрократические практики, использовавшие «классификационные признаки» как устойчивые и стабильные характеристики общества и полагавшиеся на «память» как хранение достоверных сведений (скажем, свидетельских показаний), перестанут казаться надежными, адекватными, легитимными.

**ОБРАЗЫ ПАМЯТИ
И ФЕНОМЕНОЛОГИЯ**

Во французском литературном мире этого времени тема памяти безусловно ассоциировалась с романом Марселя Пруста «В поисках утраченного времени». Первый роман цикла «По направлению к Свану», вышел в Париже еще в 1913 году, но признание и успех пришли к нему в межвоенные десятилетия. В 1927 году Галлимар закончил публикацию наследия Пруста и познакомил публику с важным для понимания замысла текстом «Обретенное время». С тех пор о психологизме прозы Пруста написано очень много.

Чтобы заметить то, что Пруст исследует в романе центральные для культуры модерна проблемы, потребовалась дистанция; в 60-е–80-е Жиль Делез, Анн Анри, Поль Рикер акцентировали философский статус романа. П.Рикера интересовал особый опыт времени, воплощенный в романе и вынесенный в его название. Ему пришлось даже оспаривать высказывание влиятельного среди парижских критиков Делеза, что «творчество Пруста опирается не на экспозицию памяти, а на постижение знаков» – знаков светскости, любви, чувств, искусства. Делез возражал лишь против трактовки романа как опыта произвольной памяти, против попыток встроить его в привычный ряд литературного жанра классических автобиографий и мемуаров¹⁴. Рикер был готов согласиться с мнением Делеза, для него важнее, что роман ставит проблему отношения между двумя уровнями опыта – произвольной памятью и финальным откровением, важно, что роман раскрывает драму сознания¹⁵, ему интересно в числе прочего видеть в романе, вслед за Анн Анри, проявление традиции Шеллинга и Шопенгауэра, поздней французской ее трактовки.

Пруст исследовал привычный опыт воспоминаний – в его практике тоже можно найти приемы отстранения. Рикер обнаружил в романе два повествовательных голоса: вымышленный нарратор вспоминает свое детство и себя в детстве, это столкновение «с собой тогда» трактуется как столкновение двух разных людей, рассказчик переживает отстраненность, удивление и неузнавание себя. Этот мотив удвоения принципиален в романе, Пруст противопоставляет два времени, показывает отстранение переживаемого опыта прошлого и опыта настоящего. Люди, которых знал в юности, места детства – их образы оказываются непостоянны, Пруст сделал это центральной темой романа. Похожая идея была у Моне, за несколько десятилетий до появления романа экспонировавшего «Руанский собор при разной погоде»¹⁶. «Когда мы переживаем другое воспоминание, заимствованное из иных лет, мы находим между ними, благодаря пробелам, благодаря огромным полотнищам забвения, как бы пропасть, отделяющую две разные высоты, как бы несовместимость двух несравнимых качеств

¹⁴ Делез Ж. *Марсель Пруст и знаки*. СПб., 1999.

¹⁵ Рикер П. *Указ. соч.* Т.2. С.138–140.

¹⁶ *Родство Пруста с импрессионизмом отмечал даже А.В.Луначарский (Подробнее см.: Михайлов А.Д. Русская судьба Марселя Пруста // Марсель Пруст в русской литературе / Сост. О.А.Васильева и М.В.Линдстрем; Вступ. ст. А.Д.Михайлова. М., 2000).*

воздуха, которым дышишь, и окружающего освещения», – напишет Пруст. Несколько десятилетий разделяет две модернистские программы – и ошутимое смещение акцентов: Пруста интересует уже не просто преломление восприятия, в его романе есть претензия на феноменологическое исследование.

«У меня такое впечатление, будто я покидаю одного человека и обращаюсь к другому, отличному от него, когда в своих воспоминаниях я перехожу от того Свана, с которым впоследствии познакомился очень близко, к этому первому Свану, – к этому первому Свану, в котором я вновь нахожу очаровательные заблуждения моей юности и который к тому же похож не столько на другого Свана, сколько на лиц, с которыми я был знаком в то далекое время, как если бы с нашей жизнью дело обстояло так, как с музеем, где все портреты одной и той же эпохи имеют какое-то **фамильное сходство**, одну и ту же **тональность**». Роман Пруста начинается с провокационной идеи: «Быть может, неподвижность предметов, окружающих нас, навязана им нашей уверенностью, что это именно они, а не какие-нибудь другие предметы, неподвижностью нашей мысли по отношению к ним», и причиной всему – «Привычка! Искусная целительница, врачующая, правда, медленно»; она заглушает запахи и звуки, меняет восприятие цвета, формы и расстояния, притупляет ощущение различия, – «без привычки, при помощи одних только усилий разума, мы не могли бы сделать пригодным для жизни ни одно помещение». Пруст отстраняет привычное, эту рассудочную «мертвую» реальность, погружая читателя в пространство смутных неотчетливых образов воспоминаний-полузабвения, заставляет почувствовать «дистанцию», совершить «путешествие в сердце»¹⁷, пережить момент «удивления» тем, что может казаться привычным, противопоставляя отчетливое и возможное, почувствовать дискретность «я». Он использует понятие «волюнтаристской» рассудочной памяти (*la mémoire volontaire, la mémoire de l'intelligence*): «сведения, которые она дает о прошлом, ничего не сохраняют из реального прошлого», это «мертвая реальность» – в этом смысле отчетливые образы у Пруста «нереальны» (*présenté l'image distincte... possible*).

¹⁷ «...хотя нам всегда присуще ощущение, что мы со всех сторон окружены своей душой, однако она не представляется нам в виде неподвижной темницы».

При этом Пруст мало работал со словом: сохранились корректурные листы с его правкой, «огромная правка в рукописях, о которой принято говорить, указывает не на поиски точного, единственно возможного слова, а на стремление подробнее и шире передать мысль, добавить новые штрихи к нарисованной картине, даже создать новые эпизоды и тем самым не жать, а развернуть повествование»¹⁸. Он, например, использует старый образ воспоминаний – доски, на которой гравированы новые впечатления (*être gravé dans son souvenir par l'excitation, les tableaux de la mémoire*, на которой делают оттиски – *imprimer*, из которой что-то можно стереть или вычеркнуть, *rejetées si*

Марсель Пруст

loin de sa mémoire), и памяти-вместилища, наполненной воспоминаниями (*souvenir est une partie de la mémoire*), которые можно там обнаружить (*trouvait en lui*), память консервирует и хранит образы прошлого (*images conservées par ma mémoire, reserve le souvenir*); память связана с сохранением формы (в этом смысле памяти лишена, например, свободно льющаяся вода); Пруст говорит о «памяти тела», тело – стражхранитель прошлого (*gardien d'un passé*). Он сравнивает память-*mémoire* с тружеником: «память, словно рабочий, трудящийся над возведением прочных устоев среди бушующих волн» (*comme un ouvrier qui travaille à établir des fondations durables au milieu des flots*), она изготавливает факсимильные копии отдельных фраз (*en fabriquant pour nous de sfac-similés de ces phrases fugitives*); копии эти упрощены и несовершенны (*une transcription sommaire et provisoire*), они лишены уникальности – их не отличить от множества последующих, они типичны, они заменяют уникальные, но угасшие и неуловимые без них ощущения, бушующие, как вода. Пруст представляет это и как логический вывод, говоря про память тела: сонное сознание по форме онемевших членов пытается индус-

¹⁸ Михайлов А.Д. Указ. соч.

цировать и идентифицировать свое местонахождение, перебирая привычные образы и так легко ошибаясь.

Память ищет сходства и приводит в исполнение сохраненное в ней; как по нотам, можно исполнить мелодию: ноты одни и те же, исполнение каждый раз разное (во время Пруста внимание критиков в Европе приковано уже не столько к композиторам, сколько к исполнителям). Для Пруста важен этот мотив подмены неуловимой (*insaisissable*) реальности неким прочным (*durables*) основанием: «когда прежнее впечатление вдруг возвращалось, оно не было больше неуловимо»¹⁹, – привычка притупляла восприимчивость к различиям, опущенным в сохраненной памяти копии. Память – это заученные вещи (имена, мелодии, картины). Эта волонтаристская память, «подобно плохим художникам, применяет для всего нашего прошлого, растянутого на одном и том же холсте, **условные и одинаковые тона**». Память ориентирует, память формирует «реальность», – и в то же время искажает и подделывает ее, «отливает в золоте» реальных людей. Пруст иронизирует, сравнивая ее с генератором тока (*génératrice*), обладающим страшной силой (*la terrible puissance créatrice*). Как труженик, она может утомиться (*fatiguée*). Зброшенные воспоминания (*souvenir abandonné*) лишены формы, которая позволила бы им проникнуть в сознание (*la claire conscience*), они вытеснены в бессознательное²⁰ и поэтому остаются вне памяти (*hors de la mémoire*), они не уцелели, но от них остались запахи и звуки. Их нельзя вспомнить (память не может их «прочитать»), но их можно узнать и снова испытать связанное с ними переживание, счастье или страдания, например, вызвать почтение или ненависть, беспокойство или успокоение. Душа возвращается (*rétrograde*) к моменту в прошлом, снова схватывая и заново переживая прежнее состояние – «продолжая» его, создавая «атмосферу». Эти вытесненные из памяти звуки, запахи, образы с их неуловимыми мыслями оставили в гардеробной памяти (*vestiaire de sa mémoire*) маскарадные костюмы новизны. «Наша память и наше сердце недостаточно просторны, чтобы быть верными. В нашем сознании не находится достаточно места, чтобы хранить мертвецов рядом с живыми». Утраченные воспоминания Пруст сравнивает с руинами, часть которых иногда удается «раскопать» и размышлять над ними, подобно археологам: «прошлое... схоронено за пределами его ведения, в области, недостижимой для него, в каком-нибудь материальном предмете

¹⁹ Цит. в переводе А.А. Франковского.

²⁰ Пруст прямо не использует понятие «бессознательного», он говорит о разных уровнях сознания, лишь один из которых – «сознание ясное».

(в ощущении, которое вызвал бы у нас этот материальный предмет), где мы никак не предполагали его найти. От случая зависит, встретим ли мы этот предмет». Утраченное, исчезнувшее время²¹.

Память у Пруста не гравировальная доска, «темные недра» или кладовая (образы, обычные для трактовки памяти в предыдущие эпохи, вплоть до начала XX века); она самостоятельный актер, у нее свой взгляд (*les voyaient les yeux de ma mémoire*), она подсказывает, она причиняет страдания, она не подчиняется воле человека, управляет им. Воспоминания и печали вообще подвижны: «Бывают дни, когда они уходят так далеко, что мы едва их замечаем, мы считаем, что они нас покинули. Тогда мы уделяем внимание другим вещам... Если какое-нибудь воспоминание-*souvenir*, какое-нибудь огорчение способны нас покинуть, так что мы больше их не замечаем, то бывает, что они возвращаются и иногда долго с нами не расстаются».

Еще одна метафора Пруста, память как волшебный фонарь, как бы освещает во тьме декорацию (*éclairées par le souvenir*); этот свет озаряет внутренний монолог (*lueur de mémoire*), инсталлирует предметы в темноте, преломляет их, как камера обскура (*un obscurres souvenir*). Такой Пруст рисует не произвольную, не рассудочную, а живую память: «Давно уже, просыпаясь ночью и вспоминая Комбре, я никогда не видел ничего, кроме этого ярко освещенного куска, выделявшегося посередине непроглядной тьмы, подобно тем отрезкам, что яркая вспышка бенгальского огня или электрический прожектор освещают и выделяют на какой-нибудь постройке, все остальные части которой остаются погруженными во мрак... всегда видимая в один и тот же час, обособленная от всего, что могло окружать ее, одиноко выделявшаяся в темноте, строго необходимая декорация (вроде тех, которые можно видеть на первой странице старых пьес для представления их в провинции) драмы... как если бы весь Комбре состоял только из двух этажей, соединенных узенькой лестницей, и в нем всегда было семь часов вечера... [это] заставляет нас смотреть на предмет не как на зрелище, но верить в него, как в существо, не имеющее себе равных».

Воспоминания сами «приходят» к человеку (что во французском практически тавтология: *souvenir venir a l'homme*), «предстают» (*présente*), а память, как колокол, получает толчок (*branle*), и «возрождаются» (*renaissait*) отдельные смутные детали, которые через ассоциации с другими словами или образами образуют нечто целое, правда, не всегда одно-

²¹ Рикер П. Указ. соч. Т.2. С.142.

родное. Это позаимствованное Прустом в психологии XIX века понятие «ассоциаций» для него принципиально, в отличие от других, порой по инерции проникающих в текст образов и мотивов. Ассоциативно человек различает реальность и галлюцинации. Чтобы поверить в воспоминание-*souvenir*, оно должно быть связано с другими словами или действиями, чтоб не показаться галлюцинацией. Люди создают себе образы других людей или мест, наполняя видимую телесную оболочку смутными воспоминаниями-полузабвениями о проведенном когда-то с ними времени. Эти воспоминания связывают лица людей, виды городов с определенными переживаниями; меняются переживания – и меняется образ, и кажется, что это уже два разных человека: один из них – вытесненный из памяти образ, другой – запечатленный в памяти оттиск, очередное искаженное факсимиле оригинала.

«Сердце наше изменяется в жизни, и это горчайшая наша мука; но мы знаем об этом только из чтения, только путем воображения; в действительности оно изменяется подобно тому, как протекают некоторые явления природы, слишком медленно, так что хотя нам доступно последовательное констатирование каждого из его различных состояний, зато мы пощажены от непосредственного ощущения самого изменения». «Реальность, которую я знал, больше не существовала... Места, которые мы знали, существуют лишь на карте, нарисованной нашим воображением, куда мы помещаем их для большего удобства. Каждое из них есть лишь тоненький ломтик, вырезанный из смежных впечатлений, составлявших нашу тогдашнюю жизнь». Она может снова появиться (*reparaissent*) – скажем, во сне, эта другая, непривычная память. Властная и неподвластная сознательному контролю, деформирующая реальность сила, каждый раз по-новому исполняющая партитуру прошлого.

НАУКА О ПАМЯТИ:

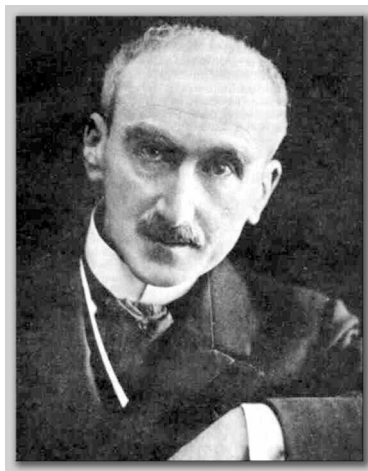
ОТ БЕРГСОНА К ГУССЕРЛЮ

Говорят, тема романа возникла у Пруста под влиянием Анри Бергсона (женатого на его кузине). Парадоксально, но Париж начинает читать Пруста, забывая Бергсона. В 1921 году в парижском издательстве

Félix Alcan в последний раз переиздадут его «Материю и память» – книгу, которая почти четверть века оставалась знаковой для темы памяти и не раз выходила до войны. Другой жанр, другое время. Совсем иная концепция, уходящая в прошлое теория, с которой будет прощаться сам автор. Европа начинает читать Гуссерля. Бергсон и Гуссерль – два оппонента в понима-

нии темы памяти, два главных собеседника многих европейских интеллектуалов межвоенного времени.

Бергсон вначале предполагал в своей книге ответ на материалистическую трактовку памяти как особого отдела головного мозга, его книга содержала реакцию на обсуждавшуюся в кругах клиницистов работу Т.Рибо «Болезни памяти»²². Книга явно перешагнула границы замысла; Бергсон заставил своих современников думать и говорить о памяти, наделив ее особой значимостью, он встроил эту проблему в контекст основных философских дискуссий своего времени – контекст работ, определенных в качестве «классики» философии и в качестве «старинных» ее проблем. Он утверждал, что споры между рационалистами и идеалистами, между механицистами и

Анри Бергсон

сторонниками динамизма, спиритуалистами или материалистами²³ по сути своей связаны с темой памяти, и тема поэтому оказывается ключевой и заслуживающей вынесения в заглавие. «Материя и память» – так называлась его работа, которой он был обязан скорым избранием в Коллеж де Франс. Бергсон вынес «память» в название, утверждая, что это «привилегированная проблема», которая может «привести к проверке проблем, кажущихся недоступными верификации», даже такой архаичной как, скажем, связь души и тела. Этот самый сюжет Бергсон поместил в подзаголовок работы²⁴, а воспоминание объявил «точкой пересечения духа и материи» (*le point d'intersection entre l'esprit et la matière*). Бергсон трактует память как «силу совершенно независимую от материи», реальность духа, через которую дух доступен «эксперименталь-

²² Ribot T. *Les Maladies de la mémoire*. Paris: Germer Baillière, 1881.

²³ Позже в работе «Творческая эволюция» Бергсон напишет, что каждая из этих концепций «без нашего ведома сидит в каждом из нас» – и механицизм, и метафизика.

²⁴ Книга впервые была опубликована в 1896 году в издательстве F.Alcan и называлась «*Matière et mémoire. Essai sur la relation du corps à l'esprit*».

но» – доступен якобы для позитивистского изучения. Провокационный тезис или, как он сам любил говорить, «парадоксальный». Он связал ее и с проблемой сновидений, гипноза, галлюцинаций и теории бессознательного, что позже сделало возможным ее прочтение во фрейдистском контексте²⁵.

Бергсон тоже поставил под сомнение привычное и давно укоренившееся в языке представление о памяти как о «резервуаре», наполненном достоверными воспоминаниями и локализованном где-то в одном из отделов тела, в одной из зон головного мозга, и о воспоминаниях, хранящихся в отдельных его клетках; он особым образом интерпретировал доступные в его время клинические данные об афазии (позже, правда, он пересмотрел свой тезис²⁶). Он видел одну из задач в том, чтобы прояснить, что понимается под привычными и затертыми языком рационалистическими понятиями – под «механиз-

²⁵ Фрейд в это время заставлял пациентов «делать работу» по воспоминанию. Он предполагал, что причина их болезни, то, что вызывает у них бессознательный ужас и мучает их, – в памяти (см. его ранние работы – «*Studien über Hysterie*» и особенно «*Die Traumdeutung*»). В качестве средства терапии он предлагал «вернуть» вытесненные воспоминания из бессознательного, он утверждал, что гипноз и сновидения «дают» именно такие воспоминания, нужно лишь «распознать и идентифицировать» элементы воспоминаний в этом психологическом соединении, очистить их от фантазий, т.е. провести «анализ» терапевтических данных – вернуть уклоняющиеся и оказывающие сопротивление воспоминания в сферу сознания, приобрести над ними «власть, господство, распоряжение» (*Gewalt, Beherrschung, verfügen*). У Фрейда не было никакой особой концепции памяти, он использовал привычную риторику из обыденного языка. В духе рационалистической физики он трактовал память как грубую физическую «силу-Gewalt», способную благодаря «напряжению» совершать «работу», толкать связанную с воспоминаниями мысль (*Diese Erinnerung zieht gleichsam den mit ihr in Verbindung stehenden*), гасить или перерабатывать негативные воспоминания (*arbeitung*). Память искажает, смешивает, добавляет или исключает сырой материал. Задача – по «обломкам» памяти восстановить или заново построить прежнее «здание». Память оказывается у него, в духе риторики рационализма, то сценой, на которую выступают прошлые представления, то доской, на которой отпечатаны следы прошлого – фиксированный реестр. Но чаще Фрейд по еще более архаичной традиции представлял память как резервуар, в котором хранится (*im Gedachtnis erhaltenen*) не то некая сумма, не то всякий хлам, от которого хорошо бы освободиться; как недра, где на глубинах (*Tiefe*) бессознательного находится утратившее ценность, на поверхность же сознания «всплывают» из отдаленных углов или слоев этой «туманности» или «вязкой топи» разные воспоминания.

²⁶ См. предисловие к 7-му изданию.

мом памяти» и связанными с ним «духовными операциями» (*le mécanisme psychologique de la mémoire, comme aussi des diverses opérations de l'esprit*). Его интересовала память слов, бытование ограниченного набора унифицированных «знаков», которые «напоминают» образы прошлого; как утверждал Бергсон, память «засоряет» ими восприятие. Бергсон иронизирует над инерцией языка и старается преодолеть ее в том числе и в своей книге. Из репертуара философской риторики о памяти он сохраняет, пожалуй, только старинный локковский образ, согласно которому воспоминания «отпечатываются» в памяти (*imprimé*), как на восковой доске. «Нет такого восприятия, которое не носило бы на себе печать воспоминаний», воспоминания вытесняют (*déplacent*) восприятие; мы примешиваем тысячи деталей из прошлого опыта к чувственным данным, превращая их в знаки, напоминающие образы прошлого. Следствие этого процесса – с одной стороны, легкость и быстрота восприятия, с другой, – иллюзии. Память «набрасывает покров воспоминаний» на восприятие (*recouvre d'une nappe de souvenirs un fond de perception*), воспоминания вселяются в тело восприятия (*redevient présent qu'en empruntant le corps de quelque perception où il s'insère*). Личные воспоминания мимолетны, они материализуются случайно от нечаянного положения тела – телесные практики образуют свободное и случайное поле их проявления (*manifestation*). Восприятие наполнено (букв. «надуто» – *gonflent*, как паруса) воспоминаниями. Опыт прошлого перекрывает и насыщает опыт настоящего.

Бергсон тоже представляет память как самостоятельное действующее лицо, и это не просто риторика. Речь идет о процессе, который не поддается контролю. Память-актер, в трактовке Бергсона, производит не просто «действие» (*l'action*), а что-то наподобие математических или логических операций: она «прибавляет или вычитает» (*ajoute* или *retranche*), делает «вклад» (*l'apport*), «обогащает» (*enrichissant*), «дополняет» (*complément*), «усложняет» (*compliquée*), «примешивает» (*mêleront*) свои образы по сходству или смежности (как в риторике), одним словом, «обрабатывает» восприятие и управляет им. По другой версии, воспоминание буквально «врывается в пустоту» (*la poussee de notre activité en avant fait derrière elle un vide ou les souvenirs se précipitent*), совершает экспансию, как волна «перекрывает» (*recouvrir*) и «затопляет» (*submerger*) настоящее, «пропитывает» (*imprégnées*) восприятие, «конденсирует в каждом восприятии огромное множество возбуждений». Память – усилие (*un effort de la*

mémoire), сжимающее (*contraction*) реальность и время так, что многие последовательные возбуждения кажутся одновременными, она «оказывает давление на настоящее, чтобы вмешаться в наличное действие» (*exerce une poussée en avant pour insérer dans l'action présente*), совершающее «работу» (*travail de notre mémoire*) и «продолжающее» множество отдельных моментов. Бергсон сравнивает ее с «нитью» или тросом, стягивающим мгновения реальности. В духе новейшей для его времени физики он утверждал: вещи и их окружение не имеют тех точных границ, которые мы им приписываем. Бергсон – прагматик²⁷: «мы измеряем степень реальности степенью полезности», «совпадение восприятия с воспринимаемым объектом существует скорее в принципе, чем на деле». По Бергсону, именно память (а не органы чувств) преобразует материю, данную, как он утверждал, в таком «чистом восприятии», в «элементарном возбуждении», в каждом мгновении времени. Бергсон работал со многими новыми для его времени теориями, позаимствованными из современной ему физики: с волновой теорией, теорией вихрей и силовых линий. Он использовал их модели и образы, пытаясь объяснить их за счет памяти. Нужно учитывать, писал он, что восприятие «становится в конце концов лишь поводом к воспоминанию», они пронизывают друг друга, они практически неотделимы. Так, например, современная физика показала: время бесконечно делимо; дело в том, что память и сознание постоянно сливают вместе разное число моментов, упрощая настолько, чтобы их можно было охватить сравнительно простой интуицией. Времени свойственна текучесть, как на картинах сюрреалистов, время – идол языка, приписывающего ему отсутствующее единство ритма. Возможно множество разных ритмов, каждый из которых зависит от степени напряжения или ослабления сознания, восприятие сжимает и растягивает время, создавая бесконечное колебание, подобно ознобу; Бергсон акцентирует привычный физиологический образ, чтобы показать позаимствованную в физике новую и непривычную для того времени модель.

²⁷ Не случайно его книга произвела такое впечатление на Уильяма Джеймса. *Nothing that I have read since years has so excited and stimulated my thoughts, (ничто из того, что я прочел за все эти годы, так не волновало и не стимулировало мою мысль) – писал он в 1903 году. Позже оба автора познакомятся лично и примут самое активное участие в подготовке переводов работ друг друга.*

Физиология у Бергсона – поле, в пространстве которого он затевал полемику. Он старался показать: тело и мозг – носители, но не производители памяти, которая, по его мнению, принадлежит сфере духа; мозг – орудие действия, а не представления. Воспоминания и прошлый опыт определяют реакцию тела: «мы способны овладеть будущим только при перспективе, обращенной в прошлое», подбирая «аналогичную ситуацию». Память связывает прошлое, настоящее и будущее, она определяет характер действия. Это не просто кладовая, наполненная забытыми воспоминаниями, память – не пережиток (*survivance*) сохраняемых (*conservent*) образов прошлого. Эти образы хранятся только для того, чтобы быть использованными. Бергсон сравнивает память с более или менее отточенным лезвием, способным разрезать опыт (*ce que nous appelons agir, c'est précisément obtenir que cette mémoire, plutôt s'affilée de plus en plus, jusqu'à ne présenter que le tranchant de sa lame a l'expérience ou elle pénétrera*). Воспоминания «просвещают в принятии решений» (*éclairer notre décision*), Память играет в практической жизни большую роль, чем восприятие. Память – «отзвук воли» (*la répercussion, dans la sphère de la connaissance, de l'indétermination de notre volonté*). Память подбирает «кадр», общую рамку для восприятия, выбирая аналогичные, родственные, похожие образы. Связанные друг с другом, они сливаются, проникают друг друга, образуя замкнутый круг (*un cercle fermé*). Так знание языка (а это, по Бергсону, и есть воспоминание) преобразует восприятие беседы двух людей, знание языка здесь, по Бергсону, – воспоминание. Для Бергсона важнее, что можно одновременно узнавать, но быть не в состоянии пользоваться: понимать слова, но не говорить на языке, слышать фальшь, но не уметь воспроизвести мелодию; или различать индивидуальные тембры голосов и особенности конкретного исполнения, не обращать внимания на слова или мелодию. Это не диалог восприятия с памятью и не обращение к «магазину» образов, а практически неразделимый интегративный процесс («по сути дела всякое восприятие уже есть память»). Бергсона не устраивал старинный образ памяти-кладовой (магазина, мешка), где свалены старые вещи, картины-воспоминания, буквально остатки прошлого, точно такие же, какими они были когда-то. Он пытался, как и Фрейд, найти подходящий свежий образ.

Память не «мешок», из которого вытаскивают воспоминания; у Бергсона это «туманность» с отдельными яркими точками (*les points brillants*). Воспоминания «разрозненно высвечиваются во времени» (*nos souvenirs s'éclaircissent d'une manière discontinue dans le temps*). К

ним, как к точкам опоры, присоединяются другие воспоминания, с окраин или глубинных слоев, которые до этого «висели в воздухе», они возвращаются в сознание из забвения, из сферы бессознательного, а затем вместе с этими «точками опоры» могут и выпасть²⁸. Образ, который предлагает Бергсон, отчасти перекликается с теми, что выберет для своей работы Фрейд. У памяти есть свои «регионы» – более или менее глубокие и более или менее удаленные (*aux régions plus profondes et plus éloignées de la mémoire*), нижние окраинные пласты или срезы памяти, свои этажи (*étages*), круги. Личные воспоминания строго локализованы в пределах «оболочки» памяти (*enveloppe*), которая способна сжиматься. Чем ближе к центру, тем меньше личного несут те же воспоминания, их уникальность все больше редуцируется к банальности, они приобретают все большее практическое значение, связанное с привычкой действовать, – такую пространственную модель памяти предлагает Бергсон.

«Если же речь идет об интеллектуальной работе, об образовании понятия, об извлечении более или менее общей идеи из множества воспоминаний, то большой простор, с одной стороны, предоставляется фантазии, а с другой стороны, – логическому различению: но идея, чтобы быть жизнеспособной, должна будет какой-то своей стороной касаться наличной реальности, то есть должна шаг за шагом, прогрессивно уменьшаясь или сжимаясь, стать такой, чтобы тело могло ее более или менее реализовать в действии, а дух одновременно с этим – представить. Наше тело, с ощущениями, которые оно получает, и с движениями, которые оно способно выполнить, действительно, таким образом, представляет собой то, что фиксирует дух, что дает ему устойчивость и равновесие»²⁹.

Бергсон предлагал различать две формы памяти: привычку, управляющую телом, и спонтанные воспоминания, или интуитивные представления и картины. Первая, *une habitude* – заученная поведенческая установка, обеспечивающая «узнавание» обстоятельств, в ней нет и следа прошлого, это память заученного урока, она повторяет (*répète*), это усилие воли. Вторая, *une représentation*, капризная, произвольная память, несет воспоминания вроде грез, накопленные образы,

²⁸ «La mémoire, toujours présente tout entière à elle-même, étend ses souvenirs sur une surface de plus en plus large et finit par distinguer ainsi, dans un amas jusque-là confus, le souvenir qui ne retrouvait pas sa place».

²⁹ Бергсон А. Материя и память // Бергсон А. Собрание сочинений. М., 1992. Т.1. С.270.

которые помимо воли проявляются и исчезают, она представляет (*imagine*). Первая – активная произвольная память, вторая – спонтанная. Обе «памяти» идут бок о бок и поддерживают друг друга (*vont ici cote à cote et se prêtent un mutuel appui*). Прошлое «накапливается» в двух формах: в форме двигательных механизмов и в форме личных образов; в форме привычек (вроде заученного урока или правил общественной жизни) и личных образов (вроде воспоминаний о каждом отдельном чтении или событий личной жизни). Бергсон предлагал начать их различать, несмотря на то что во французской языковой традиции это идущее от латыни различие полностью стерто: «в обоих случаях употребляют одни и те же слова», хотя речь идет о разном. В первом случае предполагается действие, нет «ничего, что определяет его (воспоминания) место в прошедшем; оно составляет часть моего настоящего». Во втором речь идет о представлении, об интуиции духа (*une intuition dell'esprit*), эта память регистрирует в форме образов все события повседневной жизни (*enregistrerait, sous forme d'images-souvenirs, tous les événements d'enotre vie quotidienne*), факты и жесты, фиксирует и выстраивает факты и жесты; одновременно связанные с ними движения видоизменяют установки к действию и формируют серии готовых механизмов, готовых ответов, она предполагает настоящее и будущее, а не прошлое. Это две разные формы опыта. Привычка аккумулирует и удерживает прошлые усилия, проигрывает их, продолжает их полезное действие в настоящем, переживает заново в связи с действием в настоящем, отчужденная от конкретного момента в прошлом. Вторая – мысль, мечта, не связанная с действием и не предполагающая его, она ускользает, бежит от нас, эти смутные воспоминания не связаны с наличной ситуацией. Человек заучивает минимально, но польза этих знаний максимальна, это знание вещей. Неповторимое же откладывается постоянно, оно постоянно появляется помимо нашей воли. Первый вид воспоминаний, *les souvenirs qu'on acquiert volontairement*, – скорее привычка, второй, *le souvenir spontané*, – собственно память.

Итак, Бергсон предлагал, вопреки инерции современного языка, различать контролируемую волей привычку и спонтанную память; строгий порядок в одном случае и произвольный порядок воспоминаний, возникающих безо всякой пользы для актуальной ситуации – в другом. Память сознательную и память образную. Похожим образом различаются процессы узнавания и воспоминания. Завязанное на машинальном движении, на автоматизме узнавание, привычность не связаны с личными воспоми-

нениями – этот вывод Бергсон делает, интерпретируя клиническую практику, в которой расстройство узнавания не всегда связано с полным забвением предмета и разрушением воспоминаний. В каком-то смысле тело – часть прошлого. Память устанавливает различия, а рассудок – сходства. Собственно поэтому «память-привычку», согласно Бергсону, мы называем «памятью» только в силу инерции языка. Память же – «это подвижная точка, связывающая привычку с двигающейся плоскостью опыта», привычка позволяет памяти материализоваться и воспоминаниям стать личными, поскольку «именно от настоящего исходит призыв, на который отвечают воспоминания». Разделить две формы памяти можно лишь теоретически, это тоже интегрированные процессы (так же, как только теоретически можно разделить процесс восприятия и процесс воспоминания). Чем сильнее память сжимается, тем более обобщенную форму принимают воспоминания, чем больше она расширяется, тем более они становятся личными, все зависит от разных ментальных установок и степени напряжения памяти. Опыт кристаллизуется в словах и рассеивается в воспоминаниях, с возрастом люди подчиняют свою память интересам действия – она выигрывает в прозорливости и проигрывает в протяженности. Личные воспоминания могут входить в разные классификации, «каждый отдельный фрагмент нашей истекшей жизни расщелкнется особым, свойственным ему образом на определенные пласты, и способ расщелкивания будет меняться при переходе от одного фрагмента к другому»: чем ближе к действию, тем важнее сходство, чем дальше – тем важнее хронологическая последовательность и смежность. Бергсон в своей работе следовал модернистской трактовке «факта»: факт не принадлежит реальности, это результат приспособления реального к интересам практики и требованиям общественной жизни, опыт, измененный для удобства действия и языка.

К той же теме он вернулся позже в книге, которая принесла ему Нобелевскую премию и мировую известность, «Творческая эволюция». Он говорит уже не просто о «духе» (*l'esprit*), а о душе (*l'état d'âme*) – сфере действия памяти, он повторяет старый мотив: память как сила толкает «что-то» из прошлого в настоящее (*pousse quelque chose de ce passe dans ce présent*), сжимает (*contracter*) опыт прошлого, превращая его в причину действия в настоящем. Бергсон не принял феноменологическую модель Гуссерля и идею, что жизнь – это череда сменяющихся друг друга моментов, где постоянно существует только настоящее. Он утверждал: прошлое продолжается в настоящем, непрерывно длится, как волна, развивается, вбирает (*ramasse*) в

себя будущее и «разбухает» (*s'enfle*), как «снежный ком», непрерывно растет, «тяготеет» и присоединяется к настоящему. Память не составляет каталоги (*inscrire sur un registre*) и не раскладывает по полкам воспоминания (*classer des souvenirs dans un tiroir*) – прошлое наслаивается автоматически – чувства, мысли, желания, – все, что заставляет человека снова желать, стремиться, действовать. Вытесненная «механизмом мозга» в бессознательное, память целиком, подобно снежному кому, «напирает на дверь сознания, стремящегося его отстранить». Мозг, как таможня, пропускает «в сознание» лишь то, что может «осветить данную ситуацию, помочь готовящемуся действию и привести к полезному труду»³⁰, заключает Бергсон в духе модной в 20-е годы социальной риторики. Остальное если и проникает в полуоткрытую дверь, то контрабандой, другие воспоминания, посланники бессознательного, являются роскошью. Характер человека – это конденсат его истории и происхождения («ибо мы приносим с собой врожденные способности... нашей души»). Прошлое человек бессознательно «влачит» за собой, прошлое «не покидает» его, оно «напирает» из-за двери в бессознательное, формируя тенденцию представления и поведения. «Личность, строящаяся в каждое мгновение из накопленного опыта, постоянно меняется... Из этого сохранения прошлого вытекает невозможность для сознания дважды пройти через одно и то же состояние. Пусть обстоятельства будут теми же, но действуют они уже не на ту же самую личность, ибо они застают ее в новый момент ее истории». Память – это и есть личность человека, воспоминания можно «вычеркнуть» или «стереть», вытеснить из интеллекта, но они все равно будут действовать на волю.

Как ни странно, именно в межвоенный период, время моды на логический позитивизм, популярность работы Бергсона явно пошла на спад; он отрицал возможность «очищения» восприятия и настаивал на интегрированном характере процессов сознания. В диалоге с ним были созданы многие значимые работы этого времени, актуализированная им тема памяти не меньше прежнего интересовала европейских интеллектуалов.

Сразу после войны Рассел даже обвинил Бергсона в созвучии с тем «консервативным движением, достигшим кульминации в Виши», – обвинение, которое в голлистской Франции значило слишком много для «карьер» покойного интеллектуала, которого Рассел в довершение ко

³⁰ «...à éclairer la situation présente, à aider l'action qui se prépare, à donner enfin un travail utile».

всему иронично объявил «антиинтеллектуальным». «Антиинтеллектуальная философия типа бергсоновской... процветает на ошибках и путаницах интеллекта... всякое временное затруднение провозглашают неразрешимым и всякую глупую ошибку считают выявляющей банкротство интеллекта»³¹. Критика была столь эмоциональна, что в 1966 году в работе, посвященной философии Бергсона, Жиль Делез даже счел необходимым дать оправдание теории Бергсона, сославшись на то, что его теория памяти – «один из самых глубоких, но, возможно, также и один из наименее понимаемых, аспектов бергсонизма»³².

Бергсон утратил популярность еще до Второй мировой войны. Любимым собеседником многих европейских интеллектуалов этого времени становится Эдмунд Гуссерль, Европа увлечена его «Феноменологией». В «Логических исследованиях» Гуссерль еще почти не касался темы воспоминаний³³. Он обратится к ней в «Идее к феноменологии». Текст, опубликованный перед самой войной, прозвучал с новой силой и оказался в фокусе философских дискуссий после ее окончания, на рубеже 20-х – 30-х годов. В отличие от Бергсона и Декарта, но зато вслед за традицией, Гуссерль различал «восприятие», «воспоминание» (*der Erinnerung*) и «фантазию» (*Phantasiegegebenheiten*) и предлагал программу феноменологических исследований этих трех модусов переживания: феноменологию восприятия, феноменологию фантазии и феноменологию воспоминаний. «Переживание» Гуссерль трактует как жизнь и как созерцание: скажем, «живя в воспоминании... взгляд направлен на объект воспоминания», или, точнее, «мы направлены на него своим духовным взором» (*geistigen Blickes*), «Наш "взор"... переходит в мир воспоминаний, блуждает в нем», объект «внезапно приходит нам в голову», «воспоминание – это наглядное представление», «вещи сознаются ... то в "ясном созерцании", то без приметной наглядности по способу "неясных" представлений», «неясно мелькают», «взгляд Я своим лучом направляется» на объект или мысль, «своим непочтенным схваты-

³¹ Расселл Б. *История западной философии* / Ред. В.В.Целищев. Новосибирск, 2001.

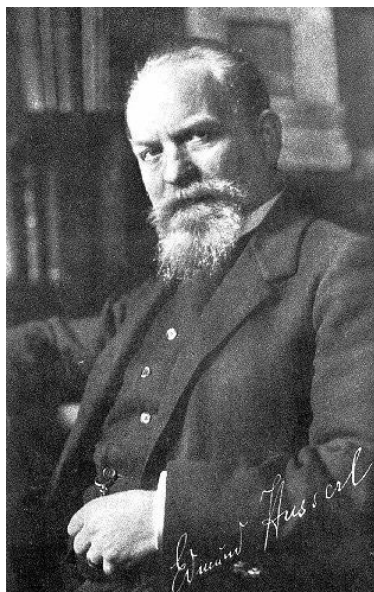
³² Делез Ж. *Бергсонизм // Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза. Пер. с франц. М., 2001.*

³³ «Память» интересовала его лишь как способ воспроизведения знания – «заученных» доказательств и известных форм (то, что Бергсон отождествлял с «привычкой» и пытался вынести за скобки определения интересующих его процессов).

ванием постигая» ее, «тогда может включиться новый процесс, и путаное воспоминание перейдет в *отчетливое* и ясное». «Воспоминание подтверждается всяким шагом от воспоминаний к воспоминанию... воспоминание во взаимосвязи обладает силой... на весь ряд воспоминаний проливается нечто подобное свету восприятия и его очевидностью».

Воспоминание – это модификация восприятия, фантазирование – модификация воспоминания «в широком смысле». Если Бергсон акцентировал длительность и нерасчлененность психологических актов, то Гуссерль предлагал программу исследования разных «модусов» представления «вещей» и «сущностей», параллельных и сменяющих друг друга модальностей бытия: «Будем точны, повторяясь, восприятие ни при каких обстоятельствах не остается как индивидуальное, тем же самым... схватывающее синтетическое сознание связывает новое восприятие с воспоминанием».

Гуссерль различал еще «разные ступени воспоминаний»: просто воспоминание о прошлом, воспоминание о «ныне сущем» и «памятования наперед» (интуитивно ожидаемое, предмет рефлексии – «ожидание, заглядывающее вперед», *Erwartung*). Есть у него и воспоминания следующей ступени: «воспоминание о воспоминаниях», подобные воспоминаниям «наглядные представления» (*erinnerungsähnlichen Vergegenwärtigungen*) или «образное представление в памяти» (*bildliche Vergegenwärtigung*) и «вчувствование» (*der Einfühlung* – «разумая чужие акты и задним числом живя ими»). Они отличаются по степени полноты, ясности. У Гуссерля, наряду с программой различения феноменов, есть идея, что «в воспоминании заложена сопряженность с актуально настоящим. Оно полагает прошлое и вместе с

Эдмунд Гуссерль

тем необходимо сопоставляет известный горизонт – пусть даже и неопределенным, темным, расплывчатым образом». «Идеи к феноменологии» вышли в 1913 году. Потом была война, Гуссерль теряет близких и приобретает известность, его приглашают с лекциями, на рубеже 20-х – 30-х годов начинают переводить, у него появляются последователи и поклонники, в том числе и в кругах богемы от Парижа до Петербурга и Москвы; обычно говорят о Пикассо и кубистах, об общем настроении прошедших войну людей; феноменология Гуссерля как-то странно оказалась созвучна тому «неузнаванию» собственного прошлого, с его довоенными ценностями и идеалами, которые вызвали отчуждение у возвращавшихся с войны. В этом контексте Бергсон определенно переставал «работать». Сохранилось множество текстов, фиксирующих переживания тех лет. В феноменологии искали и находили программу «отстранения» обыденного опыта.

Травматичный опыт Первой мировой войны проблематизировал для многих читателей обыденные представления о памяти как «достоверном знании о прошлом». Основания целого ряда дисциплинарных практик уходящей эпохи оказывались подорваны: дисциплина школьного знания, судебные и бюрократические практики, клиницистские исследования. Многие интеллектуалы рассказывали о том, как они переживали неузнавание себя в прошлом, странное удвоение идентичности, связанное с происшедшим за время войны изменением ценностей и нравственных ориентиров. Многие готовы были разделить уверенность в возможности умножения перспектив и подвижности социального мира. Неповторимость каждого акта воспоминаний, невозможность подлинного «возвращения в прошлое», подмена реальных, изменчивость зависящих от опыта настоящего интерпретаций, каждый раз инстинктивно переживаемых как «очевидные» и при этом каждый раз разных, вторжение опыта настоящего в представления о прошлом и вторжение прошлого в опыт настоящего, изменчивый смысл событий жизни и меняющаяся в зависимости от трактовки прошлого идентичность, – с годами об этих процессах становится все привычнее говорить. Однако понадобится немало лет, прежде чем новое понимание «памяти» изменит не только художественные и интеллектуальные практики, но и сам социальный мир.

Понимание памяти как силы, бессознательно подчиняющей человека, способной активно влиять на его поступки и трансформировать идентичность, привело к появлению новых технологий, использующих память как мощный инструмент политики, а затем потребовало

ТЕМА «ПАМЯТИ» В КУЛЬТУРЕ МОДЕРНИЗМА

контроля и ограничения его применения. Открытие новых возможностей «памяти» изменило XX век не меньше, чем открытие ядерной энергии. В XXI веке даже стал возможным дискурс об «экологии памяти»: современные педагогические практики все меньше основываются на заучивании и все больше развивают умение рассуждать и общаться, работать с полученной информацией на практике. Судебные процедуры все меньше внимания уделяют свидетельским показаниям, бюрократические – сжимают сроки действия большинства ИД. Детальное исследование этих трансформаций еще предстоит. Начало этих процессов в культуре модернизма – в разрыве с базовыми уверенностями рационализма и формировании новых идей об изменчивости представлений о прошлом и подвижности социального мира.

(Окончание следует)

Идеологией называется система идей или представлений, которая служит мыслящему субъекту в качестве абсолютной истины, на основе которой он строит свою концепцию мира и своего положения в нем...

Высокое дерзновение саморефлексии – эта необходимая предпосылка истины – перерождается в рамках учения об идеологии. Не подлежит сомнению, что под влиянием психологических факторов происходят многочисленные искажения, вытеснения, маскировки и что в качестве

типа мышления целых слоев они
обретают социологическое
значение.

Карл Ясперс

Михаил Ковалев

МЕЖДУ ПОЛИТИКОЙ И ИДЕОЛОГИЕЙ:

МЕТАМОРФОЗЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ
ПАМЯТИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ
1920–1940 ГОДОВ¹

УДК
93/94

The author deals with peculiarities of the Russian emigrants; forms and means of the cultural memory preservation and creation of the ideal past models. The Russian communities abroad were transformed by a new social experience that had impact also on the culture of memory. The very expulsion brought about creation of a new, often idealized image of Russia, its people and culture and re-thinking of their own historical experience. Every educated person in emigration sought to create a new image of Russia that would satisfy him or her. The Russian exiles looked for 'points of memory' around that the emigrant identity could jell. At the same time the recollections of the past served as the stage for ideological and political clashes.

Ключевые слова: зарубежная Россия; историческая память; политический миф; идеология.

Key words: Russia Abroad; historical memory; political myth; ideology.

E-mail: kovalevmv@yandex.ru

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Германского исторического института в Москве в рамках стипендии по теме «Интеллектуальные миграции в Европе в 1920–1930-е гг.: опыт сравнительного социально-антропологического изучения» (2011).

**ДИАСПОРА, ПАМЯТЬ
И ИДЕНТИЧНОСТЬ**

За последние десятилетия мировая гуманитарная наука пережила настоящий всплеск интереса к феномену исторической памяти. В разных странах мира появилось множество исследований о том, как общество

конструирует свое прошлое. Сама историческая память прочно вошла в жизнь современного человека, находя отражение и в массовой, и в элитарной культуре, она вторглась в самые разнообразные области человеческой жизни, «пронизывая культуру часто весьма неожиданными способами»².

В настоящее время литература о феномене индивидуального и коллективного исторического сознания, о соотношении памяти и истории, о воссозданиях образов прошлого многообразна. Предлагаемая статья, однако, не является простой данью научной моде. Она основана на некоторых размышлениях об особенностях интеллектуальной культуры русской эмиграции, о тех факторах, которые влияли на формирование в среде диаспоры представлений о прошлом. Эта работа является всего лишь скромной попыткой взглянуть на то, как общество, оказавшееся в условиях глобальных потрясений, которые сопровождаются еще и кризисом исторической идентичности, пытается проанализировать свой исторический опыт. Задача эта остается актуальной и для нашего непростого времени.

Российская история XX века оказалась наполненной множеством драматических, переломных событий, одним из которых, безусловно, является массовая эмиграция после революции 1917 года и Гражданской войны. Всякое изгнание за пределы отечества лишь обостряет незримую духовную связь с ним, которая усиливается по мере осознания невозможности возвращения. Когда речь идет об исходе десятков, а то и тысяч людей, то раздумья о Родине приобретают уже не только индивидуальный, но и коллективный характер. Так же как память о ее прошлом. Но что и как формировало историческую культуру русской эмиграции? Каким образом осуществлялось взаимодействие политики, идеологии и исторической памяти в ее жизненных практиках?

Необходимо признать, что идеологический фактор играл в истории Зарубежной России значительную роль. Отличительной чертой русского исхода стала его политическая основа: свое отечество покинули те,

² Megill A. *History, Memory, Identity // History of the Human Sciences*. 1998. Vol.11. №3. P.38.

кто так или иначе не принимал большевизм. Понятно, что степень вовлеченности в политическую жизнь сильно различалась как у разных эмигрантских групп, так и у отдельных их представителей. Но споры о путях развития России, вызванные желанием понять пережитые исторические события и оценить грядущие перспективы, неизменно связывали науку и идеологию, историю и политику. Это связь не всегда была явной и легко уловимой. Следует согласиться с мнением Г.С.Кнабе, что «каждая эпоха открывает в прошлом прежде всего то, что резонирует в тон с ее общественным и культурным опытом и потому было скрыто от прежних поколений – у них был другой опыт, и они задавали прошлому другие вопросы»³. Для многих русских изгнание актуализировало споры об исторических путях России и породило новые формы культурной памяти.

Французский социолог М.Хальбвакс отстаивал идею социальной обусловленности коллективной и индивидуальной памяти. Он говорил о существовании социальных рамок, без которых невозможно складывание и сохранение представлений о прошлом. И эти рамки нельзя просто свести к датам и именам, ибо они представляют «течения мысли и опыта», в котором человек находит свое прошлое⁴. Историческая память русской эмиграции могла выстраиваться как вокруг отдельного человека, так и вокруг социальной группы. Таким образом формировались индивидуальные и коллективные представления об истории, которые в реальности были неразрывно связаны. Но во всех случаях эти представления складывались под воздействием социальных рамок. Поэтому даже память о прошлом одного конкретного человека определялась его вовлеченностью в социальные группы, начиная от семьи и заканчивая национальной общностью. В случае Зарубежной России можно говорить как о памяти диаспоры в целом, так и о памяти военных и ученых, либералов и консерваторов, детей и взрослых и др. Помимо общих представлений, характерных для всей диаспоры, у каждой из этих групп была своя память о России и ее истории. Это вполне отвечает высказанной М.Хальбваксом идее о том, что каждая социальная группа по-своему конструирует прошлое в соответствии со своим собственным опытом. В результате этого «внутри каждого сообщества развиваются оригинальные коллективные памяти, хранящие в течение некоторого

³ Кнабе Г.С. *Диалектика повседневности // Вопросы философии. 1989. №5. С.31.*

⁴ Хальбвакс М. *Коллективная и историческая память // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М., 2005. С.29.*

времени воспоминания о событиях, имеющих значение только для них, но тем более касающихся их членов, чем их меньше»⁵.

Б.Андерсон, ставший ныне признанным классиком гуманитарной науки XX в., ввел когда-то в оборот термин «воображаемые сообщества» (*imagined communities*). Он использовал его для описания феномена нации, которая представлялась ему как неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное политическое сообщество. Оно воображаемо потому, что его члены никогда не будут знать большинство своих собратьев, встречаться или видеться с ними. В то же время в умах каждого из них живет образ их общности⁶. Даже вольное заимствование термина английского историка позволяет использовать его для описания российской эмиграции 1920-х – 1930-х годов. Зарубежная Россия не имела своих границ, поскольку эмигранты были рассеяны по всем странам и континентам. Состав ее населения был необычайно пестрым и социально (от неграмотных казаков до академиков), и политически (от социалистов до фашистов). Элементами единства для эмигрантов, позволявшими вообразить себя единым сообществом, служили русский язык, религия и вера в особую культурно-историческую миссию. Не меньшее значение для русской диаспоры, как для любого духовного объединения, имела идея общего прошлого.

Исследования современных психологов показывают, что память формирует основу для наиболее прочных представлений человека о самом себе⁷. К этому можно добавить неоспоримое утверждение, что индивидуальность субъектов выражается посредством истории. С точки зрения немецкого историка Й.Рюзена, воспроизведение прошлого является для человека необходимой культурной рамкой, поскольку оно (воспроизведение) открывает будущую перспективу, основываясь на опыте минувшего⁸. Такая история, разделяемая представителями той или иной общности людей как часть коллективного прошлого, составляет основу групповой идентичности⁹. Вполне закономерно, что в такой

⁵ Там же. С.41.

⁶ Андерсон Б. *Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма*. М., 2001. С.30–31.

⁷ Schacter D.L. *Searching for Memory: The Brain, the Mind and the Past*. N.Y., 1996. P.7.

⁸ Рюзен Й. *Утрачивая последовательность истории // Диалог со временем*. М., 2001. Вып.7. С.12.

⁹ См.: Люббе Г. *Историческая идентичность // Вопросы философии*. 1994. №4. С.111; Репина Л.П. *Культурная память и проблемы историописания (историографические*

ситуации культурная память, охватывающая разнообразные формы обращения к истории, создает образ коллективного прошлого и начинает выполнять объединительные функции.

Состав коллективной памяти эмигрантов зависел от многих, в том числе субъективных и эмоциональных аспектов. Учеными замечено, что в истории человек ищет подтверждение собственных ожиданий и предпочтений, что нередко стирает границу между реальной и вымышленной картиной событий¹⁰. Диаспору, как и любую социальную группу, волновал вопрос о том, что нельзя забывать. Сбережение памяти о минувшем было связано с необходимостью сохранения национальной идентичности в условиях жизни в чужой культурной среде.

Толкование термина «идентичность» в современной науке чрезвычайно разнообразно. Но здесь ее можно определить как историческую индивидуальность, отмеченную принадлежностью к группе и определенной системе ценностей¹¹. Прав немецкий философ Г.Люббе, заметивший в 1977 году, что идентичность принадлежит истории, то есть она является «результатом самосохранения и развития субъекта в условиях, которые случайным образом связаны с основанием его сиюминутного стремления»¹². Эмигрантская идентичность представляла собой изменчивую, динамическую систему, выстроенную из реальных и придуманных образов, в которой сочетались преемственность и новации. Речь идет о принадлежности к диаспоре и эмигрантскому самосознанию, которое опиралось на общую систему символов и выросло из общего прошлого. Для русской диаспоры преемственность заключалась в ориентации на код дореволюционной культуры, а новации были вызваны переосмыслением исторического пути России под воздействием Первой мировой войны, революции, гражданской войны и изгнания. Эти переломные события раскололи русское общество, видоизменили жизнь каждого его представителя, нарушили привычный ход жизни. Они отразились и на культуре памяти о прошлом. В частности, эмигранты пытались переосмыслить исторический опыт Запада в свете Пер-

заметки). М., 2003. С.22; Ассман Я. *Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*. М., 2004. С.17 и др.

¹⁰ Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. *История исторического знания*. М., 2004. С.19.

¹¹ Мирзеханов В.С. *Мерцания идентичности // Индивидуальное и коллективное в истории*. Саратов, 2004. С.52.

¹² Люббе Г. *Указ. соч.* С.112.

вой мировой войны, воспринимавшейся как кризис европейской цивилизации. Показательно мнение одного из евразийских вождей князя Н.С.Трубецкого, отметившего, что «война смыла белила и румяна гунманной романо-германской цивилизации, и теперь потомки древних галлов и германцев показали миру свой истинный лик – лик хищного зверя, жадно лязгающего зубами»¹³. Революция 1917 года осознавалась немалым числом эмигрантов как явление внешнее и чуждое русскому духу. Поэтому важно было найти в прошлом убедительные доказательства того, что Россия не Европа, и доказать ошибочность и гибельность западного пути. Само изгнание привело к созданию нового, часто идеализированного образа России, ее народа и культуры и переосмыслению их исторического пути. Как отметила болгарский литературовед Г.Петкова, «вектор русской эмигрантской культуры первой волны [был] направлен на повышенную рефлексию по поводу природы национального и судеб собственной русскости»¹⁴. Но одновременно эмигрантская среда стала благодатной почвой для зарождения и развития разнообразных политических мифов, базовой основой которых почти всегда становилась российская история. Эти мифы наглядно отражали в себе состояние политической культуры русской диаспоры и ее исторического сознания. Как уже неоднократно подчеркивалось в этой статье, человек отбирает в прошлом те сюжеты, которые связаны с его настоящим. Поэтому историческое сознание формируется под влиянием представлений, актуальных для современности. Не случайно израильская исследовательница Я.Зерубавель сравнила историческую память с маятником, который находится в бесконечном движении от исторических источников к современным проблемам и от современности обратно к свидетельствам прошлого, стремясь при этом объединить их между собой. При этом память постоянно меняет трактовку событий прошлого, «выборочно подчеркивая одни эпизоды, затушевывая другие, принося какие-то новые штрихи»¹⁵.

¹³ Трубецкой Н.С. *Наследие Чингисхана*. М., 2000. С.330.

¹⁴ Петкова Г. *Металитературный проект П.М.Бицилли: между Салимбене и Пушкиным (опыт реконструкции)* // *Rossica: Научные исследования по русистике, украинистике и белорусистике*. 2007. Praha, 2007. С.116.

¹⁵ Зерубавель Я. *Динамика коллективной памяти* // *Ab Imperio: Исследования по новой имперской истории и национализму в постсоветском пространстве*. 2004. №3. С.76.

**ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ
И КОНСТРУИРОВАНИЕ
ПРОШЛОГО**

Знаменитый американский историк М.Раев, как никто другой, ярко охарактеризовал особенности эмигрантского исторического сознания.

Многим изгнанникам казалось, буд-

то на их глазах рушится не просто русская государственность, но все устоявшиеся обычаи и традиции, разрушается сама душа русского народа. Поэтому каждый образованный человек в эмиграции стремился создать новый, удовлетворяющий его образ России: «Естественным в таких условиях было обращение к былому, поиск там таких тенденций, которые, казалось бы, обещали другой вариант развития событий»¹⁶. Для русской диаспоры образы минувшего служили социальными, пространственными и временными ориентирами, ведь они содержали в себе представление о потерянной Родине. Бегство в прошлое должно было не только излечивать душу, но пробуждать чувство национальной гордости. На первый план выходил культ выдающихся исторических деятелей, «великих строителей России», «зодчих русской культуры», как называли их сами эмигранты. Их образы становились своего рода «идеальными типами», призванными служить моральным примером для современников. Петр Великий выступал символом государственности, Сергей Радонежский – духовности, а А.С.Пушкин – символом всей российской культурной традиции. На заседании Русского научного института в Белграде 12 февраля 1930 г. историк Е.Ф.Шмурло заявил перед собравшейся аудиторией: «В чествовании памяти великих людей... затаен некий глубокий смысл... Смерть может вырвать большого человека из нашей среды, лишит тех благ, какие связаны были с его существованием; но смерть не в силах отнять у нас память о таком человеке, и чем больше он поработал на своем веку, чем благотворнее его духовное наследие, тем эта память ярче, проникновеннее и... благодарнее»¹⁷. Это изречение демонстрирует, что культ великих исторических деятелей был призван вселить надежду в возрождение России, найти в ушедших эпохах идеальные типы, достойные подражания современников. Чаяния эмигрантов наглядно подтверждают слова П.Б.Струве о

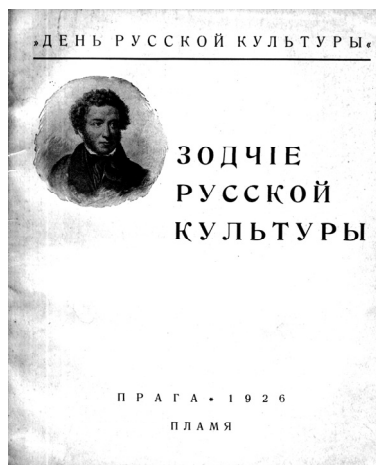
¹⁶ Раев М. *Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919–1939. М., 1994. С.198.*

¹⁷ Шмурло Е.Ф. *С.М.Соловьев // Записки Русского научного института в Белграде. Белград, 1930. Вып.1. С.279.*

том, что «Россию спасут и воскресят Дмитрий Донской и Сергей Радонежский, Петр Великий и Пушкин»¹⁸.

Современные российские ученые вслед за своими западными коллегами рассматривают историческую память как сложный социокультурный феномен. По словам Л.П.Репиной, историческая память как осмысленное отношение к прошлому представляет собой один из каналов передачи исторического опыта и в то же время является важнейшей составляющей самоидентификации индивида, социальной группы и общества в целом, источником самосознания и самоопределения. Если индивидуальная память основана на лично прочувствованном и пережитом человеком жизненном опыте, то коллективная память – на сохранении и осмыслении исторического опыта всего общества¹⁹.

История должна была служить инструментом связи поколений. Эту ее функцию особо подчеркивали представители старшего поколения, боявшиеся быстрой денационализации русской молодежи за рубежом. Они были убеждены, что с потерей своего языка и своей истории терялась не просто эмигрантская идентичность, но сама вера в возрождение России и возвращение в нее. Поэтому столь важное значение придавалось преподаванию истории детям и молодежи в эмигрантских средних и высших школах. Профессиональные историки активно участвовали в формировании исторического сознания диаспоры, в создании нового образа России и конструировании памяти о ее прошлом. Некоторые из них написали специальные учебники, учебные пособия и лекционные курсы (Г.В.Вернадский, Е.Ф.Шмурло, Л.М.Сухотин, А.К.Елачич, Н.П.Оттокар, П.М.Бицилли и др.). Эти работы, как, впрочем, и научно-исторические сочинения вообще, не были достоянием лишь узкой научной корпорации. Несмотря на то, что научные рабо-

Обложка сборника «Зодчие русской культуры» (Прага, 1926)

¹⁸ Струве П.Б. *Дневник политика (1925–1935)*. М.; Париж, 2004. С.78.

¹⁹ Репина Л.П. *Культурная память и проблемы историописания*. С.10; Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. *Указ. соч.* С.11.

ты всегда ориентированы на узкий круг читателей, исторические труды встречали живой отклик в эмигрантской среде. Это можно объяснить не просто высоким интеллектуальным уровнем русской диаспоры, но и стремлением к популяризации научных знаний. Достаточно взглянуть на многочисленные статьи А.А.Кизеветтера в русских зарубежных газетах, чтобы понять, как велико было количество работ, ориентированных на широкую публику. Русские историки следовали устоявшейся еще до революции традиции публиковать свои исследования в «толстых журналах». Парижские «Современные записки» или берлинский «Голос минувшего на чужой стороне» изобиловали историческими материалами. Круг читателей у таких изданий был широк и интерес к публикациям огромен. Поэтому среди эмигрантов можно найти не так много людей, писавших для «чистой» науки. Даже столь академичные авторы, как В.А.Францев, И.И.Лаппо, Е.Ф.Шмурло, периодически печатали свои статьи в газетах и журналах. Нельзя сбрасывать со счетов и роль эмигрантской литературы, которая также выражала в себе определенное понимание российской истории. Спрос на такие произведения был достаточно велик, и у всех них был свой читатель. Это легко объясняет популярность в эмигрантской среде романов либерала М.А.Алданова и монархиста П.Н.Краснова одновременно. М.Раев обратил внимание на особый психологический настрой русских эмигрантов. На их глазах произошли столь глобальные исторические потрясения, что осмыслить их было очень трудно. Еще сложнее было понять истоки этой катастрофы, осознать ее глубинные причины²⁰. Поэтому многие эмигранты старались в своих размышлениях о России все больше уходить от современности, искать в русской истории идеальные типы. Воспитанные в эпоху «постромантического национализма», они стремились «отмечать в прошлом прежде всего те черты, которые всегда были характерны для русского народа, его культуры, объясняли его историческое развитие»²¹. Иначе говоря, они искали особые «места памяти», символические исторические образы, которые, согласно мнению французского историка П.Нора, свидетельствуют о других эпохах и пробуждают ностальгические воспоминания. В таких «местах» память кристаллизуется и находит себе убежище, а образы минувшего объединяются, чтобы служить различным политическим, социальным или личным целям в настоящем. Причем символическое значение этих образов может меняться в зависимости от контекста употребления. В сознании эмигрантов формиро-

²⁰ Раев М. Указ. соч. С.202.

²¹ Там же. С.198.

вался идеализированный образ потерянной Родины. Налицо была переживаемая ими ностальгия, которая усиливалась по мере осознания невозможности вернуться назад²². Идеализация прошлого вовсе не означала примирения с дореволюционным политическим строем, критиками которого в той или иной мере было немало русских эмигрантов. Они лишь стремились найти в истории те идеальные или материальные объекты, которые могли напомнить о России и внушить гордость за нее. Поэтому, например, рождалось желание заполнить свое жизненное пространство символическими предметами: русскими книгами, иконами, фотографиями. Правда, иногда такое стремление носило явно показной характер. Так, П.Б.Струве, который проделал удивительную эволюцию от марксизма к монархизму, демонстративно разместил на видном месте в своей пражской квартире портрет Николая II и трехцветный национальный флаг²³.

**В ПОИСКАХ ИДЕАЛЬНОГО
ПРОШЛОГО: ДРЕВНЯЯ РУСЬ
И МОСКОВСКОЕ ЦАРСТВО**

Несмотря на вовлеченность широких кругов эмиграции в споры о российской истории, создание новых мемориальных конструкций было все же уделом интеллектуалов.

Конструирование прошлого зачастую осуществлялось вокруг особых «мест памяти». К ним относилась, в частности, Древняя Русь. В ее истории одни авторы пытались найти доказательства своих политических концепций, другие на ее примере пытались разглядеть характерные черты российской цивилизации. Образы древнерусских князей часто романтизировались и героизировались, их считали первыми российскими патриотами и государственниками. Если в Ольге традиционно видели образец благоверной княгини, первой христианки, то Святослава стали называть одним из первых «домостроителей» Российского государства. Особенно привлекательной была фигура Владимира Святого, чей культ активно поддерживали правые круги эмиграции, сконцентри-

²² Под ностальгией здесь понимается влечение к реальному или предполагаемому прошлому. Американский историк А.Мегилл выделил различия между ностальгией и памятью: «Ностальгия внешне ориентирована от предмета (от субъекта, индивидуума, группы), сосредотачивая внимание на реальное или предполагаемое прошлое, память ориентирована к предмету и касается реального или предполагаемого прошлого только потому, что прошлое расценивается как важное для предмета...» (Megill A. *Op. cit.* P.45).

²³ Лосский Б.Н. В русской Праге (1922–1927) // *Минувшее: Исторический альманах*. М.: СПб., 1994. Т.16. С.12.

рованные главным образом в Белграде. Они отстаивали идею нового исторического праздника – Дня русского национального сознания в честь Святого князя Владимира, который следовало отмечать 28 июля.

Программа празднования Дня русской культуры. Париж, 9 июня 1929 года

Это торжество они хотели противопоставить широко распространенному в эмигрантских кругах Дню русской культуры с символической фигурой А.С.Пушкина во главе, который широко праздновали во всех уголках русского рассеяния с середины 1920-х годов. Правые же «утверждали, что Пушкинский день задуман масонами, либералами и безбожниками, которые несут главную ответственность за революцию и поражение Белой армии в гражданской войне»²⁴. Князь Владимир воспринимался в монархической среде как православный идеал государя и духовный отец русского народа. Его почитание должно было призвать эмиграцию к осознанию «великих начал пути русского народа и к подвигу верности им»²⁵. В 1938 году

Зарубежная Россия отметила 950-летие крещения Руси. К этой дате в Белграде был выпущен сборник статей в честь князя Владимира со вступительным словом митрополита Анастасия²⁶. Однако демарш белградских монархистов не встретил широкой поддержки, и им так и не удалось, несмотря на усиленные попытки, обосновать главенствующее положение князя Владимира в российской исторической памяти.

Поэтому не стоит думать, что в эмигрантской интеллектуальной среде бытовало однозначное восприятие Древнерусского государства. Показательно противоречивое отношение к последнему евразийцев, отразившее в себе их цивилизационные и политические воззрения. Г.В.Вернадский подчеркивал евразийский облик Киевской Руси, акцен-

²⁴ Раев М. Указ. соч. С.122–123.

²⁵ Сборник в память Святого Равноапостольного князя Владимира. Белград, 1930. С.9.

²⁶ Владимирский сборник в память 950-летия крещения Руси. Белград, 1938.

тируя внимание на тесных контактах между славянами и кочевниками. Он хотел придать ей восточные черты, находя их в динамике взаимоотношений Леса и Степи. В то же время другие евразийцы считали Киевскую Русь европейским государством, сущность которого противоречила евразийской логике. В их желании доказать европейский характер Киевской Руси и внутренние причины ее падения французская исследовательница М.Ларюэль увидела стремление евразийцев датировать рождение подлинной России временем монгольского владычества²⁷. Она показала, что восточные древности были «первейшим элементом евразийского универсализма». Евразийцы обращались к романтической историографии, которая искала в славянских древностях предвестника славного будущего. Тем самым они словно устанавливали мифическую преемственность между славянами и великими восточными цивилизациями²⁸.

Осмысление монгольского фактора в отечественной истории сделалось предметом острых споров. Большинство эмигрантов, в противовес евразийцам, продолжало стоять на традиционных позициях, видя в монгольском завоевании прерывание естественного пути развития русской государственности, объясняя им дальнейшие изломы российской истории. Но не совсем верно считать, что евразийцы идеализировали само монгольское нашествие. Ключевым в их концепции было понятие системного кризиса Древнерусского государства накануне вторжения завоевателей²⁹. Погрязшая в усобицах Русь не могла бы противостоять вторжениям ни западноевропейских крестоносцев, ни монгольских кочевников и была обречена на завоевание. Г.В.Вернадский подчеркивал, что Русь «могла погибнуть между двух огней в героической борьбе, но устоять и спастись в борьбе одновременно на два фронта она не могла. Предстояло выбирать между Востоком и Западом»³⁰. Даниил Галицкий выбрал Запад, а Александр Невский – Восток. Образы этих князей

²⁷ Ларюэль М. *Идеология русского евразийства, или Мысли о величии империи*. М., 2004. С.196.

²⁸ Там же. С.197.

²⁹ Аналогичный системный кризис, по их мнению, переживала и Российская империя накануне 1917 г. Одной из причин его было отступление политических элит от евразийских начал. Поэтому в глазах евразийцев опыт падения Киевской Руси должен быть поучительным.

³⁰ Вернадский Г.В. *Два подвига Святого Александра Невского // Вернадский Г.В. Опыт истории Евразии. Звенья русской культуры*. М., 2005. С.244.

привлекли внимание эмигрантов, которые путем постижения их политического опыта пытались осмыслить ситуацию цивилизационного выбора. В своей известной статье «Два подвига Святого Александра Невского», появившейся в 1925 году в «Евразийском временнике», Г.В.Вернадский сравнил жизнь и поступки этих двух знаковых фигур древнерусской истории, последовательно противопоставляя Даниила и Александра. Ошибкой галицкого князя он считал даже не столько желание бороться с монголами, сколько заключение союза с Западом³¹. Александр Невский же осознал западную угрозу. Его выбор был не случайным, а глубоко продуманным и дальновидным политическим ходом. Он совершил два крупных подвига – «подвиг брани на Западе и подвиг смирения на Востоке», которые имели своей конечной целью «сохранение Православия как нравственно-политической силы русского народа»³². Немецкий историк Ф.Б.Шенк тонко уловил истоки подобного отношения к Александру Невскому в русской эмигрантской среде. Оно объяснялось не только устоявшимся обликом православного благоверного князя, но и тем, что Александр Невский подходил евразийцам в качестве «формы идентификации». В его мифологизированном образе отражались все главные программные установки евразийского учения. Отсюда следовал закономерный вывод, что «Александр с его милитаристской западной и дипломатичной восточной политикой, кажется, уже предвосхитил в XIII в. евразийскую политическую программу»³³.

Эмигранты проявляли также живой интерес к истории Московского царства. Свою роль здесь сыграло и особое место Москвы в русской культурной памяти, ведь даже в императорский петербургский период Москва воспринималась как колыбель российской государственности. К тому же для многих эмигрантов, переживших трагедию революции и гражданской войны, с новой силой встала проблема поиска политического идеала, оптимальной идеи власти. Некоторые из них как раз и попытались найти ее, обратившись к историческим судьбам Московского государства.

Показательно конструирование московского мифа на страницах эмигрантской прессы. В 1928 году историк И.И.Лаппо по предложению консервативного философа И.А.Ильина подготовил для журнала «Рус-

³¹ Там же. С.247.

³² Там же. С.253.

³³ Шенк Ф.Б. *Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000)*. М., 2007. С.259.

ский колокол» цикл статей под общим названием «Великие строители России». Героями своих очерков он сделал видных деятелей православной церкви. Но в один ряд с ними поставил и московских князей, многие из которых, как известно, святостью не отличались. Героизация власти была предпринята И.И.Лаппо осознанно. Перед читателем предстала картина того, как, благодаря «кровному труду» и «ценою лишений и жизненной борьбы», вотчина московских князей превратилась в православное царство, а сами московские правители – в преемников Константина Великого и византийских императоров. Средства достижения политических целей московскими князьями историка не интересовали, ибо результат их деятельности – создание сильного централизованного государства – для него оправдан изначально³⁴.

Идеализация Московского царства ставила своей целью в очередной раз доказать самобытность пути развития России. Эти чаяния отразил в своих интеллектуальных построениях уже упоминавшийся М.В.Шахматов. Он выдвинул религиозно-политическую концепцию «государства правды». Ученому оно виделось «одним из самых ярких выражений стремлений построить отношения между царем и народом на христианских нравственных основаниях»³⁵. В этом государстве и правитель, и народ отказываются от своей собственной воли, подчиняясь воле Божьей, а значит, началам вечности. Высшей точкой развития «государства правды», с точки зрения М.В.Шахматова, было как раз Московское царство. Сама Москва для него «освящена сиянием высших идеалов», ибо в ней «всегда существовал высокий государственный идеал, который давал власти силу и достоинство в глазах народа и сопрягался с исторической действительностью в поворотные узловые моменты русской истории»³⁶.

М.В.Шахматов создавал героический образ власти, который воплощали для него русские «князья-подвигоположники». Он устанавливал прямую зависимость между их деяниями и величием Москвы. Только благодаря благочестивым правителям захолустное Московское княжество смогло превратиться в Православное царство. По мысли историка, основной составляющей «государства правды» было подчинение народа воле правителя, а воли правителя – воле Бога. Иван Грозный непра-

³⁴ Лаппо И.И. *Московские князья-собиратели* // *Русский колокол*. Берлин, 1928. Кн.3. С.40.

³⁵ Шахматов М.В. *Государство правды* // *Евразийский временник*. Париж, 1925. Кн.4. С.293.

³⁶ Шахматов М.В. *Подвиг власти* // *Евразийский временник*. Париж, 1923. Кн.3. С.62.

வில்но понял эти идеи и вывел на первый план свое эгоистическое понимание власти, положив начало разрушению основ «государства правды». Апофеозом кризиса стала Смута, выход из которой стал возможен только при восстановлении воли Божьей. Своей концепцией М.В.Шахматов всеми силами пытался доказать идею русской самобытности и ошибочность западного пути. В его представлении, политические нормы на Западе требовали ограничения власти во имя гражданских свобод и порождали нескончаемую борьбу между властью и обществом. В противовес этому, русский политический идеал был основан на симфонии власти и общества: от власти требовались подвиги, а от народа – готовность борьбы за веру, царя и Отечество³⁷.

Однако идеализация Московского государства имела под собой не только политическую, но и религиозную основу. Русская эмиграция 1920-х – 1930-х годов пережила религиозный подъем, особенно заметный на фоне предреволюционного атеизма русской интеллигенции, распространения сектантства и мистицизма. Религиозный ренессанс выражался в расцвете богословской мысли, о чем наглядно свидетельствуют жизнь и труды В.В.Зеньковского, С.Н.Булгакова, Н.М.Зернова и др.

В своих размышлениях эмигранты не могли обойти вниманием наследие знаменитого инока Филофея, с именем которого будет ассоциироваться обоснование особого пути России и ее отход от «"европейских" традиций Киевской Руси»³⁸. Одной из причин внимания к его концепции была перекличка ее мессианского пафоса с идеей об особой миссии русской эмиграции. В представлениях эмигрантов прежняя Россия ушла в небытие, у власти в ней утвердился богоборческий антихристианский режим. И только в изгнании сохранялась истинная культурная и религиозная жизнь. Поэтому Зарубежная Россия осознается как истинная Россия, и задача ее состоит в том, чтобы сберечь духовное наследие. Здесь в эмигрантском сознании возникла связь и с другим мифическим концептом – невидимым градом Китежем, воплощавшим в себе бегство от зла мира и устремление в идеальный и потусторонний мир. Образ Третьего Рима был неразрывно связан с религиозным концептом Святой Руси, который получил чрезвычайно широкое распространение в русской зарубежной среде.

³⁷ Там же. С.79.

³⁸ Příhoda M. Mnich Filofej a Třetí Řím // Kulturní, duchovní a etnické kořeny Ruska: portréty. Praha, 2009. S.172.

В политической мифологии русской эмиграции судьбы Московской Руси были неотделимы от судеб империи. Эти представления нашли яркое выражение в воззрениях евразийцев. В их любви к Москве было много славянофильского, ибо Москва также воплощала для них русскую самобытность. Именно в московский период определился имперский характер России, выразившийся в стремительном движении на Восток. Их привлекала сильная, авторитарная власть московских князей, ибо она соответствовала их собственным политическим идеалам. Только империя смогла реализовать духовные чаяния русского народа, а московские князья как раз и стояли у ее истоков. Московское царство, которое стало преемником Монгольской империи в деле собирания Евразии, в полной мере реализовало в себе евразийские идеалы.

Но оценки московского периода русской истории были двойственными. Московское царство с его твердой государственной платформой принимало в глазах многих эмигрантов характер стабильной политической системы, а его прошлое приобретало налет идеализации и романтического героизма. В то же время бытовала и критическая оценка, поскольку в представлении эмигрантов это царство ассоциировалось с господством церкви в области культуры и зарождением самодержавия. Воплощением этих негативных элементов была личность Ивана Грозного, чье правление было отмечено жестоким разгромом Новгорода, произволом и жестокостью, опричниной, которая столь живо напоминала о большевиках и красном терроре³⁹.

Это негативное отношение к эпохе Ивана Грозного выразил в своей книге «Святой Филипп митрополит московский» Г.П.Федотов. В ней он сделал наблюдение, важное для понимания всех политических процессов в русской истории. Г.П.Федотов не был склонен представлять народ жертвой Ивана Грозного, но считал его в определенной мере соучастником царских преступлений. Потворство злу не ограничивалось робким молчанием и страхом, но выражалось во всеобщей деморализации: «На ложных доносах люди строили свое благополучие, обогащались имуществом казенных и опальных. Выгоды опричной службы были соблазнительны не только для проходимцев, но и для представителей старого дворянства, даже княжат...»⁴⁰. Обратим внимание на дату выхода книги – 1928 год. В то время как в Париже печатался труд выдающегося русского мыслителя, на его Родине начинался «великий перелом» с коллек-

³⁹ Раев М. Указ. соч. С.216.

⁴⁰ Федотов Г.П. Святой Филипп митрополит московский. М., 1992. С.84.

тивизацией, большим террором, культом личности, выдвижением новой номенклатуры, проходившей тем же путем, какой описал Г.П.Федотов. Получалось, что говорил он не столько о XVI столетии, сколько о XX веке. К сравнению Московского царства и большевистской России философ вернется еще не раз. В его статьях можно найти сравнение сталинской коллективизации, рассматриваемой им как классический вариант русской революции сверху, со временами Ивана IV⁴¹. В формах и методах опричнины он усматривал родство со сталинским террором, а самого диктатора вполне ожидаемо уравнивал с первым русским царем. По его мнению, в революции победили не В.И.Ленин и не М.А.Бакунин, а Иван Грозный. «Сталин и есть перевод его на современность», – заключал Г.П.Федотов⁴². Это же сходство отметил в 1930 году П.Б.Струве, который воспринял коллективизацию как «выкорчевывание крестьянства теми же самыми методами, которыми Иван III и Иван IV "выводили" неугодные им социальные элементы», как «повсеместное истребление русской "земщины"» и насаждение «новой опричнины»⁴³. Поэтому эмиграция пресекала попытки исторической реабилитации царя. Показательна история с книгой Р.Ю.Виппера, в которой делалась попытка оправдать действия Ивана IV сложной внешнеполитической ситуацией⁴⁴. Несмотря на то, что сам автор покинул Россию, среди коллег-эмигрантов появление его книги вызвало острую критику.

Но было бы упрощенным связывать неприязнь к Москве исключительно с фигурой Ивана Грозного. Немалому числу эмигрантов ошибочным казался сам исторический путь Москвы. Одним из них был Н.А.Бердяев. Для него московский период был «самым плохим периодом в русской истории, самым душным, наиболее азиатско-татарским по своему типу, и по недоразумению его идеализировали свободолюбивые славянофилы». В Московском царстве не было места свободе, поэтому в его «душливой атмосфере... угасла даже святость»⁴⁵. Его политический режим философ характеризовал как тоталитарный, видя в гипертрофии государства роковую ошибку русской истории⁴⁶. В нем не

⁴¹ Федотов Г.П. *Проблемы будущей России. Сегодняшний день* // Федотов Г.П. *Избранные труды*. М., 2010. С.229.

⁴² Федотов Г.П. *Завтрашний день* // Федотов Г.П. *Избранные труды*. С.518.

⁴³ Струве П.Б. *Дневник политика (1925–1935)*. М.; Париж, 2004. С.530.

⁴⁴ См.: Виппер Р.Ю. *Иван Грозный*. М., 1922.

⁴⁵ Бердяев Н.А. *Русская идея* // *О России и русской философской культуре*. М., 1990. С.45.

⁴⁶ Там же. С.46, 50.

было внутренней целостности, оно не обладало способностью к перерождению. Это заложило основы конфликта между обществом и государством, который и привел, в конечном счете, к революции.

**ИМПЕРАТОРСКАЯ РОССИЯ:
ВРЕМЯ УПУЩЕННЫХ
ВОЗМОЖНОСТЕЙ**

Эмигранты стали свидетелями гибели Российской империи. Перед ними возникал закономерный вопрос о причинах столь стремительного крушения всего того, что казалось

незыблемым. Это заставляло еще раз переосмысливать весь исторический путь России в XVIII – начале XX в., порождало желание найти в прошлом истоки переживаемых потрясений. Императорский период воспринимался как время упущенных возможностей. Почему Россия не сумела реализовать свой государственный потенциал? Почему империя, создававшаяся на протяжении столетий, столь стремительно рухнула? Где следует искать истоки русской смуты? Закономерно, что представления об императорской России были пропитаны раздумьями о русской революции. Интересным примером таких размышлений служит петровская эпоха, которая всегда была предметом ожесточенных споров в русской общественной мысли. В Зарубежной России полемика не только не затихла, но приобрела новую силу и значимость. Для эмиграции в спорах о петровском наследии тесным образом слились и злободневная проблема взаимоотношений России и Запада, и поиск истоков русской революции.

На фоне сложившегося среди русских изгнанников культа великих людей и героизации прошлого Петр занял одно из ведущих мест. На пражском собрании в честь «Дня русской культуры» в июне 1932 года А.А.Кизеветтер выразил мысль, что образ Петра «закреплен в нашем сознании навеки и его не смогут выкорчевать из нашего сознания никакие, хотя бы самые зловещие, вывихи в ходе нашего исторического существования...»⁴⁷. Образ Петра стал объектом коллективной коммеморации. Во многом этому способствовала 200-летняя годовщина со дня смерти императора, отмеченная в 1925 году русскими изгнанниками в разных частях мира. Эта дата послужила толчком к появлению множества юбилейных изданий. Анонимный автор на страницах пражского журнала «Студенческие годы» метко выразил причину глубокого вни-

⁴⁷ Кизеветтер А.А. Пушкин и Петр Великий: Речь, произнесенная в Праге 7 июня на собрании «Дня русской культуры» // Россия и славянство. Париж, 1932. №187. 25 июня.

мания к памяти императора: «Особенно сейчас, в наши дни унижения Нации, разорения и ограбления страны, в дни действия разрушающих сил, яркое изображение Петра»⁴⁸. На волне большевистского нигилизма, обесценивания исторического прошлого России и денационализации многие эмигранты увидели в Петре символ сильной государственной власти и патриотизма. Большевистскому нигилизму эмигранты противопоставляли традиции российской государственности, одним из символов которой как раз и был Петр. Большевиков обвиняли в поругании Петровых заветов и разрушении его наследия. Профессор Е.В.Спекторский отмечал, что революция 1917 года отбросила Россию назад, поэтому проблема ее возрождения «превращается в повторение Петрова дела»⁴⁹. Такой император должен был вселять надежду на возрождение России.

Примечательно, что в эмиграции многие прежние критики царя переосмыслили свое отношение к нему. Самым ярким примером, пожалуй, служит кадетский лидер и знаменитый историк П.Н.Милюков, некогда выступавший последовательным критиком царя-реформатора⁵⁰. В 1925 году он опубликовал программную статью, в которой отразилась эволюция взглядов на царя. От развенчания Петра историк пришел к осознанию его огромной роли. П.Н.Милюков воздал должное гению императора, подчеркнул национальный характер реформ, их необходимость и органичность⁵¹.

В чем же причина этой идейной эволюции? Немецкий исследователь Т.Бон заметил, что революция заставила П.Н.Милюкова признать значительную роль личности в историческом процессе, что отразилось и на его отношении к Петру. К тому же царь-реформатор «был нужен ему как союзник для укрепления ориентации России на западные демократии, что ставилось под сомнение большевиками и евразийцами», он «мобилизовал русский патриотизм для своих собственных демократических целей»⁵². Действительно, упреки в адрес евразийцев то и дело появляются в тексте статьи П.Н.Милюкова. В заключении он особо подчеркивал неизбежность европейского пути развития для России.

⁴⁸ *Петр Великий // Студенческие годы. Прага, 1925. №1 (18). С.16.*

⁴⁹ *Спекторский Е.В. Петр Великий и мы // Благовест. Новый Сад, 1925. Сб.1. С.55.*

⁵⁰ *См. об этом: Бон Т. Русская историческая наука (1880 г.–1905 г.): Павел Николаевич Милюков и Московская школа. СПб., 2005. С.141–154.*

⁵¹ *См.: Милюков П.Н. Петр Великий и его реформа // На чужой стороне. Прага, 1925. Кн.Х. С.5–28.*

⁵² *Бон Т. Указ. соч. С.154.*

Историк призвал преклонить голову перед Петром и «поблагодарить его от имени многих поколений русской интеллигенции за то, что своей деятельностью он освободил нас от доказательств, что Россия – не Азия, и за то, что его реформа и теперь продолжает служить живым опровержением и защитой от новоявленного русского обскурантизма»⁵³.

У большинства эмигрантов не вызывала сомнения правильность выбранного Петром пути сближения России и Запада. Но в то же время многие из них признавали едва ли не главным отрицательным последствием петровских реформ культурный раскол российского общества. В этом разрыве пытались увидеть глубинные корни русской революции. Правда, одновременно император противопоставлялся большевикам как символ открытости внешнему миру. Недаром на одной из эмигрантских карикатур были изображены Л.Д.Троцкий и царь-реформатор. Маленькая и напыщенная фигура известного революционера явно контрастировала с сильным и мощным обликом Петра. Подпись под рисунком гласила, что Петр «прорубил окно в Европу», а Л.Д.Троцкий «его заколотил»⁵⁴.

Такое же противопоставление между императором и большевиками заметно в другой карикатуре, появившейся в берлинской газете «Руль» в ноябре 1925 года под влиянием сообщений об обветшании «Медного всадника» в Ленинграде. На фоне знаменитого памятника был изображен Г.Е.Зиновьев с всунутыми в карманы руками и папиросой во рту. Ему противопоставлен образ представителя Академии художеств, который укоряет видного большевика: «Следовало бы беречь памятник человеку, который заложил этот

Петр Великий и Троцкий. Петр: «Я прорубил окно в Европу». Троцкий: «А я его заколотил»

Петр Великий и Л.Д.Троцкий. Карикатура.

⁵³ Милоков П.Н. Указ. соч. С.28.

⁵⁴ См.: Русский Берлин. М., 2003. С.336.

город...». Но в ответ слышит: «Экая важность! Мы можем заложить всю Россию!»⁵⁵ Так память о Петре Великом начинала выполнять не только общекультурные, но и политические функции.

Образ Петра Великого, казалось бы, призванный стать объединяющей фигурой для эмигрантов, часто служил орудием в идеологическом соперничестве. Та или иная политическая группа пыталась по-своему мобилизовать память об императоре. Память о Петре была множественной, наполненной различными интерпретациями. Она слишком сильно выражала конфликт идей, разность политических взглядов и оценок и не могла выполнить объединительных функций.

Можно засвидетельствовать, что интерес к петровской эпохе объяснялся не только прочной научной традицией, но и желанием эмигрантов ответить на злободневные вопросы современности, в том числе и на вопрос об истоках русской революции. Иногда это желание приобретало необычный исследовательский ракурс. Многие эмигранты разделяли идею о «запаздывании» русской истории, имея в виду слишком поздние освобождение дворян от обязательной службы, отмену крепостничества, создание парламента, а также искусственное торможение реформ верховной властью. В прошлом они искали такие упущенные возможности. Они пытались понять, что нужно было сделать, или чего не нужно было делать, чтобы избежать революции. История императорской России представлялась как волна реформ и реакции. Но даже к реформаторам, как было показано на примере Петра, отношение было противоречивым. Это правило касалось и Екатерины II. Ее, например, остро критиковали за церковную политику. Особо в этом преуспели неутомимые евразийцы. Г.В.Вернадский назвал ее церковные преобразования «сокрушительным ударом по всей исторической системе религиозно-нравственного воспитания русского народа»⁵⁶. Свои взгляды историк изложил в популярной лекции «Десница и шуйца императорского периода», прочитанной в начале 1920-х годов в популярном в Праге русском ресторане «Огонек». Историк доказывал, что «основные явления, которые вызвали к жизни... злые силы, приведшие в конце концов к революции, и есть отмена патриаршества и вообще отношение государства к церкви»⁵⁷.

⁵⁵ От Петра Великого к Зиновьеву // Руль. Берлин, 1925. № 1513. 22 ноября.

⁵⁶ Вернадский Г.В. Начертание русской истории. СПб., 2000. С.243.

⁵⁷ Козляков В.Н. Обзор коллекции документов Г.В.Вернадского в Бахметевском архиве Библиотеки Колумбийского университета в Нью-Йорке // Вернадский Г.В. Русская исто-

В декабре 1925 г. русская диаспора за рубежом отмечала сразу два знаковых исторических события – столетие со дня смерти императора Александра I и восстания декабристов. Обе даты, неразрывно связанные между собой, способствовали появлению обширного круга научной и популярной литературы. Юбилеи способствовали пробуждению интереса к истории александровского царствования и к личности самого императора. Его эпоха всегда была и, без сомнения, будет оставаться одной из самых притягательных в российской истории. И дело не только в том, что на первую четверть XIX в. пришлось столь колоссальные подвижки на европейской внешнеполитической арене. Сама личность российского императора, по словам А.Н.Фатеева, была достойна «сюжета шекспировской трагедии»⁵⁸. Интерес к ней всегда был неизменно высок как среди историков, так и среди литераторов. Не стоит забывать, что александровская эпоха в самом деле была временем многих упущенных шансов для России: возможных отмены крепостного права, широких государственных реформ, введения конституции и народного представительства и т.д. Эта эпоха была ярким примером того, как задуманные широкие реформаторские планы постепенно измельчали и обернулись реакцией.

Более широкий мемориальный размах имела столетняя годовщина восстания декабристов. В то же время этот юбилей вновь наглядно показал остроту конфликтов памяти в эмигрантской среде. Примечателен случай, произошедший в Русском историческом обществе в Праге. На заседании в декабре 1925 г. профессор Д.Н.Вергун предложил почтить вставанием память декабристов как борцов с самодержавием. По воспоминаниям Б.Н.Лосского, озадаченный председатель Общества Е.Ф.Шмурло заметил, «что это событие к теме вечера никак не относится, но, поскольку эти слова произнесены ... встал»⁵⁹. Однако его примеру последовали не все. С.Г.Пушкарев, например, отказался и впоследствии отправил письмо на имя председателя с заявлением «о недопустимости, по его мнению, для научного О[бществ]а, каковым является Русское историческое общество в Праге, торжественного почитания памяти декабристов, приуроченного ко дню вооруженного восстания 14 декаб-

риография. М., 2000. С.442.

⁵⁸ Fatéev A. *La probléme de l'individu et de l'homme d'état dans la personnalité historique d'Alexandre I, empereur de tous les Russes* // *Записки Научно-исследовательского объединения при Русском свободном университете. Прага, 1936. Т. III (VIII). №16. Р. 139.*

⁵⁹ Лосский Б.Н. *Указ. соч.* С.58.

ря...»⁶⁰. Он заявил о невозможности проведения специального заседания в память декабристов. Но, несмотря на возникшие разногласия, это заседание в дальнейшем все же состоялось⁶¹. Дискуссия среди членов Общества продолжилась после доклада А.А.Кизеветтера «Спорные вопросы в истории декабристов», сделанного 11 января 1926 г. Тот же С.Г.Пушкарев так отозвался об этом сообщении: «Я не отрицаю личной доблести большинства декабристов и благородства их побуждений, однако политическая роль вождей вооруженного восстания 14 декабря представляется мне отрицательной»⁶². Их идеалы он называл утопическими и доказывал, что для введения конституционных и парламентских начал в России начала XIX в. еще не созрели необходимые условия. По его представлениям, декабристы выступили первыми «жрецами идола революции», который привел страну к кровавой катастрофе 1917 г. Этот пример ярко демонстрирует конфликт идей внутри эмигрантского сообщества и показывает, что даже неполитические эмигрантские организации так или иначе были вовлечены в острые идейно-политические споры.

И все же юбилей декабристов получил широкий общественный отклик. Вечером 28 декабря 1925 года в пражском «Русском доме» в честь них прошел торжественный вечер. Роль председателя взял на себя А.А.Кизеветтер. Главным докладчиком был известный литературовед М.Л.Слоним. Он критиковал александровскую Россию «с ее прогнившими учреждениями», а в заключение сказал: «Мы потомки декабристов» – и тем самым подчеркнул значимость декабристского юбилея для эмиграции⁶³. За день до этого, 27 декабря 1925 года, в парижской Сорбонне прошло аналогичное заседание, организованное Русским академическим союзом во Франции. Среди его участников были профессора Э.Оман, А.Олар, П.Н.Милюков, С.П.Мельгунов, В.А.Мякотин и М.А.Алданов. В молчании прослушали собравшиеся «Похоронный марш» Ф.Шопена, исполненный в память о декабристах⁶⁴. Эмигранты

⁶⁰ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф.5891. Оп.1. Д.253. Л.10 об.–11.

⁶¹ См.: Цепилова В.И. *Историческая наука Русского Зарубежья: Проблемы историографии (1920–2004)*. Екатеринбург, 2005. С.77.

⁶² ГА РФ. Ф.5891. Оп.1. Д.254. Л.6.

⁶³ *Торжественное заседание памяти декабристов* // *Руль*. Берлин, 1925. №1541. 25 декабря; Лосский Б.Н. *Указ. соч.* С.57.

⁶⁴ 1825–1925 г.г.: *Торжественное собрание в Сорбонне* // *Последние новости*. 1925.

подчеркивали современность декабристов. А.А.Кизеветтер писал: «Не археологический интерес связан для нас со столетним юбилеем их выступления. Чествуя их память, мы чувствуем дрожание многих струн собственного сердца»⁶⁵. Восстание декабристов он относил к событиям, которые не просто вызывают волнение современников, но сохраняют «электризирующую силу» и для последующих поколений⁶⁶. М.А.Алданов, именитый писатель, тонко чувствовавший глубину исторических событий, верно заметил: «Декабристы ничего не разрушили и ничего не создали. Ценность того, что они сделали, заключается всецело в их легенде»⁶⁷. Действительно, юбилей событий 1825 года способствовал ее укреплению. Не случайно в эмигрантской среде появились десятки научных и публицистических работ, осмысливших феномен декабристов. В глазах либералов они были образцом самопожертвования во имя народного блага и борцами с произволом власти.

Однако монархические круги эмиграции по-иному восприняли столетие событий на Сенатской площади. Они расценивали подавление декабрьского выступления как победу здравого абсолютизма и законной власти над революционным безумием. Во многих православных храмах в декабре 1925 г. служились молебны в честь Николая I. Консервативная парижская газета «Возрождение», редактируемая П.Б.Струве, называла декабристов предтечами революции 1917 года. Поэтому памятные торжества парижских и пражских либералов были названы «кощунственным словоблудием». Автор редакционной статьи полагал, что если бы декабристы могли прозреть сквозь время, то перед ними непременно встал бы трагический вопрос: «Не повинны ли они в русской катастрофе», не являются ли они «соучастниками, вдохновителями и подстрекателями губительной русской смуты»?⁶⁸ Автор, правда, считал, что декабристы не виноваты в том героическом ореоле, в той легенде, которую вокруг них создали потомки. Но она вошла в историю русской интеллигенции и в неразрывно связанную с ней историю русской революции «как некая светлая путеводная звезда на фоне "темного царства"»

№1742. 27 декабря; Леонтьев Я. *Может ли подвиг быть напрасным? Юбилейные заметки о декабристах* // «Мы дышали свободой...» *Историки Русского Зарубежья о декабристах*. М., 2001. С.20.

⁶⁵ Кизеветтер А.А. *Столетие декабристов* // *Руль*. 1925. №1541. 25 декабря.

⁶⁶ Кизеветтер А.А. *Декабристы* // *Сегодня*. 1925. № 291. 25 декабря.

⁶⁷ Алданов М. *Памяти декабристов* // «Мы дышали свободой...». С.26.

⁶⁸ *Столетие декабрьского мятежа* // *Возрождение*. Париж, 1925. №208. 27 декабря.

императорской России». Автор отмечал, что эта идея жива и сегодня и что ее поддерживают те люди, для которых Российская Империя является злом, а русская революция – добром.

Обложка однодневной газеты «День русской культуры» с портретом Александра II (Харбин, 1931)

Еще сложнее было сконструировать в историческом сознании образ революционного движения второй половины XIX – начала XX века, то есть той эпохи, которая была еще зафиксирована в живой памяти эмигрантов старшего поколения. Показательно уважительное отношение русской эмиграции к А.И.Герцену. Правда, здесь их роднил, в первую очередь, общий изгнанныческий статус. Одной из форм сохранения памяти об А.И.Герцене, его общественной и журналистской деятельности стало собирание его архивных материалов, инициаторами которого выступили историки-архивисты из Русского заграничного исторического архива. Нередко в эмигрантской среде можно было наблюдать стремление противопоставить русских революционеров XIX века большевикам. В этом плане

примечательно отношение к фигуре Н.Г.Чернышевского. После 1917 года многие стали видеть в нем предтечу русской смуты, идейного вдохновителя и одного из учителей В.И.Ленина. Тем более, что последний восторженно отзывался о Н.Г.Чернышевском, хорошо знал и почитал его работы. Еще до революции широкое распространение получил апологетический взгляд на писателя, «его человеческие слабости, наивные и решительные суждения об искусстве, художественная беспомощность романа – все не замечалось или оправдывалось в свете образа подвижника-революционера»⁶⁹. Продолжателем этой линии в кругу эмигрантов был историк и литературовед Е.А.Ляцкий, который еще до революции славил-

⁶⁹ Качурин М. Чернышевский в романе Набокова «Дар» // Новый журнал. Нью-Йорк, 2003. Кн.233. С.258.

ся как крупнейший специалист по творчеству Н.Г.Чернышевского. К столетнему юбилею русского революционера ученый напечатал в Праге небольшую статью, в которой пытался реабилитировать своего героя в глазах тех, кто видел в нем предвестника русской революции⁷⁰. Он специально обратил внимание, что именно Н.Г.Чернышевский одним из первых в Европе опровергал постулаты социального дарвинизма, иначе говоря, доказывал, что классовая борьба вовсе не является обязательным условием прогресса и достижения социальной справедливости. В глазах читающей публики Зарубежной России, которая на себе успела ощутить, что такое классовая борьба по-большевистски, такое замечание стало принципиально важным.

Иная позиция была отражена в известном романе В.В.Набокова «Дар» (1937), в котором устами главного героя писатель выразил негативную оценку Н.Г.Чернышевского. В.В.Набоков обращался к нему как к самой крупной фигуре в революционном движении второй половины XIX века и через призму его судьбы пытался понять истоки революционных потрясений XX столетия. Приговор молодого русского литератора звучал столь сурово, что редакция журнала «Современные записки» при первой публикации романа опустила четвертую главу, которая как раз была посвящена творчеству Н.Г.Чернышевского.

Еще более мозаичной была структура воспоминаний о недавнем прошлом. Оно еще не воспринималось значительной частью эмигрантов как история, ибо было непосредственно зафиксировано в памяти. М.Хальбвакс делал вывод об особом восприятии человеком новейшей истории. Он расценивал ее как эпоху, которая зафиксирована в его живых воспоминаниях. Эти воспоминания являются прямым отражением пережитого опыта⁷¹. Отношение эмигрантов к недавнему прошлому было неоднозначным. И эту неоднозначность можно объяснить тяжестью воспоминаний, которые навевали им мысли о потерянной Родине и о тех трагических событиях, которые им пришлось пережить. С одной стороны, налицо было желание найти истоки произошедшей исторической катастрофы, но, с другой стороны, воспоминания о недавних событиях травмировали душу и поэтому о них нередко желали забыть. Свою книгу воспоминаний А.А.Кизеветтер заканчивал рассказом о том, как летом 1914 года на даче близ Можайска он встретил известие о начале

⁷⁰ Ляцкий Е.А. Н.Г.Чернышевский (К столетней годовщине со дня рождения) // Русская школа за рубежом. Прага, 1927/1928. №29–30.

⁷¹ Хальбвакс М. Указ. соч. С.22.

Первой мировой войны: «Но для описания того, что пришлось пережить за время войны и революции, потребовалась бы книга много больше той, которую я решаю предложить теперь вниманию читателей. Да и трудно было бы писать сейчас такую книгу. Тяжело берeditь незакрывшиеся раны»⁷². Мемуары о жизни в Советской России историк написал, но так и не издал.

* * *

Историческое сознание представляло собой важную составляющую часть самосознания русской диаспоры. Сами эмигранты были носителями ментальных стереотипов. Они задавали прошлому те вопросы, которые волновали их сегодня. Данная черта не была специфической особенностью интеллектуальной культуры русской эмиграции. Знаменитый историк А.Я.Гуревич подчеркивал, что «историческое познание есть не что иное, как пытлиное, настойчивое и неустанное вопрошание современностью прошлого, то есть постановка вопросов, волнующих нас, ныне живущих людей»⁷³. Это отчетливо видно на примере обращения к истории императорской России, сквозь которую красной нитью протягивалась тема русской революции.

Противоречивые оценки прошлого часто являлись результатом переноса на эмигрантскую почву старых идейных споров, например дискуссий между консерваторами и либералами. Но дискуссии эти приобрели новое звучание, наполнились новым смыслом. Переосмысление исторического опыта России было вызвано стремлением осознать переломные события российской и мировой истории. Но не следует забывать, что 1920–1930-е годы ознаменовались в жизни Европы колоссальными идеологическими подвижками. Произошел необычайный рост национал-патриотических настроений. Как отметил Н.И.Шестов, в массовом сознании европейцев распространялись националистические мифы «крови и почвы», происходила героизация насилия и поиски мифических предков для доказательства своей этнической исключительности. Иначе говоря, произошел взрыв «ирра-

⁷² Кизеветтер А.А. *На рубеже двух столетий: Воспоминания 1881–1914*. Прага, 1929. С.523–524.

⁷³ Гуревич А.Я. *Историческая наука и историческая антропология // Вопросы философии*. 1988. №1. С.59.

циональных мотиваций политического мышления и поведения масс и политической элиты»⁷⁴.

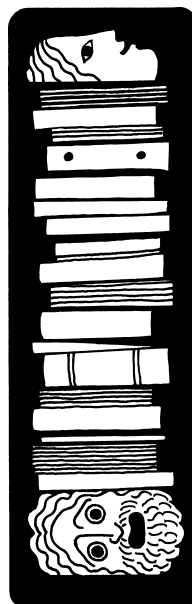
Поэтому эмигрантская среда стала благодатной почвой для зарождения и развития разнообразных политических мифов. Их базовой основой почти всегда становилась отечественная история, в которой пытались найти ответы на злободневные современные вопросы. Значительная часть изгнанников вполне осознанно участвовала в создании этих мифов, желая обосновать особую эмигрантскую идентичность и попытаться сконструировать идеальное прошлое и будущее. Таким образом, диаспора создавала новый образ истории своей потерянной родины и особую культуру памяти о прошлом. Такую культуру, которая могла бы удовлетворить многочисленных изгнанников и объединить их.

⁷⁴ Шестов Н.И. *Политический миф теперь и прежде*. М., 2005. С.16.

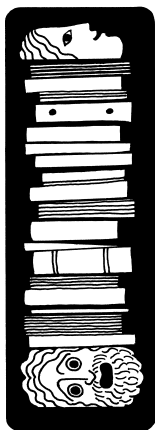
Продолжение жизни некоторой группы в воспоминаниях той или иной современной группы наделяет это воспоминание функцией коллективной памяти. ... Многие из того, что случилось с прошлыми поколениями и что продолжает жить, сохраняясь в коллективной памяти, в Мы-образе группы, меняется или теряет свой смысл, если изменяется идентичность группы, а тем самым и ее Мы-образ.

Применительно к собственной групповой идентичности и, в самом широком смысле, к собственному социальному габитусу у людей нет свободы выбора. Его нельзя просто поменять, как одежду.

Норберт Элиас

Нина Хайлова

ЛЮДИ ИЗ ПРИМЕЧАНИЙ.

«В КАДЕТСКОЙ ПАРТИИ
Я БЫЛА СВОЕГО РОДА
ENFANT TERRIBLE»¹

АКТУАЛЬНЫЙ АРХИВ

УДК
929

The article is devoted to a little-known page of A.V.Tyrkova-Williams' biography (1869-1962). A.V.Tyrkova-Williams was a public and political figure of pre-revolutionary Russia and the Russian emigration and died 50 years ago in Washington. The peculiar position this lady held in the Central Committee of the CD party as well as the analysis of her publications in 'The Russian Buzz' (Saint-Petersburg, December 1912 – August, 1913) (Tyrkova-Williams was the unofficial editor-in-chief of the newspaper) allows the author to characterize her as a major figure of the centrist current in the Russian liberalism (tentatively speaking, between members of the CD party and members of the 'Union of 17 October' party) that jelled in events of the Russian Troublous Time of the early 20th century).

Ключевые слова: А.В.Тыркова; «Русская молва»; центризм в русской либеральной мысли и практике.

Key words: A.V.Tyrkova; 'The Russian Buzz'; centrism in the Russian liberal thought and practice.

E-mail: nkhalova@yandex.ru

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 10-01-00168а.

Различия (иногда довольно существенные) в программных и тактических взглядах внутри одной политической партии, в том числе на уровне ее руководства, – характерная примета российской многопартийности начала XX века, когда политическая жизнь в стране по существу только зарождалась. Процесс партийного строительства в ту эпоху отразил многообразие подходов к решению российских проблем, формировавшееся в рамках освободительного движения на протяжении пореформенного периода и вовсе не ограничивавшееся тремя хрестоматийно известными направлениями в развитии отечественной общественной мысли.

Что касается русского либерализма, то проблема его разнородности была осознана еще в 1870-е – начале 1880-х годов. К примеру, председатель московской уездной земской управы В.Ю.Скалон, свидетельствуя о наличии уже тогда разных типов либералов², подчеркивал неизбежность в будущем образования в России нескольких политических партий либеральной ориентации. Вместе с тем реально задача партийного строительства встала перед русскими либералами лишь в первые годы XX столетия. Наиболее показательным в ее решении признан опыт Конституционно-демократической партии³. Однако констатация данного факта вовсе не ставит точку в исследовании проблемы поиска оптимальной для России модели либеральной партии. К тому же, по признанию современников, этот процесс так и остался незавершенным к 1917 году.

**ЛИБЕРАЛЫ-ЦЕНТРИСТЫ:
МЕЖДУ КАДЕТАМИ
И ОКТЯБРИСТАМИ**

На наш взгляд, рассматривать данный вопрос следует в более широком контексте, с учетом опыта центристского («умеренно-прогрессивного») течения в либерализме, последовательно выкристаллизовав-

² От «аристократически-буржуазных» конституционалистов до народников, готовых, по его словам, «вздернуть на осину всякого, кто не носит лаптей и армяка» (Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Ф.1772. Оп.1. Ед.хр.1. Л.2).

³ Думова Н.Г. *Кадетская контрреволюция и ее разгром*. М., 1982; *Ее же. Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции*. М., 1988; Канищева Н.И. *Конституционно-демократическая партия // Российский либерализм середины XVIII – начала XX века: Энциклопедия*. М., 2010; *Модели общественного переустройства России. XX век*. М., 2004; Шелохаев В.В. *Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг.* М., 1983; *Его же. Либеральная модель переустройства России*. М., 1996; и др.

шегося в событиях русской Смуты начала XX столетия. Это течение, объективно тяготевшее к кадетам как наиболее крупной «левоцентристской» силе, в то же время не сливалось с «генеральной» линией этой партии. Идеи либерального центризма, с одной стороны, «прорастали» на правом фланге партии П.Н.Милюкова (который сам был ближе к ее левому крылу). С другой стороны, лидерами данного течения стали такие патриархи русского либерализма, как, например, М.М.Стасюлевич, К.К.Арсеньев, А.С.Посников, И.И.Иванюков, А.И.Чупров, а также крупные научные и общественные авторитеты из когорты более молодого поколения, среди которых особое место принадлежало М.М.Ковалевскому. Эти деятели выстраивали собственную политическую стратегию, расставляя свои (в отличие от кадетов и октябристов) акценты в программе либеральных реформ. Первым опытом политического самоопределения либералов-центристов стала Партия демократических реформ (ПДР), которую можно считать предтечей таких общероссийских партий, как Партии мирного обновления и прогрессистов.

Прежде всего, целью либералов-центристов было не только коренное обновление, но и *укрепление российской государственности*. Характерный пример: если в кадетской программе под «первым номером» был помещен раздел о правах человека, то программа ПДР открывалась разделом «Государственное устройство». Одной из основных либеральных ценностей «умеренные прогрессисты» всегда считали идею *патриотизма*, придавали большое значение формированию *национальной идеи*. Именно либералы-центристы первыми в среде оппозиции признали важную *роль религии, церкви* в общественном развитии и внесли весомый вклад в разработку данной проблемы. Они призывали политических деятелей всерьез реагировать на религиозные запросы русского общества, не ограничиваясь декларациями о свободе вероисповедания. Отмеченные особенности политической позиции либералов-центристов послужили поводом для констатации их «уклона» в консерватизм.

В то же время их взгляды отличались ярким демократизмом. Личным примером они показывали необходимость не на словах, а на деле быть ближе к народу, стремиться «сделать все возможное... для улучшения его положения...» (К.К.Арсеньев)⁴. Отсюда – особый акцент на социальных проблемах. Центристы убеждали либеральную общественность в том, что при разработке указанных вопросов (аграрно-

⁴ РГАЛИ. Ф.40. Оп.1. Ед.хр.14. Л.34 об.–35.

«В КАДЕТСКОЙ ПАРТИИ Я БЫЛА СВОЕГО РОДА ENFANT TERRIBLE»

крестьянского, рабочего, национального, женского, вопросов образования и т.д.) надо руководствоваться не отвлеченными теориями и партийными догмами, а «идти от жизни», ставить в центр интересы большинства народа. Своего рода «мастер-классом» для русских либеральных партий стала аграрная программа ПДР, которая оказала влияние на другие партии, в том числе в апреле 1906 г. была заимствована кадетами. Вполне закономерно, что за некоторыми из идеологов либерального центризма еще при жизни закрепился ярлык «народника», «социалиста» (кстати, до сих пор присутствующий в их характеристиках). Действительно, они (как, впрочем, и кадеты) не видели в России условий для существования «китайской стены» между либерализмом и социализмом. Но, с другой стороны, именно либералы-центристы раньше, чем кадеты, почувствовали опасность для России, исходящую «слева», и старались предостеречь общество от увлечения революционными идеями, считали «тупиком» путь террора и насилия.

«НАША ПАРТИЯ – ПРОСТО ПАРТИЯ ЗДРАВОВОГО СМЫСЛА»

Яркий демократизм либералов-центристов позволил современникам причислить их к так называемому «левому центру». Хотя сами они весьма скептически относились к попыткам «уложить» их общественно-политическую позицию в «прокрустово ложе» каких бы то ни было классификаций. Так, например, М.М.Ковалевский, характеризуя ПДР, заявлял: «Нашу партию нельзя считать ни правым, ни левым крылом, ни тем более центром. Поэтому вполне неправильно утверждение, что наша партия представляет правое крыло конституционно-демократической партии, а по некоторым вопросам даже левое крыло социал-демократической партии. Наша партия – просто *партия здравого смысла*, в том значении этого слова, что она признает необходимым считаться с историческим прошлым...»⁵.

Ядром тактических убеждений либералов-центристов был лозунг «В единении – сила!» Их лидеры проявили себя блестящими политиками-коммуникаторами, успешными в наведении «мостов доверия» со всеми, кто был искренне заинтересован в сотрудничестве с ними на широкой «умеренно-прогрессивной» платформе. Собирающие под «свои знамена» здоровых общественных сил либералы-центристы осуществляли как по «горизонтали», «протягивая руку» деятелям общественного движения,

⁵ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф.1071. Т.ХIII. Л.130: 570–571.

принадлежавшим к разным политическим лагерям, так и по «вертикали», выходя на контакт с представителями властных структур. Вполне закономерно, что именно в русле центристского течения в самом начале XX в. последовательно и органично «выкристаллизовывалась» идеология национал-либерализма. Свой вклад в этот процесс внесла и Ариадна Владимировна Тыркова (1869–1962)⁶ – представительница плеяды первых женщин-политиков в России, а после эмиграции (1920) крупная фигура Русского Зарубежья. Профессиональная журналистка, она оставила обширное публицистическое наследие, а кроме того, заявила о себе как блестящий литератор – автор мемуаров⁷, одного из лучших исследований биографии А.С.Пушкина⁸, художественной прозы. Происходившая из древнего дворянского рода, Тыркова еще в детстве, под влиянием матери, «убежденной шестидесятницы», усвоила ценности, предопределившие ее восприимчивость к идеям либерализма (уважение к личности, свободомыслие, гуманизм). Со временем в ее мировоззрении усилились своего рода консервативные «ноты» (склонность к более осторожному и взвешенному пути преобразования социально-политического строя, сохранению лучших культурных и исторических традиций)⁹.

**А.В.ТЫРКОВА –
«ЕДИНСТВЕННЫЙ МУЖЧИНА
В КАДЕТСКОМ ЦК»**

Являясь одним из организаторов и лидеров Конституционно-демократической партии, Тыркова в период с апреля 1906 до марта 1917 года оставалась единственной женщиной в составе кадетского ЦК. «Я счи-

⁶ В 1906 г. вышла замуж за Г.Вильямса, английского журналиста, корреспондента ведущих газет, в том числе «Times», после чего носила двойную фамилию – Тыркова-Вильямс.

⁷ Тыркова А. *На путях к свободе*. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952 (2-е изд.: London: Overseas Publications Interchange, 1990; переизд.: М.: Московская школа политических исследований, 2007); *Ее же. То, чего больше не будет*. Париж: Возрождение, 1954 (2-е изд.: То, чего больше не будет: Воспоминания известной писательницы и общественной деятельницы А.В.Тырковой-Вильямс (1869–1962) / Предисл. В.В.Шелохаева. М.: СЛОВО/SLOVO, 1998); *Ее же. Подъем и крушение // Возрождение*. 1956. №51–53, 55, 57; 1957. №74.

⁸ Тыркова А. *Жизнь Пушкина*. [В 2 т.] Париж: IMCA-Press, 1929–1948; То же. М.: Молодая гвардия, 1998 (Серия биографий: Жизнь замечательных людей). Неоднократно переиздавалась, последний раз в 2010 г.

⁹ Каницева Н.И. Тыркова Ариадна Владимировна // *Российский либерализм... Энциклопедия*. С.961–962.

«В КАДЕТСКОЙ ПАРТИИ Я БЫЛА СВОЕГО РОДА ENFANT TERRIBLE»

таю себя счастливой, что столько лет жила в центре партии, которая по своему составу, обычаям, приемам служила показателем того, чем может и должна быть политическая партия», – заключала она на склоне лет¹⁰. Вместе с тем это признание было далеко от лакировки действительности и вовсе не противоречило данному ею же критическому анализу деятельности кадетов и их лидера – П.Н.Милюкова.

Характерно, что выступление «с открытым забралом» Ариадна Владимировна позволила себе не только спустя много лет после бурной политической деятельности в России. Независимость суждений, смелость и открытость в отстаивании собственной позиции всегда были «фирменным стилем» этой уникальной женщины-политика – одной из ярких представительниц правого, либерально-консервативного, «крыла» в Конституционно-демократической партии. Темперамент оратора, безупречная логика, цельность и твердость характера, умение убеждать и побеждать – все это не только обеспечило ей авторитет в партии, но и послужило основанием для утверждения остроловов, что Тыркова – «единственный мужчина в кадетском ЦК». Как о само собой разумеющемся, она заявляла, что «политик иногда должен действовать засуча рукава, задавать хорошие встряски своим и чужим»¹¹. «Свое место в партии я нашла... по-женски, не подражая мужчинам... Иногда догадкой, чутьем, пристальным вниманием к людям я схватывала больше, чем мои ученые товарищи, особенно больше, чем Милюков. Оттого во фракции и в ЦК, если случались споры, мне чаще всего приходилось спорить с ним. Я была своего рода enfant terrible, хотя из ребячества давно вышла»¹².

Одним из проявлений «недисциплинированности» Тырковой стало ее согласие возглавить (хотя и неофициально) новую ежедневную столичную газету «Русская молва», выходившую в Петербурге с декабря 1912 по август 1913 г. Благодаря этому опыту она вошла в отечественную историю еще и как первая женщина-редактор крупного общероссийского издания. «Костяк» редакции составили правые кадеты и лидеры Партии прогрессистов¹³.

¹⁰ Тыркова-Вильямс А. *На путях к свободе: [мемуары]*. М.: Московская школа политических исследований, 2007. С.356.

¹¹ Там же. С.368.

¹² Там же. С.372.

¹³ А.И.Коновалов, И.Н.Ефремов, П.Б.Струве, М.М.Ковалевский, Н.Н.Львов, А.С.Посников, Е.Н.Трубейской, В.А.Маклаков, М.В. Челноков, Д.Д. Протопопов и др.

**А.В.ТЫРКОВА В «РУССКОЙ
МОЛВЕ»: НУЖНО «СОБОРНОЕ
НАПРЯЖЕНИЕ ВСЕНАРОДНЫХ
СИЛ»**

Тема «Тыркова и "Русская молва"» до сих пор не нашла должного отражения в историографии¹⁴. Вместе с тем данный сюжет является важной страницей как в биографии этой

незаурядной женщины, так и в истории либерального центризма в целом. На редакционных совещаниях, нередко проходивших на квартире у Тырковой, была выработана программа газеты, «гвоздем» которой стала идея «соборного напряжения всенародных сил» с целью формирования конституционного и демократического строя в России. На какие социальные слои можно было прежде всего рассчитывать в этом многотрудном деле? Тыркова и ее соратники выносили «за скобки» процесса государственного творчества верхи отечественной аристократии – «чужеземцев» в своей стране, подчеркивая существенное отличие русской знати от «французской, немецкой, в особенности от английской аристократии, которая всеми корнями врастает в английскую почву»¹⁵. В качестве авангарда новой России рассматривались разночинная интеллигенция («живая душа России») и социально ориентированные предприниматели. Бизнес, по убеждению членов редакторского круга «Русской молвы», должен был стать «площадкой» для реализации хозяйственного творчества, прежде всего, выходцев из народа¹⁶.

¹⁴ Каницева Н.И. А.В.Тыркова // Воспоминания о будущем. М., 1997. Вып.2; Карбанова А.М. А.В.Тыркова – женщина-лидер кадетской партии: особенности социализации и политической карьеры // Женщина в российском обществе: Российский научный журнал. Иваново: Ивановский государственный университет, 2005. №3/4 (36–37). С.60–72; Михайлов О.Н. «Два чувства дивно близки нам...» (Об А.В.Тырковой-Вильямс) // Тыркова-Вильямс А.В. Жизнь Пушкина. М., 1999. Т.1. С.8–25; Новикова Н.В. «Паладин Свободы» – А.В.Тыркова-Вильямс // Культурное и научное наследие российской эмиграции в Великобритании (1917–1940-е гг.). Материалы Международной научной конференции, 29 июня – 2 июля 2000 г.: [Сборник]. М., 2002. С.207–218; Новикова Н.В. Всероссийский союз равноправия женщин (1905–1914): К вопросу о характере русского феминизма // Гендерные истории Восточной Европы: [Сб-к науч.ст.] / Колл. авт.; ред. Е.И.Гапова. Минск, 2002. С.87–98; Черниговский Д.Н. А.В.Тыркова-Вильямс об общественно-политических взглядах Пушкина // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Киров, 2008. №3 (2). С.170–173; Шелохаев В.В. Ариадна Владимировна Тыркова // Вопросы истории. 1999. №11–12. С.67–81; Его же. Ариадна Владимировна Тыркова: «Социалисты сделали из моего отечества огромное опытное поле для своих догм и теорий» // Российский либерализм: идеи и люди / Под общей редакцией А.А.Кара-Мурзы. М., 2007. С.737–744; и др.

¹⁵ Тыркова А. Чужеземцы // Русская молва. 1913. 15 марта. №93.

¹⁶ Эту новую для традиционного интеллигентского сознания в России идею – идею «на-

**«РУССКИЙ СВЕТ НЕ СОШЕЛСЯ
КЛИНОМ
НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ДУМЕ...»**

Рассматривая народный энтузиазм как важнейшее условие успеха преобразований, ведущие авторы «Русской молвы» стремились переломить господствовавшие в массах

настроения – уныние, «унизительное чувство нашей беспомощности», «предрассудок исторического фатализма», убежденность в том, что, мол, «от нас ничего не зависит». Газета призывала общество очнуться от «спячки» и стать «кузнецом своего счастья», деятельно участвовать в формировании «нового человека» – человека той культуры, которая на Западе определила лицо гражданского общества. Признавая народное представительство в России «одним из драгоценнейших наших национальных сокровищ», Тыркова в то же время подчеркивала, что «русский свет не сошелся клином на [Государственной] Думе... За стенами Таврического дворца живут миллионы, которые тоже могут и тоже обязаны устраивать и налаживать как свою жизнь, так и жизнь великого коллектива, именуемого Россией. На каждом шагу ждет нас всех эта громадная, насущная работа». Не стоит поддаваться соблазну переменить «всё и сразу», «с одного маху», надо иметь мужество понять, что «реальные условия ведут нас к необходимости будничной работы по обустройству русской жизни», – терпеливо разъясняла она. Пора отказаться от «старомодного схоластического» деления общественных дел на «великие» и «малые» и признать за последними великую преобразующую роль, – эта мысль проходила «красной нитью» в публицистике Тырковой.

**«В ЖИВОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ
– ОДИН ИЗ САМЫХ ВЕРНЫХ
ИСТОЧНИКОВ РАДОСТИ
БЫТИЯ...»**

Отдавая должное трудам предшественников («наша интеллигенция умела проявлять добрую волю, работая на голоде, и на чуме, и на холере»), редактор «Русской молвы»

настойчиво обращала внимание на массу другой работы, не требовавшей особых героических усилий, но ничуть не менее значимой. По ее убеждению, важнейшей сферой «энергичного общественного вмешательства» должно стать воспитание подрастающего поколения, «в кото-

родного капитализма», а также мысль о предпринимательстве, как важной общественной силе, развивал на страницах «Русской молвы» А.М.Рыкачев – крупный экономист, социолог, публицист начала XX в., ныне почти забытый (См.: Хайлова Н.Б. Андрей Михайлович Рыкачев // Вопросы истории. 2011. №11. С.48–71).

ром зреет зерно завтрашней России». Рассматривая в качестве примера организацию «внешкольного надзора за подростками, брошенными на произвол улицы», Тыркова предлагала «втягивать» в это дело студентов. Ведь они, чтобы стать полноценными гражданами, должны еще на вузовской скамье научиться не только «вбирать в себя знания», но и делиться ими. «Чем раньше человек научится давать себя, тем крепче связывается он с великим целым», – подчеркивала она. Кроме того, в живой общественной работе многие юноши и девушки могли бы обрести надежную жизненную опору, избавившись таким образом от «проблемы века» – «черной власти пессимизма», корни которого в «неумение разомкнуть кольцо проклятой замкнутости в себе». «Толкните их на простор живой общности, и пусть ищут в ней один из самых верных источников радости бытия», – с таким призывом обращалась «Русская молва» к наставникам молодежи¹⁷.

**«ВСЕ, ЧТО ЕСТЬ В РОССИИ
ХОРОШЕГО И ДУРНОГО, ВСЕ
ЭТО НАШЕ, ЗА ВСЕ ЭТО МЫ
НЕСЕМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ»**

Журналистская «команда» Тырковой также развивала мысль о том, что общество не должно «зацикливаться» исключительно на критике властей. Для успеха реформ важна

еще и готовность самого общества разделить вместе с правительством ответственность за все «нестроения» русской жизни. «Борьба партий и борьба классов неизбежны у нас, как и везде. Но помимо и поверх этих антагонизмов должно зародиться и уже зародилось и развивается сознание государственного единства», – обнадеживала читателей редакция газеты. А потому «все, что есть в России хорошего и дурного, все это наше, за все это мы несем ответственность. ... Все это соединено с нами внутренней связью органического родства. Русская армия – это не чуждая нам, обособленная каста, а наша армия. Русский суд – это не "шемякин суд", а наш суд, одно из проявлений нашего родного духа, искаженное извне, но здоровое внутри. Русское внешнее могущество – это не тщеславная прихоть бюрократии, эта наша сила и наша радость»¹⁸. Подобный настрой ведущих сотрудников «Русской молвы», обозначенный в программном заявлении газеты, был тогда новаторским в русской либеральной среде, где «тон» задавало кадетское руководство во главе с П.Н.Милюковым.

¹⁷ См.: Тыркова А. Голос жизни // Русская молва. 1913. 6 февраля. №57.

¹⁸ [От редакции] // Русская молва. 1912. 9 декабря. №1.

«В КАДЕТСКОЙ ПАРТИИ Я БЫЛА СВОЕГО РОДА ENFANT TERRIBLE»

Развитие «по нарастающей» событий Первой Балканской войны (сентябрь 1912 – май 1913 г.), совпавшее с началом издания газеты, сподвигло Тыркову прежде всего высказаться по проблемам национализма и патриотизма. Пойдя наперекор «левым» настроениям, она открыто проповедовала идею о мессианской роли России, была солидарна, в частности, с мнением князя Е.Н.Трубецкого, убеждавшего в том, что «политика должна определяться национальной идеей»¹⁹.

Горячая сторонница «славянского единения», Тыркова приветствовала общественную акцию – День славянского флага, который был устроен в декабре 1912 года в Петербурге с целью сбора денежных средств в пользу раненых на Балканах славян – участников похода союзных войск Болгарии, Греции, Сербии и Черногории против Турции. Вступив в спор с большевиками, протестовавшими против подобной общественной инициативы, она писала: «Отмахнуться от героического подъема союзников, не понять его именно освободительного значения, могут только те, кто не видит и не знает, какую нестерпимую муку правительственного гниения, давнего произвола, закоренелого непризнания какой бы то ни было законности, в особенности по отношению к немусульманскому населению, терпели христиане тех областей, где эту осень прошла победоносная славянская армия. Неужели страх перед национальной идеей вообще и перед славянской идеей в частности так велик, что ради него можно и должно забывать основные права человека и гражданина? Ведь это... реальный и неопровержимый факт жизни, что именно эти общечеловеческие правовые лозунги заставили небольшие и небогатые балканские народы так дружно и так победоносно двинуться против своих вековых врагов»²⁰.

Решительно отвергла Тыркова обвинения со стороны большевиков в адрес либералов, которые, участвуя в упомянутой акции, якобы призывали «к борьбе Креста с Полумесяцем»: «Это постановка не только недопустимая, но положительно непристойная. Христос и Магомет, Будда и Моисей воплощают в себе те религиозные искания и достижения, ту ненасытную жажду абсолютной истины, которую утолять кровью могли только дикари. Войной утверждать их – значит не ощущать

¹⁹ Трубецкой Е.Н. Национализм и космополитизм // Московский еженедельник. 1910. № 6. 6 февраля. Стлб. 6.

²⁰ Тыркова А. Славянский день // Русская молва. 1912. 12 декабря. №4.

их в своей душе. Если Крест и Полумесяц должны бороться между собой, то это будет борьба идей, а не пушек»²¹.

**«ЛЕГКО И КРАСИВО
ВЫКИНУТЬ ЛОЗУНГ – "ДОЛОЙ
ВОЙНУ!"...»**

Показательным является также отношение Тырковой к лозунгу социал-демократов «Долой войну!». Редактор «Русской молвы» отстаивала допустимость использования

физической силы для обеспечения торжества «нравственного права» (идей законности и свободы): «Легко и красиво выкинуть лозунг – долой войну! Да, война – это ужасная и отвратительная вещь. Да, милитаризм – бич и язва современного социального строя. Но неужели человечество уже так высоко поднялось, что мы имеем право не только провозглашать принцип непротivления злу, но и требовать его применения от тех народов, кого это зло еще держит за горло так цепко, как держали турецкие каймакамы и мундиры болгарских и сербских крестьян»²².

**«...ПРИВЫЧНОЕ ОТВРАЩЕНИЕ
К ЗАКОНУ... РАЗРУШАЕТ
ГОСУДАРСТВО, В КОРНЕ
РАЗВРАЩАЕТ НАРОД»**

Со страниц «Русской молвы» Тыркова призывала обратить внимание на опыт, который Россия должна была извлечь из турецких событий, где революция не оправдала надежд

на обновление, в том числе не создала достойных условий жизни для народов, живущих на территории этого государства. Характеризуя даже самых прогрессивных из числа пришедших к власти в Турции реформаторов (младотурков), она замечала, что законность, воспринимаемая как «привесок, необходимое украшение для приличных парламентариев», не являлась основой их политического мирозерцания. «Турция дает нам, русским, ужасающий урок того, как привычное отвращение к закону, впитавшееся во весь организм государственный, ставшее частью народной психологии, совершенно разрушает государство, в корне развращает народ»²³.

События Первой Балканской войны дали Тырковой повод еще раз обратить внимание на важность национального вопроса как в государственной политике, так и в программах политических партий. Под впе-

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же.

«В КАДЕТСКОЙ ПАРТИИ Я БЫЛА СВОЕГО РОДА ENFANT TERRIBLE»

чатлением от посещения редакции одной из армянских газет в Турции, Ариадна Владимировна «с чувством гордости» подчеркивала общность «интеллигентской культуры» русских и армян – ее яркую демократическую направленность. В то же время «чувством горечи» пронизаны слова Тырковой о политике «той официальной России, которая конфисковала армянские церковные земли и вздвухвала процесс дашнакцутюнов и упрямо старалась отвратить от нашей государственности армян наравне с другими иноплеменниками». Ариадна Владимировна с упреком обращалась к деятелям оппозиции: «Но ведь и другая Россия, неофициальная, только занесла армян в гуманитарные скобки угнетенных народностей, которым надо вообще все предоставить, а что предоставить и что им надо, – это так в тумане и осталось»²⁴.

НАДО РАБОТАТЬ НА ПЕРСПЕКТИВУ!

На страницах «Русской молвы» были обозначены основные точки приложения сил общественности в строительстве новой России. Идеологи издания смотрели «в корень»,

предлагая работать на перспективу. Прежде всего, они настаивали на необходимости обеспечения достойного положения женщины-матери – воспитательницы будущих поколений. Именно защиту «материнского начала, растоптанного современными государственными и экономическими условиями», борьбу за превращение «бабьей доли» в подлинную человеческую жизнь сама Тыркова считала главным смыслом феминистского движения в России, ускользавшим от понимания многих «даже сравнительно образованных и гуманных» людей²⁵. Отсюда – настойчивое желание поставить вопросы женского образования на одно из первых мест в обеспечении женского равноправия. Реализацией этого стремления стала, в частности, ее воодушевленная деятельность в качестве одного из организаторов 1-го Всероссийского съезда по образованию женщин (1912). Тыркова разделяла мнение графа И.И.Толстого²⁶, полагавшего, что «вопрос об образовании женщин есть вопрос об образовании общества», а «грамотность женщины из народа – серьезная гарантия грамотности народа, ибо если может забыть научить грамоте

²⁴ Вергежский А. [Тыркова А.]. Армяне и мы // Русская молва. 1912. 20 декабря. №12.

²⁵ Тыркова А. Женский день // Русская молва. 1913. 17 февраля. №68.

²⁶ Председатель организационного комитета съезда и один из видных либералов-центристов.

своих детей грамотный отец, то почти никогда не забудет об этом грамотная мать»²⁷.

**«ВОПРОС ОБ ОБРАЗОВАНИИ
ЖЕНЩИН ЕСТЬ ВОПРОС
ОБ ОБРАЗОВАНИИ
ОБЩЕСТВА»**

Либералы предлагали решать проблему приобщения женщин к образованию комплексно, заявляя о необходимости отказа от дискриминации по признаку пола при приеме

желающих как в начальные школы, так и в вузы. В связи с этим Тыркова подвергла сокрушительной критике проект Министерства просвещения, согласно которому предлагалось только «приоткрыть» двери университета перед женщиной: «Да и то не университетов вообще, а только Томского, и не перед русской женщиной, а только перед "сибирской"». Усмотрев в этом документе «то же ожесточенное дробление единой Российской империи на отдельные области, губернии и сатрапии, управляемые отдельными циркулярами и приказами, которое составляет одну из самых антигосударственных задач наших администраторов», известная публицистка заключала: «Входить в университет бочком, в чуть приоткрытую дверь, неместно для русской женщины, которая давно имеет право на открытый и полный доступ в высшую школу»²⁸. Достойным примером для подражания в России она считала своего рода «женскую революцию» в Англии, характеризовала борьбу женщин за свои права в этой стране как «совершенно беспримерную в истории»²⁹.

**ОТБРОСИТЬ «СТАРЫЙ,
ЛИЦЕМЕРНЫЙ ВЗГЛЯД,
ЧТО ЭТО ДЕЛО НЕ НАШЕ...»**

Рассматривая с разных сторон положение своих соотечественниц, Тыркова неизменно привлекала внимание общества к необходимости борьбы с проституцией («пережитком рабства»), прежде всего с вовлечением в это занятие малолетних.

Она призывала отбросить «старый, лицемерный взгляд, что это дело не наше, что о таких непристойных вещах лучше помалкивать»³⁰.

²⁷ Накануне женского съезда. У председателя организационного комитета 1-го Всероссийского съезда по образованию женщин // Русская молва. 1912. 19 февраля. №11.

²⁸ Тыркова А. Приоткрытые двери (о праве женщин на высшее образование) // Русская молва. 1912. 19 февраля. №11.

²⁹ Тыркова А. Женская революция // Русская молва. 1913. 13 января. №33.

³⁰ Тыркова А. Выгодное ремесло // Русская молва. 1913. 20 января. №40; Ее же. Пережи-

«В КАДЕТСКОЙ ПАРТИИ Я БЫЛА СВОЕГО РОДА ENFANT TERRIBLE»

Безусловным приоритетом государственной политики и общественной деятельности редактор «Русской молвы» считала заботу о подрастающем поколении. Значительное место на страницах этой газеты было уделено проблемам школьного образования. «Сознательное отношение к своим правам и обязанностям, которое является необходимым условием правильного развития общества и государства, возможно только в той стране, где народ грамотен, где много школ и школ надлежаще поставленных, где известный уровень образования – достояние всех»³¹, – эта мысль вообще была своеобразным камертоном либеральной публицистики начала XX века.

Наряду с этим, и другие идеи, прозвучавшие на страницах «Русской молвы», не утратили актуальности в наши дни. Речь идет, в частности, об обосновании Тырковой тезиса о важности гуманитарной составляющей в образовании. Она выступила с критикой традиционного для «сознательного русского интеллигента» взгляда, согласно которому главной ценностью является «точное» знание, а значит, цель образования – научить человека еще в детстве жить исключительно «по логике, разуму». Но «в пределах тесно-рассудочных», – обращала внимание Тыркова, – нет места воображению, которое необходимо не только для художественного и научного творчества, но и «для всей жизни – и для отдельных личностей и для масс». «Думается мне, – убеждала она, – что молодая душа, с детства впитавшая в себя сладкую привычку грезить, окружать себя вымышленными, но милыми образами, не так беззащитна перед жестокостью и безобразием реальности, как душа, вымуштрованная на "точном" знании». По ее убеждению, и общество в целом нуждается в «жизнеспособных людях, не потерявших свежести восприятия и способности соприкасаться с глубокими источниками бытия»³².

**НАУЧИТЬ ЧЕЛОВЕКА ЖИТЬ
ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО
«ПО ЛОГИКЕ, РАЗУМУ»
– МАЛО...**

Тыркова провидчески замечала, что для решения мировых проблем, обозначившихся в начале XX столетия, необходимо «громадное напряжение фантазии», поскольку именно фантазия позволяет людям «гуманитарного мышления» подходить к решению сложных проблем «с другого конца», т.е. используя дар пред-

ток рабства // Там же. 1 марта. №79.

³¹ *Накануне женского съезда.*

³² *Тыркова А. Сказка // Русская молва. 1913. 23 января. №43.*

видения. «И горе той стране, – предупреждала она в январе 1913 г., – где государственные люди и общественные деятели, и вообще все сколько-нибудь активные элементы народные, лишены этого дара предвидения, где они замкнулись в узкой келье маленькой, бессильной рассудочности. Сухим и тесным путем поведут они свою родину, не распахнут перед ней ни широких горизонтов, ни творческих и героических возможностей»³³.

Способна ли была русская школа в начале XX столетия ответить на «вызовы времени»? Тыркова отрицательно отвечала на этот вопрос. Возможность для развития мыслей по данному поводу ей не раз представляла сама жизнь, в том числе разразившийся в самом начале 1913 г. скандал вокруг 34 учащихся гимназии Витмара в Петербурге, получивший большой общественный резонанс. Учащиеся были обвинены в «политической неблагонадежности» – издании журнала, в некоторых формулировках которого власти усмотрели покушение на государственные устои, что было приписано к конспиративной деятельности. Гимназистов арестовали, допрашивали, судили. В результате многие из них оказались «за бортом» учебного заведения. Тыркова прежде всего отмечала неадекватность реакции властей на проявление вполне естественных «общественных инстинктов» молодежи, предупреждала о том, что отрицание за юношеством права общаться между собой – это «верный способ разжигать и поддерживать среди молодежи революционное и непримиримое настроение», загонять подростков в подполье³⁴.

В то же время она не снимала ответственности за случившееся и с самой школы, где царил атмосфера «казармы», а в преподавании – «мертвечина и схоластика». Более того, Тыркова призывала также общественность в лице родителей и родительских комитетов признать за собою долю вины. По ее убеждению, пассивность родителей, их самоустранение от школьных проблем – явления, совершенно недопустимые. «Сверху, от начальства, дан простой пароль – обезличивать и мертвить. Снизу, от семьи, нет никакого противодействия этому паролю, – без обиняков обозначала Тыркова опасные тенденции. – ...В массе, толще родительской, сидит глубокая уверенность, что хороша или плоха школа, но они тут ни при чем... Наша хата с краю. ...Отцы и матери в лучшем случае читают и возмущаются, а в худшем просто идут мимо этих давно надоевших тем и читают – кто про царя Ферди-

³³ Там же.

³⁴ Тыркова А. Преступница // Русская молва. 1913. 25 января. №45.

«В КАДЕТСКОЙ ПАРТИИ Я БЫЛА СВОЕГО РОДА ENFANT TERRIBLE»

нанда, а кто про рысака Зозулю, сделавшего пробег в 2 мин. 33½ сек.»³⁵. На данном примере Тыркова в который раз проводила мысль о необходимости «взросления» русского общества, веры его в свою силу и возможности. «Что бы ни случилось, – писала она, – идет ли дело о запущенности городского хозяйства, о школе или о каком-нибудь ином нашем неблагоустройстве, мы всегда во всем виним правительство, административный произвол, в крайнем случае, плохие законы». Но на самом деле в любой ситуации многое зависит от самих людей, которые просто обязаны «в пределах наличных возможностей» сделать все, «чтобы улучшить, выпрямить, украсить русскую жизнь»³⁶.

СДЕЛАТЬ ВСЕ, «ЧТОБЫ УЛУЧШИТЬ, ВЫПРЯМИТЬ, УКРАСИТЬ РУССКУЮ ЖИЗНЬ»

«Высвечивая» в своей газете мысль о великой роли общественности, конкретных людей в изменении жизни, Тыркова рассматривала вопрос с разных сторон. По ее словам, весьма

показательным являлся пример московского городского самоуправления. Возглавляемое в ту пору известным общественным деятелем Н.И.Гучковым, оно оказалось гораздо более эффективным, чем столичное. Как отмечала Тыркова, именно определенного «склада» люди (члены городской Думы и их помощники – предприниматели-благотворители, горячо откликавшиеся на общественные дела) сумели «вливать жизнь и движение в мертвые уставы городского положения». «Москва вообще во многом лучше Петербурга. Есть в ней какая-то крепкая и деятельная культурная традиция, которая захватывает не только тонкий слой радикальной интеллигенции, но расходится вглубь и вширь. Это сказывается и на городском управлении... Это отражается и на просветительской щедрости московских богачей. Недаром и Шанявский, и Третьяков, и Шахов – москвичи. Конечно, это отдельные личности, и нельзя, встретив богатого петербуржца, сказать ему – будьте Шаховым!.. Но можно и должно сказать рядовым петербуржцам, что москвичи опередили нас, что надо нам брать с них пример, поучиться у них, как работать»³⁷.

Своего рода подтверждением мысли Тырковой об исключительной роли личности в истории стала и судьба самой «Русской молвы». Проблемы с подбором ведущих авторов, преследовавшие редакцию с само-

³⁵ Тыркова А. Больной вопрос // Русская молва. 1913. 27 января. №47.

³⁶ Там же.

³⁷ Тыркова А. Голос жизни.

го начала, со временем еще более обострились. А вскоре и Тыркова вынуждена была покинуть Россию. Так что последние месяцы газета существовала без ее «присмотра», что и стало одной из серьезных причин «незадавшейся» судьбы «Русской молвы». К тому же направление издания не находило достаточно широкого отклика в стране. Все это, однако, не повлияло на убеждения самой Тырковой, которая, до конца своих дней сохранив благодарные воспоминания о пребывании в кадетской партии, всегда в значительной степени тяготела именно к либеральному центризму. Ее единомышленников – идеологов данного течения – было не так много. Но, как представляется, в «коллективной стихии национальной жизни»³⁸ они чутко уловили глубинные тенденции будущего развития, видели свою «сверхзадачу» в том, чтобы, невзирая ни на что, «сознательно участвовать в национальном творчестве и самосозидании, вложить свою долю разумной энергии в творческое осуществление национального бытия»³⁹.

**«Я НЕ ВЕРЮ В ПРЕЖНИЕ
РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПУТИ...»**

Тыркова была из той же когорты, что ее кумир А.И.Герцен. «Он не боялся плыть против течения и бесстрашно шел вперед, намечая те вехи, по которым позже должно

было пойти человечество. Он был западник, но в то же время знал, что только в союзе со славянским миром займет Россия подобающее ей место. Он был за науку, за прогресс, но против ломки русских устоев, которые видел в артели, в общине, в крепкой связи народа с землей», – Ариадна Владимировна была солидарна с этой оценкой Герцена, данной ему М.М.Ковалевским⁴⁰. В свою очередь, сама она в 1913 году задавалась риторическим вопросом: «И разве среди нас нет людей, которые могли бы с горечью повторить то, что написал в [18]69 г. Герцен Бакунину: "Ни ты, ни я – мы не изменили своих убеждений, но разное стали к вопросу. Ты рвешься вперед по-прежнему со страстью разрушения, которую принимаешь за творческую страсть... ломая препятствия и уважая историю только в будущем. Я не верю в прежние революционные пути и стараюсь понять шаг людской в былом и настоящем для

³⁸ *Которая, по словам С.Франка, «есть именно живой организм, неизбежно перерастающий все застывшие формы».*

³⁹ *Франк С.Л. Смерть А.М.Рыкачева // Русская мысль. 1914. Кн.ХП. С.186.*

⁴⁰ *Тыркова А. Памяти А.И.Герцена // Русская молва. 1913. 5 марта. №83.*

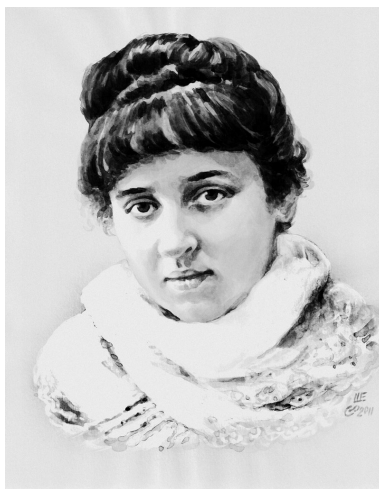
«В КАДЕТСКОЙ ПАРТИИ Я БЫЛА СВОЕГО РОДА ENFANT TERRIBLE»

того, чтобы знать, как идти с ним в ногу, не отставая и не забегая в такую даль, в которую люди не пойдут за мной, не могут идти. И еще слово. Высказать это в том кругу, в котором мы живем, требует если не больше, то, конечно, не меньше мужества и самостоятельности, чем брать во всех вопросах самую крайнюю крайность"»⁴¹.

**«ЧТО КАЖЕТСЯ СМЕШНЫМ
СЕГОДНЯ, ЗАВТРА СТАНЕТ...
ВАЖНЫМ ДЕЛОМ»**

Среди отзывов начала XX века о деятелях подобного типа, какими были лидеры либералов-центристов, есть и такой – «тени грядущего»...

И действительно – пророчески и поразительно современно звучат сегодня голоса многих из них, в том числе А.В.Тырковой. А слова одного из ее ближайших сподвижников, А.М.Рыкачева, вселяют и в нас надежду: «Кроме обстоятельств места, существуют и обстоятельства времени: что кажется смешным сегодня, завтра станет серьезной потребностью и важным делом»⁴².

А.В.Тыркова. Портрет выполнен по фотографии конца 1890-х годов

⁴¹ Там же.

⁴² [Рыкачев А.] Из иностранных экономических журналов // Народное хозяйство. 1903. №6. С.124.

Николай Митрофанов

**ТРИ СТОЛЕТИЯ
НОМЕНКЛАТУРНОЙ
ПЕРЕКЛИЧКИ**

АКТУАЛЬНЫЙ АРХИВ

УДК
351/354

In January of 1722 Czar Peter I affixed his signature on so called "Table of ranks". This original state act established three parallel ladders of ranks for civil, military, and court services in Russia. Components of the built vertical of ranks were united around the principle of permanent ascendancy of pretenders to certain peaks of bureaucratic career in accordance with length of personal service. Abrogation of this one of the most fundamental acts of autocracy was a natural sequence of revolutionary events of 1917. However the hidden impact of the ancient Czar's decree, a reminder of the governing role of transformation its logic introduced in the society and armed forces was in different degrees felt for a long time. Most likely, in new Russia specialists of various profiles will express the attention to the ancient text in order to draw relevant conclusions required for understanding of the past problems and issues of current practice of state government.

Ключевые слова: Табель о рангах; принципы построения; изменения в документе; современный статус служащих.

Key words: "The Table of ranks"; principles of construction; changes in document; the present-day status of state servants.

E-mail: russia21@ecc.ru

Чиновничий мир в постоянном внутреннем движении. Он с опаской ловит малейшие слухи о структурных новациях, рождающихся в высших кабинетах власти, о появляющихся в папках начальников, на первый взгляд, невзрачных предложениях по совершенствованию документооборота и шлифовке служебных отношений. Чиновники знают: за всем этим могут последовать внезапные отставки, обвальные выводы сотрудников за штат, на глазах раздувающиеся сомнения в полезности некоторых процветающих учреждений. Перемалывая долетающую информацию с собственными тревогами, взбудораженные службисты все более приходят в расстройство. Кое-кому и вовсе не по себе. Они без излишнего шума пересидели отведенные им сроки и держатся только благодаря своему непосредственному либеральному начальству. Неизбежная ротация кадров стряхнет много бедолаг, без веских поводов удерживающихся на насиженных местах.

Закон о госслужбе¹, силу которого в обществе многие склонны преувеличивать, не дает гарантий многим рядовым и средним по рангу служащим. Они попросту находятся за его пределами, ибо не принадлежат к узаконенным категориям, не прошли обязательных для безоблачной судьбы аттестаций. Хорошо, если в какой-то системе госслужбы сформулированы нормы и правила, регулирующие статус хотя бы немногих штатных единиц, устанавливающие, например, порядок выхода на пенсию. А если их нет? Поэтому поневоле наш чиновный люд тоскует о некоторых памятных по прошлому порядках, документах, устанавливавших льготы, наконец, о прибавках к пенсиям, об ощутимых процентах, отмечавших беспорочный трудовой стаж².

Ну что ж, говорить тут, наверное, есть о чем, предмет для участия в таком споре экономистов, политологов и прочих мудрецов налицо. Но сегодня хотелось бы начать разговор с весьма нестандартного сюжета.

Незаметно приближается весьма своеобразный юбилей – трехсотлетие создания в России собственной системы чинов и званий. Царственный

¹ Федеральный закон от 27 июля 2004 г. №70-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. №31. Ст.3215.

² Федеральный закон от 24 июля 2009 г. №213-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – Наряду с фундаментальными законодательными актами ряд ведомств использует при этом и другие документы, в той или иной степени «уточняющие» размеры выплат и льгот, о чем открыто, как правило, не сообщается.

реформатор Петр Великий, несомненно, рассматривал ее как один из центральных пунктов переустройства отечественных порядков. Неверность подданных, косо поглядывающих на наследников усопшего монарха Алексея Михайловича, заговоры в ближнем к престолу круге, витающие претензии на трон, предатели-стрельцы, мрачная, амбициозная сестра Софья, с которой еле удалось справиться... Слишком много обнаруживалось то здесь, то там неуправляемых людей, с которыми император вряд ли мог двигаться к намеченным целям. Формирование регулярной армии и безотказного госаппарата требовало в первую очередь жесткого укрепления престижа службы государю, снижения градуса поклонения «породе». Нужны были новые капитальные стимулы продвижения по служебной лестнице, правила его регулирования, огранка небывалой череды привилегий для преданных клеветов.

Царь не без их помощи обратил внимание на свежие законодательные акты Дании (1699) и Пруссии (1705), «прописывавшие» важные правовые линии кадрового структурирования воинской, штатской и придворной служб. Историкам еще предстоит разобраться, как постепенно в поле зрения порученцев Петра I входили интересующие его законы Англии, Франции, Швеции, Польского королевства и Венецианской республики. Однако факты неоспоримо свидетельствуют, что заметные подвижки в применении новых чинов в практике российского военного строительства, проявившиеся в самом начале XVIII столетия, были определенными пробами реформаторского пера самодержца. В ту пору начинается пока еще «деликатное» употребление званий действительного тайного и просто тайного советника, ими были пожалованы, например, после Полтавской победы князь Г.Ф.Долгоруков, а в 1718 году боярин И.А.Мусин-Пушкин.

Петр I явно осторожничал. Он не хотел перевозбудить своих скрытых противников. Даже тогда, когда документ под громоздким названием был подготовлен, государь предписал не публиковать его тотчас, а пропустить через Сенат: вдруг что-то сенаторы надумают усовершенствовать или изменить? Впрочем, те особенных возражений не высказали. И документ обрел законную силу. Его срочно напечатала сенатская типография³.

³ Табель о рангах всех чинов, воинских, статских, и придворных, которые в каком классе чины, и которые в одном классе, те имеют по старшинству времени, вступления в чин между собою однакож воинские выше протчих, хотя б и старее кто в том классе пожалован был. Печатано в Московской Типографии, лета Господня 1722, генваря в 30 день.

Петровский закон 1722 года делил каждую из служб на 14 рангов-классов. Главный гражданский чин – чин *канцлера* был явлением редчайшим. Он присваивался на протяжении XVIII–XIX веков лишь 11-ти историческим деятелям – от Г.И.Головкина (1709) до А.М.Горчакова (1867). Если заняться подробным изучением разделов/классов, можно столкнуться с множеством интересных смысловых поворотов внутри них, забавных противоречий и удивительных отражений, казалось бы, сугубо бюрократической темы в ткани многих произведений художественной литературы и мемуаристики, которые обретали свою бесспорную ценность у русской публики.

Высшие чины Табели (II–III классы) ввиду их немногочисленности использовались пишущей братией редко. Но зато метко. Знаменитый грибоедовский персонаж Фамусов почтительно вспоминает некоторых московских вельмож-старичков, говоря: «Прямые канцлеры в отставке – по уму!»

Тайный советник был персонажем более популярным. Но в каком смысле? В рассказе Льва Толстого «Смерть Ивана Ильича» выясняется, что главный герой, проживший пустую, бесполезную жизнь, и есть именно тайный советник. С его двойником можно встретиться в рассказе А.П.Чехова «Толстый и тонкий». Как только Тонкий узнает, что перед ним друг детства, дослужившийся до Тайного, этот коллежский асессор принимается беспардонно лебезить и пресмыкаться перед бывшим школьным приятелем. Вот тебе и влияние бюрократических нравов, культивировавшихся Табелю, сокрушается классик. А другой советник – статский, выведенный И.А.Гончаровым в «Обрыве», – бездельник Аянов, отягощенный большим окладом, не скрывает, что рвется из статских в *действительные* статские советники. Как не вспомнить тут надворного советника Поприщина из гоголевских «Записок сумасшедшего», пишущего: «Я разве из каких-нибудь разночинцев, из портных или из унтер-офицерских детей? Я – дворянин! Погоди, приятель! Будем и мы полковником... Дostatка нет – вот беда...» Знаменитый герой гоголевского «Носа» Ковалев никогда не называет себя коллежским асессором, а только майором. Уж больно хочется ему подчеркнуть, что его военный чин «главнее», хотя он также принадлежит к VIII классу. Русская драматургия донесла до нас и юмористический диалог, состоявшийся между повесой Досужевым и купцом Брусковым. Первый утверждает, что принадлежит к XV классу (которого вообще не было в природе!), на что его невежест-

венный собеседник вежливо реагирует словами: «Ну, садись, гостем будешь», вызывая гомерический хохот театрального зала.

Как свидетельствовали современники, немалые усилия уходили у власти на обуздание темпераментных и рьяных в своем напоре претендентов на чины. Постепенно исчезали всякие мелкие «корабельные» и «провинциальные» секретари. И тем не менее низших чиновников в России было пруд пруди. По свидетельству маркиза де Кюстина (1839), это были самые жестокие деспоты, алчно хозяйничавшие среди обывателей. «Из своих канцелярий эти незаметные тираны, эти деспотичные пигмеи безнаказанно угнетают население... Видя, как тирания чиновников подменяет собою деспотизм императора, содрогаешься от страха за эту страну», – писал наблюдательный знаток нашего отечества...

Между прочим, сам царь Николай I не знал, сколько же его клеветов в вицмундирах властвуют над его бесправными подданными. Только чуть позже удалось установить, что в конце 40-х годов XIX века в России было 61,5 тыс. классных чиновников. В 1902 году их было уже более 161 тыс. Примерно половина состояла в V–VIII классах, из них около 60% имели высшее образование⁴. Чиновников у нас всегда было тяжело сосчитать. Особенно трудно это делать сейчас. Меняется структура секторов управления, с госслужбой переплетаются корпоративные структуры и т.д. Тем не менее по данным Росстата выясняется: утолщение слоев бюрократов идет стремительными скачками. В 1999 году их было 485 тыс., сейчас – около 870 тыс. Причем за точность этих цифр вряд ли можно поручиться, не зная методики подсчетов и способов фиксации отдельных итогов.

В последнее время историки и юристы пытались с разных сторон анализировать суть эпохального документа 1722 года, определявшего вплоть до 1917 года строение элитных контингентов абсолютистского государства, преобразования внутри них. К сожалению, почти двухвековой путь дореволюционного закона, отражаемый и популяризаторами, с трудом поддавался емкому формулированию в интересах читателей, представлению его им в виде приемлемого по объему и ясности материала. Серьезным препятствием было множество корректировок, вносимых императорами по рекомендациям разного рода советников: введение новых штатов, переименования чинов и титулов, изменение их положения в разделах, введение субъективных, порой единичных новшеств в чиновничьем производстве. Кое-какие и впрямь могли заинтересовать служака

⁴ Шепелёв Л.Е. *Титулы, мундиры, ордена Российской империи*. Л., 1991. С.141–142.

иллюзорными «перспективами» и выгодами, и они «клевали» на приманку. Видимость работы по улучшению чиновнопроизводственных порядков была на высоте. В начале каждого царствования затевалась деятельность специальной высокой комиссии, в результате чего путаница обычно умножалась. Отголоски высокой бюрократиады отражались в трудах историков в разном облики и даже такое ответственное издание, как «Советская историческая энциклопедия», представила искаженную Табель о рангах⁵.

С учетом необходимых частностей, с тщательным взвешиванием происходивших в разные периоды изменений нашего документа мне удалось составить обобщенную таблицу, способную помочь каждому желающему разобраться в названных проблемах. Ниже мы эту таблицу публикуем⁶.

Но было бы наивно полагать, что нормальное знакомство с таким уникальным для России и для мира законодательным актом может быть исчерпано «пробежкой» по современному формату его содержания. Нет, помимо этого непременно надо обратиться к глубинам гуманитарным, в которых хранятся важные для нас комментарии к ряду интересных следствий появления старинного текста на свет Божий и его бытования в российском обществе.

Русский язык давно перетер в своих жерновах многие лингвистические сложности, заморочки и курьезы, прошмыгнувшие в его владения из иноземных краев. С почтением и иронией прислушиваясь к западным и восточным искусникам речи, русские люди всегда внимательно вникали в ее смысловые переливы. На свой вкус русаки, бывало, с улыбкой выпрямляли потаенный смысл новшеств европейской культуры, уважительно укладывали в свой лексикон любопытные конфигурации западных законов и их осовремененных слов. Пока «птенцы гнезда Петрова» разгуливали по Голландиям да Италиям, дела в их отечестве шли ни шатко ни валко. На старый манер, со старыми словесами, с привычной волокитой, которая давно удивляла даже отроков и мужающих парней. И, конечно,

⁵ Советская историческая энциклопедия. М., 1976. Т.16. Стб.52–59.

⁶ Начиная с 1980-х годов отечественная историческая литература пополнилась рядом содержательных работ, опирающихся на архивные источники и критически рассматривающих данные о Табеле о рангах (Федосюк Ю.А. Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века. М., 1999; Шепелёв Л.Е. Чиновный мир России: XVIII – начало XX в. СПб., 1999; Оболонский А.В. Человек и власть: Перекрестки российской истории. М., 2002; и др.).

они посмеивались, услышав по возвращении в отчие края всякие иностранные названия и фразочки, призванные, по мнению царя, навести европейский порядок и даже лоск, победить безалаберность, обманы и казнокрадство. Всякий, кто слышал новейшие словечки, изначально без охоты пытался вообразить пользу от внедрения обозначаемого ими продукта. Такова была повседневность петровской эпохи. Она по-своему возвращает нас к временам нынешним, в которых мы существуем как народ и как любопытствующие индивидуумы, пытающиеся понять, какие же еще виражи способна закладывать власть, пуще ока охраняющая дивиденды от теплых мест и укорененной веры в пустые обещания.

Теперь на правах вполне законных в нашем языке кто только не поселился: и изречения латинские, и слегка подновленные афоризмы ученых и литераторов. Пышно кустится тут и культурологическая, и техническая терминология. А сколько удачных и неудачных формул и выражений из разных сфер жизни находят пристанище в трудах ученой и полуученой братии, подцепляются к писаниям журналистов? Иногда за такими проникновениями стоят весьма интересные истории.

В их ряду свой любопытный сектор занимают подробности биографии Табели о рангах. Очень непростая судьба выпала на долю этого царского творения. На приживление его к русскому дереву, на прививку к нему немецких званий много энергии потратили лучшие силы российской бюрократии и укрепителей самодержавия. Сам по себе процесс существования Табели, влияния ее на структурные подвижки в русском обществе заслуживает постоянного внимания, а что если со временем мы упускаем нечто поучительное, что может с пользой сгодиться именно сейчас? Тяжеловесный слоган, венчающий текст, это оригинальное сочетание иностранных составных частей, нездешних как по материалу, так и по колеру, припахивающее легким европейским ароматцем, был в краткие сроки уестествлен российскими людьми. Конечно, не без опаски, ибо в нем просматривалось посягательство на старинные удобства местничества и порядков «кормления», привилегии царского окружения и сословные прелести дворянства. Понятное отвращение вызывалось чуждым духом западного грамматического выверта, сродного по звучанию названиям текстов, спускавшихся сверху, с царских ассамблей. Но куда было деться? Петровская бумага охватывала вопросы кардинальные, прочерчивала заманчивые перспективы имеющихся и будущих соотношений в конгломератах чинов гражданских, армейских, морских и придворных. Конечно, перетолмачить высочайше дарованный ярлык со страшновато

запрятым вглубь него женским родом претенциозно звучащего слова «табель», очевидно, можно было. Не такие уж бездарные были современники реформатора №1. Тем не менее, заметных попыток в этом направлении не последовало.

Ревнителю нашей чистой речи тут явно спасовали перед монолитом навязанной стране абсолютистской инструкции – как жить и быть награждаемым за усердие. Высокопоставленные чиновники и витязи филологии тут столкнулись с красноречивейшим примером отечественного «корифейства», служить которому всегда было мечтой домашних конформистов – убавить от целого можно было только с крупными потерями, а прибавлять – пожалуйста. Спорадическая переделка государственного акта, в чьем рождении активно участвовал Петр I, впоследствии не меняла признаков, заложенных в текст августейшим преобразователем всего и вся в России. Развиваясь, разрастаясь и детализируясь, Табель без лишних усилий сохраняла вопреки грамматическим изменениям свой изначально женский пол и, даже отмененная 1917-м годом, не утратила своей моральной и карьерной привлекательности, а также проверенной в прошлом системности. Жизнь ее не была безоблачной. Систему чинов пытались атаковать некоторые очень влиятельные управленцы, близкие к трону. В числе ее активных противников были цари Николай I и Александр III. В XX столетии старушка Табель стала играть роль «мальчика для битья», удобного громоотвода. На нее обрушились разнообразные хулы, изобретательные обвинения в текстовом скудоумии со стороны недавних приверженцев самодержавного порядка. Что поразительно, большинство упражняющихся в комментировании Табели о рангах то и дело переживали за А.С.Пушкина, которому вызывающе, дескать, был пожалован «недостаточный», по их мнению, чин камер-юнкера.

На самом деле почетное придворное звание камер-юнкера полностью соответствовало тогда рангу статского советника, т.е. величины V класса, которая лишь на одну ступеньку была ниже чина генеральского (конкретно, генерал-майора). Пожалование звания камер-юнкера императором обещало быстрое восхождение по службе и некоторые льготы. Что касается А.С.Пушкина, он, по-видимому, в последние недели жизни был продвинут на придворное звание камергера (IV класс). Косвенное свидетельство тому – выделение царем Николаем I значительных сумм на покрытие долгов покойного поэта (из казны было отпущено 95 600 рублей). Семье А.С.Пушкина в начале 1837 года было назначено серьезное материальное обеспечение: вдове и дочерям до замужества назначался пенси-

он, сыновьям поэта выделялось по 1500 рублей до вступления их на службу. В пользу вдове и детям было разрешено издать сочинения А.С.Пушкина⁷.

Следует заметить, что слабая изученность источников, сопровождающих Табель о рангах, мешала в первую очередь выяснению конкретики регулирования этим документом положения в сферах государственных, военных, морских, придворных чинов.

Конечно, такой упрек следует воспринимать реалистично. В фундаменте долговременного невнимания есть вещи объяснимые. Никому не хотелось в советскую пору заниматься исследованием вопросов привилегий во времена минувшие, ибо официальная наука и практика за их носителями никакого значения не признавала. А «органы», то бишь разные карательные устройства, вообще рассматривали уцелевших индивидов в качестве будущих обитателей зон за колючей проволокой. История рисовалась как борьба масс, противостоящих любым аристократическим структурам и их представителям-эксплуататорам. Что эти лица, увенчанные нафталиновыми титулами, эти комичные «шестерки» акакии акакиевичи вообще могли значить в пору, когда жить стало лучше и веселее, как сказал вождь?

Вот так и рождалась вселенская ненависть внутри соцобщества, пренебрежение к заслугам его членов («А еще в шляпе!»). Вот почему у нас и стахановцев-то любили преимущественно бонзы, мелкие шишки, которым они нужны были как ширма, как обязательное начало списка табелируемых, у которого конец теряется в туманных даях лесоповалов и полярных рудников.

Произошедшее в постсоветские годы воцарение чиновной бюрократии постепенно вобрало в себя определенный опыт прошлого, в частности, наработанную волокитчиками и взяточниками изворотливость в сочетании с крутым консерватизмом и изобретательной борьбой за охрану своей явной или скрытой собственности. Не углубляясь в анализ этих важных черт чиновничьей и обывательской жизни (это отдельная тема), коснусь лишь одного: итогов укрепления системы классовых чинов.

Канонизация отечественной бюрократии в новейшее время обрела свою фундаментальную базу. В основу ее легли президентские указы и распоряжения о госслужбе, принятые в 1993–1995 годы: «Положение о

⁷ Деньги – Пушкин – деньги. Альбом-каталог выставки в Государственном музее А.С.Пушкина. Июнь – декабрь 2009 г. М., 2010. С.234–241.

федеральной государственной службе», указ «О структуре федеральных органов исполнительной власти» и др. Эти документы восстановили иерархию должностей и чинов, в соответствии с которой положение в обществе и блага службисту точно указываются на ступеньке его служебной лестницы. «Сводный перечень государственных должностей РФ» по сути стал современным аналогом Табели о рангах, они в нынешней жизни сосуществуют в симбиозе, весьма полезном для творческого экстаза реформаторов, обреченных вечно совершенствовать что-то, не слишком заботясь об ответственности за содеянное.

Появление в нашей жизни классов чинов, структурирующих контингент чиновников на военный манер, ведет к тому, что в этой области то и дело могут затеваться большие и малые программы реформирования и перестроек. Разделение, например, чиновников по ранжиру на действительных госссоветников первого, второго, третьего классов, просто госссоветников трех классов, а также на более мелких советников, референтов, секретарей, способно создавать самые неожиданные предпосылки и для усложнения деловых отношений, и для деформации морали, сдавленной внутриучрежденческой атмосферой, пренебрежением интересами людей. Классные чины удобны для бывших представителей силовых ведомств, они позволяют неплохо менять погоны на соответствующий гражданский чин, выгодно уходить в «резерв» учреждений. Что в законах, реформирующих административную сферу, окажется функциональным, а что декоративным, никогда невозможно было предугадать. Как говорится, поживем – увидим.

Интерес, оживившийся в 1980-х годах к проблемам чинов, званий, титулов, генеалогии как науки, на мой взгляд, дал некоторые результаты. Пошла дельная интеллектуальная подпитка тех, кто жаждал реальных знаний, нуждался в проверенной фактуре. Есть надежда, что их связи с миром действительности, актуальными размышлениями о том, как разумно обустроить жизнь, в том числе и чиновничью, избегая досадных ошибок, будут плодотворными. Надо верить в то, что они многим помогут, как минимум, избежать соскальзывания в колею циничного политиканства, культивирования чинодральских амбиций и грубого завистничества.

Табель о рангах
(с изменениями и дополнениями XVIII – начала XX в.)⁸

Класс	Чины военные		Чины гражданские	Чины придворные
	армейские	флотские		
I.	Генерал-фельдмаршал	Генерал-адмирал	Канцлер Действительный тайный советник I класса	
II.	Генерал-аншеф (до 1796) Генерал от инфантерии Генерал от кавалерии Генерал от артиллерии Инженер-генерал	Адмирал	Действительный тайный советник Вице-канцлер – (особое наименование для лиц, занимавших пост министра иностранных дел в I половине XIX в.)	Обер-камергер Обер-гофмейстер Обер-гофмаршал Обер-шенк Обер-шталмейстер Обер-егермейстер Обер-церемониймейстер (с 1858) Обер-форшнейдер (с 1856), при выслуге придворного чина II кл.
III.	Генерал-поручик (1730–1798) Генерал-лейтенант	Вице-адмирал	Тайный советник	Гофмейстер Гофмаршал Шталмейстер Егермейстер Обер-церемониймейстер (с конца XVIII в.) Обер-форшнейдер (с 1856), без выслуги придворного чина III кл.
IV.	Генерал-майор	Контр-адмирал	Тайный советник (до 1724) Действительный статский советник	Обер-церемониймейстер (1743 – до конца XVIII в.) Камергер (1737–1809), затем придворное звание Действительный камергер (с 1742, в 1810-х – 1860-х годах придворное звание)
V.	Бригадир (1722–1799)	Капитан-командор (1722–1827) С 1764 по 1798 употреблялся чин "капитан бригадирского ранга"	Статский советник	Камер-юнкер (с 1742, после 1809 почетное придворное звание) Церемониймейстер (с 1743)

⁸ Процесс уточнения Табели престолонаследниками с 1727 года в некоторых его частях комментируется в кн. Л.Е.Шепелёва 1991 года (С.163–173). В частности, автор указывает на существенные причины перемещений внутри Табели названий отдельных чинов.

ТРИ СТОЛЕТИЯ НОМЕНКЛАТУРНОЙ ПЕРЕКЛИЧКИ

VI.	Полковник	Капитан первого ранга	Коллежский советник	Камергер (до 1737) Действительный камергер (до 1737) Камер-юнкер (с 1737) Камер-фурьер ("при высочайшем дворе")
VII.	Подполковник Войсковой старшина (с 1884)	Капитан второго ранга	Надворный советник	
VIII.	Премьер-майор и Секунд-майор (1731–1798) До 1884 г.: Майор Войсковой старшина (с 1798) С 1884 г.: Капитан Ротмистр Есаул	Капитан третьего ранга (до 1760-х гг.) Капитан-поручик (1764–1797) Капитан-лейтенант (1797–1884, 1907–1911) Старший лейтенант (с 1912)	Коллежский ассессор	Титулярный камергер (с 1809 почетное придворное звание)
IX.	До 1884 г.: Капитан Ротмистр Есаул С 1884 г.: Штабс-капитан Штабс-ротмистр Подъесаул	Капитан-поручик (до 1764) Поручик (1764–1797) Лейтенант (с 1798) Старший лейтенант (1909–1911)	Титулярный советник	Камер-юнкер (с 1802 придворное звание для лиц, имевших чин V–IX классов) Гоф-курьер («при высочайшем дворе»)
X.	Капитан-лейтенант (1705–1798) До 1884 г.: Штабс-капитан Штабс-ротмистр Подъесаул С 1884 г.: Поручик Сотник	Поручик (до 1764) Мичман (с 1885)	Коллежский секретарь	Примечание. Для дам существовали придворные звания: обергофмейстерина, гофмейстерина, статс-дама, камер-фрейлина, фрейлина

Актуальный архив

XI.	До 1884 г.: Поручик Сотник		Корабельный секретарь (первоначально военно-морской чин)	
XII.	Секунд-поручик и Унтер-лейтенант (XVIII в.) С 1884 г.: Подпоручик Корнет Хорунжий	Унтер-лейтенант Мичман (1764–1884)	Губернский секретарь	Гоф-юнкер Кофешенк, Мундшенк, Тафельдеккер («при высочайшем дворе»)
XIII.	Прапорщик (чин присваивался ушедшим в запас и в военное время) До 1884 г.: Подпоручик Корнет Хорунжий	Мичман (1758–1764) Гардемарин (1860–1882)	Провинциальный секретарь Сенатский регистратор Синодский регистратор Кабинетский регистратор	
XIV.	Фендрик (XVIII в.) Прапорщик (до 1884 г.)	Мичман (XVIII в.)	Коллежский регистратор	

Примечание. Происхождение отдельных наименований⁹.

Бригадир от франц. *brigade* – бригада, отряд.

Вице- от лат. *Vice* – вместо.

Гардемарин от франц. *garde* – охрана, стража; *marine* – морская.

Генерал-аншеф от лат. *general* – главный; франц. *en chef* – главный, старший; букв. главный генерал.

Генерал от инфантерии от итал. *infanteria* – пехота.

Гофф... от нем. *Hof* – двор.

Гофмейстер – нем. *Hofmeister* – букв. управляющий двором.

Егермейстер – нем. *Jägermeister* – начальник охоты.

Есаул от тюркск. *ясаул* – начальник.

Камер... – нем. *Kammer*, от лат. *camera* – комната, палата.

Камергер – нем. *Kammerherr*; букв. комнатный дворянин.

Канцлер – нем. *Kanzler*; от лат. *cancellarius*.

Капитан от лат. *caput, capitis* – голова.

⁹ См.: Шепелёв Л.Е. Титулы, мундиры и ордена Российской империи. М., 2005. С.401–412.

Коллежский ассессор от лат. *assessor* – судья.

Контр-адмирал от араб. *amir-ul-ina*; букв. владыка моря, т.е. командующий флотом; лат. *contra* – против.

Корнет – франц. *cornette* – штандарт, знамя.

Лейтенант – франц. *lieutenant* – замещающий.

Майор – лат. *major* – старший.

Мичман от англ. *midshipman*; букв. средний корабельный чин.

Мундшенк – нем. *Mundschenk* – виночерпий.

Обер- от нем. *ober* – старший.

Обер-форшнейдер от нем. *Vorschneider* – разрезатель [кушаний].

Обер-шенк от нем. *Schenk* – кравчий, хранитель вин.

Поручик от польск. *porucznik* – порученец, помощник командира.

Прапорщик от старослав. *prapor* – знамя; букв. знаменщик, знаменосец.

Премьер-майор от франц. *premier* – первый.

Ротмистр от нем. *Rittmeister* – начальник рыцарей.

Секунд- от лат. *secundus* – второй.

Статс- от нем. *Staat* – государство.

Тафельдеккер – нем. *Tafeldecker* – накрывающий стол.

Унтер- от нем. *unter* – ниже.

Фендрик от нем. *Fähnrich* – букв. знаменщик.

Фрейлина от нем. *Fräulein* – незамужняя женщина, барышня.

Фурьер – франц. *fourrier*, от лат. *fodrum* – корм.

Хорунжий – польск. *chorazy*, от *choragiew* – хоругвь, знамя.

Шталмейстер – нем. *Stallmeister* – начальник конюшни.

Юнкер – нем. *Junker* – молодой дворянин.

События последних двух–трех лет показывают, что отношения высших лиц государства к преобразованиям в интересах различных категорий бывших и еще функционирующих служилых людей претерпевают изменения, по которым весьма трудно определить истинные тенденции производимых манипуляций. Налицо известная осторожность в подходах к стимулированию льгот, поднятию уровня государственного протекционизма.

С одной стороны, идет реформа в армии, прикидка последствий ее перевода на контрактную систему, уменьшение численности офицерства, с другой, – обещания в обозримом будущем повысить размеры материального обеспечения. До недавнего времени было неясно, какие изменения происходят в органах правопорядка, насколько сокращается

численность руководящих звеньев, как растёт и будет расти зарплата среди полицейских разных уровней и т.п., какие заботы занимают власть в отношении статуса различных служебных величин, составляющих костяк полиции и соответствующих служб других ведомств правоохранительного профиля. Как отмечает пресса, доходы полицейских в начале 2012 г. увеличились кое-где в разы. «И если про милицию говорили, что она у нас народная, и это было в некотором роде правдой, то относительно полиции этого уже явно не скажешь», – подчеркивает корреспондент, работающий в Красноярске¹⁰.

Недавно резко увеличен с 12 до 25 лет стаж работы на госслужбе, необходимый госслужащим для получения пенсии за выслугу лет. С учетом планов укрепления значения и повышения динамизма бюрократической прослойки эта мера представляется отнюдь не популярной в среде нынешнего чиновничества. Тем более что одновременно утверждено еще одно важное правило: для получения пенсии за выслугу лет увольняющемуся с госслужбы по собственному желанию надо иметь перед увольнением с должности 7 лет непрерывного стажа работы в ней, что меняет старый порядок – раньше было достаточно и годичного срока¹¹.

Распутывание лабиринтов опыта старинного документа 1722 года, всех его проб и ошибок, конечно, представляет не только исторический интерес. Процессы совершенствования системы госуправления постоянно волновали российскую власть, какой бы строй ей ни достался, какими бы структурами она ни манипулировала, как бы она ни хотела прирастить свои территории и распорядиться своими богатствами. Может ли прежняя «табельная» наработка со всеми ее корректировками помочь новой мегаорганизации людей эффективно управлять внешней и внутренней политикой страны?

¹⁰ Тарасов А. Рай-отдел полиции // Новая газета. 2012. 22 февраля. С.4.

¹¹ Комсомольская правда. 2011. 5 мая. С.2.

Наши авторы

Кургинян Сергей Ервандович

кандидат физико-математических наук, политолог,
Президент Международного общественного фонда
«Экспериментальный творческий центр»,
главный редактор журнала «Россия XXI»,
главный режиссер театра «На досках»

Александров Олег Борисович

кандидат политических наук,
доцент кафедры международных отношений
и внешней политики России МГИМО(У) МИД России

Савин Андрей Иванович

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник Института истории
Сибирского отделения РАН

Мягков Михаил Юрьевич

доктор исторических наук,
заведующий Центром истории войн и геополитики,
Институт всеобщей истории РАН

Потапова Наталья Дмитриевна

кандидат исторических наук,
доцент факультета истории Европейского университета
в Санкт-Петербурге

Ковалев Михаил Владимирович

кандидат исторических наук, доцент,
заместитель декана факультета экологии и сервиса
Саратовского государственного технического университета

Хайлова Нина Борисовна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры «Экономическая история»
Финансового университета при Правительстве РФ

Митрофанов Николай Николаевич

кандидат исторических наук,
член редколлегии Московской энциклопедии

Our authors

Kurginyan Sergey Ervandovich

Ph. D. in physics and mathematics,
specialist in political sciences,
President of the International Public Foundation
«Experimental Creative Center», editor-in-chief of «Russia XXI»,
Chief producer of the Theatre «On the Boards»

Aleksandrov Oleg Borisovich

Ph.D. in political sciences,
Assistant Professor of chair
for international relations and foreign policy,
Moscow State Institute of International Relation – University

Savin Andrey Ivanovich

Ph.D., historian, Senior Researcher,
Institute of History, Siberian Branch of RAS

Myagkov Mikhail Yur'evich

D.Sci., historian,
Head of the Centre of Military History and Geopolitics,
Institute of World History RAS

Potapova Natalia Dmitrievna

Ph.D., historian, Assistant Professor,
European University, St. Petersburg

Kovalev Mikhail Vladimirovich

Ph.D., historian, Assistant Professor,
Deputy Dean of faculty of environment and service,
Saratov State Technical University

Khailova Nina Borisovna

Ph.D., historian, Assistant Professor of the chair
for economical history of Financial University
under the Government of the Russian Federation

Mitrofanov Nikolai Nikolaevich

Ph.D., historian, member of "Moscow encyclopedia" editorial
board

ЖУРНАЛ МОЖНО КУПИТЬ

в Москве

«Фаланстер», М.Гнездниковский пер., д.12/27, стр.3;
«Циолковский», Политехнический музей, подъезд 7д;
киоск МГИМО, просп. Вернадского, д.76;
киоск РУДН, ул. Миклухо-Маклая, д.6;
киоски «Аргумент» в I и II гуманитарных корпусах МГУ,
Воробьевы горы;
киоск в РГБ, ул. Воздвиженка, д.3/5, 3-ий читательский
подъезд;

в Санкт-Петербурге

магазин «Книжный окоп»,
Тучков пер., 11/5
магазин «Ноосфера»
ул. Малая Посадская, 4а (вход в арку) тел. (812)498-61-71

по всей России

**журнал «Россия XXI» можно
заказать с доставкой или купить
в книжном интернет-магазине «Русская деревня».**
**Адрес: Москва, Глинищевский переулок, дом 6
(за книжным магазином «Москва», под вывеской
«Союз женщин России»).**
**Телефон: (495) 650-60-31,
сайт www.hamlet.ru**

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ:

Подписные индексы:

**39363 – по объединенному каталогу «Пресса России»
С 2012 года меняется подписной индекс журнала
по каталогу Агентства «Роспечать».
Теперь подписка на журнал годовая, индекс 83496.**

Альтернативная подписка:

**ООО «ИнтерПочта-2003»
тел. (495)788-00-60, факс (495)225-67-64
ООО «Смарт-Трейд» т/ф (499)500-97-08
ООО Агентство «Артос-Гал» т/ф (495)795-23-00
ООО «Союзпресс» тел. (495)675-09-40**

**Для иностранных читателей
подписка проводится**

**через агентство «МК-Периодика»:
тел. (495) 672-70-12, факс (495)306-37-57
e-mail: export@periodicals.ru**

**Подписка на электронную версию журнала
оформляется через Научную электронную библиотеку:
www.elibrary.ru**

В редакции подписка и продажа льготные.

Тел. (495)691-74-79

**E-mail: russia21@ecc.ru,
bushueva@ecc.ru**

123001, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2

ISSN 0869–8503

Учредитель: Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ

Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года.
Регистрационное свидетельство №011074.

© «Россия XXI» 2012.

Цена свободная.

Адрес редакции:

123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2

Телефон (495)691-74-79, факс (495)694-17-54

E-mail russia21@ecc.ru

<http://www.russia-21.ru>

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна.

Подписано в печать 21.05.2011. Формат 60x88 1/16.

Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Объем 11,75 печ. л.

Тираж 1000 экз. Заказ №

Отпечатано в ГУП Академиздатцентр «Наука» РАН,
ОП «Производственно-издательский комбинат «ВИНИТИ»–«Наука»,
140014, Московская обл., г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 403.
Тел./факс: 554-21-86, 554-25-97, 974-69-76.

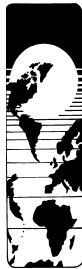
3. 2012 may-june

Theory and Practice of the Political Games

Sergey Kurginyan

Models of Global Hegemony and Their Impact
on the World Organization _____ **6**

Geopolitics and International Policy Issues

Oleg Aleksandrov

Is it Possible to 'Reset' the Relations between
Russia and the Baltic States? _____ **22**

Pages of History

Andrey Savin

Ethnicization of Stalinism? 'National' and 'Kulak'
Operations of the NKVD:
Comparative Aspect _____ **40**

Mikhail Myagkov

Echo of the Moscow Fight: Strategic Situation and
Plans of the Sides in the Spring of 1942 _____ **62**

Mentality. Strivings for Cultural Wealth

Natalia Potapova

Concept of Memory in Culture of
Modernity _____ **86**

Russia in the World

Mikhail Kovalev

Between Politics and Ideology:
Metamorphoses of the Russian
Emigration' Historical
Memory, 1920–1940 _____ **120**

Topical Archive

Nina Khailova

People from Footnotes. 'I was an
Enfant Terrible of a Kind in the
Constitutional-Democratic Party' **150**

Nikolai Mitrofanov

300 Years of Nomenclature
Rollcall _____ **168**

**ИХХ
ВМЯ
РОССИЯ
РОССИЯ
РОССИЯ**